

**Иван Антонович Ефремов Александр Бачило Александр
Бушков Елена Арсеньевна Грушко Андрей Всеволодович
Дмитрук Феликс Дымов Владимир Клименко Леонид
Викторович Кудрявцев Юрий Михайлович Медведев Ольга
Новикевич
Румбы фантастики. 1988 год. Том I**

&OCR - Tanja45

«Румбы фантастики. 1988 год. Том I»: «Молодая гвардия»; Москва; 1989
ISBN ISBN 5-235-01069-8

Аннотация

*Сборник лучших фантастических повестей и рассказов, изданных в 1988 году
Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК
ВЛКСМ «Молодая гвардия».*

Составитель: Л. В. Ханбеков.

Предисловие: Виталий Севастьянов.

сборник
**РУМБЫ
АНТАСТИКИ**

**ЩКОЛА
Ефремова**

1988

ТОМ I

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

Виталий Севастьянов
ТЕМ УДИВИТЕЛЬНЕЕ РЕЧЬ...
Предисловие

Каждый, кто побывал в космосе, испытал на себе то, что я назвал бы «парадоксом уплотненного времени». Когда в иллюминаторах корабля видишь чередование материков и океанов Земли, невольно изменяется и само представление о времени. Ведь за минуту-другую «небесного разговора» происходит множество событий на Земле.

Я подумал об этом, дочитывая перед сдачей в набор книгу, которую вы держите в руках. Это тоже дитя уплотненного времени, только земного. Поясню свою мысль. В прошлом году, напутствуя сборник «Румбы фантастики», составленный из произведений участников семинара молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока, я и не предполагал, что семинар вскоре станет Всесоюзным объединением. Что буквально за полгода молодые фантасты смогут провести творческие встречи в Ташкенте, Риге, Днепропетровске, Минске (здесь уже совместно с польскими коллегами). Что итогом этих встреч станет молниеносный выпуск более десяти фантастических сборников (к примеру: «Миров двух между», «Санаторий», «Простая тайна», «Планета для контакта»...). Что в Союз писателей будут приняты трое членов Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов — и все трое новосибирцы: Владимир Галкин, Таисия Пьянкова, Анатолий Шалин, а на подходе еще добрый десяток имен. Что и в самой «Роман-газете» будут опубликованы произведения Василия Головачева, Елены Грушко, Евгения Гуляковского, Сергея Павлова. Что внезапным явлением стольких молодых талантов заинтересуются в Болгарии, Венгрии, Польше, Югославии.

Впрочем — так ли уж внезапным? Ведь ни для кого не секрет, что иные годами, десятилетиями, до седых волос носили клеймо «молодых». Мэтры, с толстой кипой своих многократно переизданных творений под мышкой, снисходительно похлопывали их по плечу, ссылаясь на существующие и не существующие препоны в деле издания фантастики, заведомо обрекая своих учеников и почитателей на молчание. Именно поэтому так горько видеть рядом с двадцатилетними дебютантами и тех, кто годится им по возрасту в отцы, а порой и в деды...

Видимо, такое положение дел могло бы длиться до скончания веков, если бы руководство издательства «Молодая гвардия» не решилось — вот знамение новых времен! — взять под свое крыло все сулящее множество хлопот фантастическое сообщество, дать шанс опубликоваться буквально каждому молодому таланту. И что самое отрадное — сразу проявилось жанровое многообразие: Евгений Дрозд (Минск), Феликс Дымов (Ленинград), Людмила Козинец (Киев), Александр Копти (Таллинн), Ольга Новикевич (Рига), Евгений Носов (Новосибирск), Николай Орехов (Минск), Виталий Пищенко (Новосибирск), Михаил Пухов (Москва), Дмитрий Федотов (Томск), Анатолий Шалин (Новосибирск) — представители, так сказать, классического направления в НФ. Александр Бушков (Красноярск), Лев Вершинин (Одесса), Виталий Забирко (Донецк), Игорь Пидоренко (Ставрополь), Николай Полунин (Москва) более тяготеют к фантастике героического начала. Александр Бачило (Новосибирск), Владимир Вольф (Винница), Наталия Новаш (Минск), Александр Силецкий (Москва), Евгений Сыч (Красноярск) склоняются к философской притче. Направление сказочно-фольклорное представлено произведениями Сахибы Абдуллаевой (Ташкент), Сергея Булыги (Минск), Елены Грушко (Горький), Татьяны Мейко (Томск), Таисии Пьянковой (Новосибирск). И уже наметились ответвления: фантастика этнографическая, сатирическая, парадоксальная...

О чем мечтается фантастам? Не только о новых сборниках. Их в производстве свыше десяти! О журнале «Фантастика» мечтается, конечно же. О Всесоюзных (и даже Всемирных!) фестивалях фантастики. О равноправии этого жанра с другими жанрами литературы — хватит числить фантастику этакой литературной Золушкой. Тем более, что последние два-три года в так называемой большой прозе стали торжеством именно фантастики — достаточно назвать такие публикации, как «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце» Михаила Булгакова, «Час быка» Ивана Ефремова, «Мы» Евгения Замятина, «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море» Андрея Платонова, «Путешествие моего брата Алексея» Алексея Чаянова. Они буквально прорвались к читателю сквозь пласты застойных времен, как бы подтвердив в очередной раз истину:

Чем продолжительней молчанье,
Тем удивительнее речь.

Новое поколение наших фантастов, повторяю, тоже достаточно долго *вынужденно* молчало. Счастье его и целых поколений читателей, что открытие талантов происходит именно сейчас, а не в будущем, допустим, веке.

Я рад возможности рекомендовать читателю книгу — своего рода избранное «Школы Ефремова».

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ,
дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР

Иван Ефремов **БЕЛЫЙ РОГ**

В бледном и знойном небе медленно кружил гриф. Без всяких усилий парил он на огромной высоте, не шевеля широко распластанными крыльями.

Усольцев с завистью следил, как гриф то легко взмывал кверху, почти исчезая в слепящей жаркой синеве, то опускался вниз сразу на сотни метров.

Усольцев вспомнил про необычайную зоркость грифов. И сейчас, как видно, гриф высматривает, нет ли где падали. Усольцев невольно внутренне содрогнулся: пережитая им смертная тоска еще не исчезла. Разум успокоился, но каждая мышца, каждый нерв слепо помнили пережитую опасность, содрогаясь от страха. Да, этот гриф мог бы уже сидеть на его трупе, разрывая загнутым клювом обезображенное, разбитое тело...

Засыпанная обломками разрушающихся обнаженных скал долина была раскалена как печь. Ни воды, ни деревца, ни травы — только камень, мелкий и острый внизу, обрывисто громоздящийся угрюмой массой вверх. Разбитые трещинами утесы, нещадно палимые солнцем...

Усольцев поднялся с камня, на котором сидел, и, чувствуя противную слабость в коленях, пошел по скрежетавшему под ногами щебню. Невдалеке, в тени выступающей скалы, стоял конь. Рыжий кашгарский иноходец насторожил уши, приветствуя хозяина тихим и коротким ржанием.

Усольцев освободил повод, ласково потрепал лошадь по шее и вскочил в седло.

Долина быстро раскрылась перед ним: иноходец вышел на простор. Ровный уступ предгорий в несколько километров ширины круто спускался в бесконечную степь, затянутую дымкой пыли и клубящимися струями нагретого воздуха. Там, далеко, за серо-желтой полосой горизонта, лежала долина реки Или.

Большая быстрая река несла из Китая свою кофейную воду в зарослях колючей джидды и цветущих ирисов. Здесь, в этом степном царстве покоя, не было воды. Ветер, сухой и горячий, шелестел тонкими стеблями чия¹

Усольцев остановил иноходца и, приподнявшись на стремянах, оглянулся назад. Вплотную к ровной террасе прилежала крутая коричневатая-серая стена, изрезанная короткими сухими долинами, разделявшими ее гребень на ряд неровных острых зубцов. Посредине, как главная башня крепостной стены, выдавалась отдельная отвесная гора. Ее изрытая выпуклая грудь была подставлена знойным ветрам широкой степи, а на самой вершине торчал совершенно белый зубец, слегка изогнутый и зазубренный. Он резко выделялся на фоне темных пород. Гора была значительно выше всех других, и ее острая белая вершина походила на высоко взметнувшийся в небо гигантский рог.

Усольцев долго смотрел на неприступную гору, мучимый стыдом. Он, геолог, исследователь, отступил, дрожа от страха, в тот самый момент, когда, казалось, был близок к успеху. И это он, о ком говорили как о неутомимом и стойком исследователе Тянь-Шаня! Как хорошо, что он поехал один, без помощников! Никто не был свидетелем его страха. Усольцев невольно огляделся кругом, но палящий простор был безлюден — только широкие волны ветра шли по заросшей чием степи и лиловатое марево неподвижно висело над уходящей на восток горной грядой.

Иноходец нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

— Что же, Рыжик, пора нам домой, — тихо сказал геолог коню.

И тот, словно поняв, выгнул шею и двинулся вдоль уступа. Маленькие крутые копыта отбивали частую дробь по твердой почве. Быстрая езда успокаивала душевное смятение геолога.

С крутого спуска Усольцев увидел стоянку своей партии. На берегу небольшого ручья, под сомнительной защитой филигранных серебристых ветвей джиддовой заросли, были раскинута две палатки и поднимался едва заметный столбик дыма. Подальше, едва на границе степи, стоял толстый карагач, словно обремененный тяжестью своей густой листвы. Под ним виднелась еще одна высокая палатка. Усольцев посмотрел на нее и отвернулся с привычным ощущением грусти.

— Рабочие не вернулись еще, Арслан?

Старообразный рабочий-уйгур, мешавший плов в большом казане, подбежал к лошади.

— Я сам расседлаю, а то пригорит у тебя плов... Есть не хочу, жарко...

Узкие темные глаза уйгура внимательно взглянули на Усольцева.

— Наверно, опять Ак-Мюнгуз² ездил?

¹ Чий — высокий, растущий пучками злак среднеазиатских степей.

² Ак-Мюнгуз (уйгурск.) — Белый Рог.

— Нет... — Усольцев чуть покраснел. — В ту сторону, но мимо.

— Старики говорят: Ак-Мюнгүз даже орел не садится; он острый, как шемшир,³ — продолжал уйгур.

Усольцев, не отвечая, разделся и направился к ручейку. Холодная, прозрачная вода дробилась на острых камнях и издавала казалась лентой измятого белого бархата. Звонкое переливчатое журчание было исполнено отрады после мертвых, раскаленных долин и свиста ветра.

Усольцев, освеженный умыванием, улегся в тени под зонтом, закурил и погрузился в невеселые думы...

Сознание поражения отравляло отдых, вера в себя пошатнулась. Усольцев пытался успокоить свою совесть размышлением о признанной недоступности Белого Рога, но это ему не удалось. Глубоко задетый своей неудачей, он невольно потянулся к той, которая уже давно была его неизменным другом, но только... в мечтах.

Сегодняшняя неудача надломилась волю. Вопреки давно принятому решению, Усольцев поднялся и пошел к высокой палатке под карагачем. Он вспоминал недавний разговор.

«Что пользы говорить об этом? — сказала она. — Все давно глубоко запрятано, покрылось пылью...» — «Пылью?» — гневно спросил Усольцев и ушел, не сказав ничего, чтобы не возвращаться больше. Это было два года назад, а теперь работа снова нечаянно свела их вместе: она заведовала шлиховой партией, обследовавшей район его съемки. Но она так же далека и недостижима для него, как... Белый Рог.

И вот он, избегавший лишних встреч, обменивавшийся с ней только необходимыми словами, идет к ее палатке. Еще одно поражение, еще одно проявление слабости...

Ну, все равно!..

На ящике у палатки сидела и шила полная девушка в круглых очках. Она дружелюбно приветствовала Усольцева.

— Вера Борисовна в палатке? — спросил геолог.

— Да, читает запоем весь день.

— Входите, Олег Сергеевич, — раздался из палатки мягкий, чуть насмешливый голос. — Я узнала вас по походке.

— По походке? — переспросил Усольцев, откидывая полу входа. — Что вы нашли в ней особенного?

— Она у вас такая же угрюмая, как и вы сами!

Усольцев вспыхнул, но сдержался и осторожно заглянул в строгие серые, с золотыми искорками глаза.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — поспешно проговорил Усольцев. — Вы ведь скоро уезжаете, я и зашел вас проводить на прощание.

— А у меня сегодня был день приятного безделья. Мои поехали в Подгорный за почтой. Управление телеграфировало еще на прошлой неделе об изменении дальнейшего плана. Должны прислать подробное распоряжение. Работа здесь кончена, и мы на отлете... Вот прекрасная книга, прислали по почте. Я весь день читала. Завтра тоже отдых, а там — в новые места, скорее всего на Кегень. Жаль, что здесь все было так неудачно. Нашли несколько кристаллов касситерита... и все. А месторождение, когда-то бывшее наверху, давно разрушено, снесено!

— Да, если бы уцелели более высокие вершины, — согласился Усольцев.

— Только Белый Рог, — вздохнула Вера Борисовна. — Но он неприступен, а сверху ничего не падает: должно быть, очень крепкая порода. Мой совет — просите сюда пушку, чтобы отбить кусок Рога, а то плохо ваше дело: секрет останется неразгаданным, — весело закончила она.

³ Шемшир — меч.

Усольцев протянул руку к лежавшей на чемодане книге.

— «Восхождение на Эверест». Вот чем вы зачитывались весь день!

— Чудесная книга! На ее страницах лежит отблеск вечных гималайских вершин. Меня захватила... как бы вам сказать... не самая атака Эвереста, а постепенное внутреннее восхождение, которое проделали в душе — каждый — главные участники атаки. Понимаете, борьба человека за то, чтобы стать выше самого себя.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — ответил Усольцев. — Но ведь они так и не поднялись на самую вершину Эвереста?

Глаза Веры Борисовны потемнели.

— Да, с вашей точки зрения, это было поражением. Они сами признавали это. «Нам нет извинения, мы разбиты в этом честном сражении, побеждены высотой горы и разреженностью воздуха», — прочитала Вера Борисовна, взяв книгу из рук Усольцева. — Разве этого мало — выбрать себе высокую, невероятно трудную цель, пусть несоразмерную с вашими данными? Вложить всего себя в ее достижение. Я так ясно представляю себе Эверест! Роковая обнаженная, скалистая гора. На той недоступной вершине ужасные ветры, даже снег не держится. Вокруг — страшные пропасти. Рушатся ледники, скатываются лавины. И люди упорно ползут вверх, вперед... Если бы мы могли ставить себе почаще подобные завоевания Эвереста цели!

Усольцев молча слушал.

— Но ведь только единицы способны на такие подвиги! — воскликнул он. — И Эверест, в конце концов, он тоже только один в мире.

— Неправда, это просто неправда! У каждого могут быть свои Эвересты. Неужели вам нужны примеры из нашей жизни? А война разве она не дала героев, поднявшихся выше своих собственных сил!

— Но тот, настоящий Эверест, он безусловен для всех и каждого, — не сдавался Усольцев, — а в выборе своего Эвереста можно ведь и ошибиться.

— Это вы хорошо сказали! — воскликнула Вера Борисовна. — Она насмешливо посмотрела на Усольцева, — В самом деле, представьте себе, вы вкладываете все, что у вас есть, в Эверест, а на деле это оказывается маленькая горюшка... ну, хоть вроде этих наших. Какой жалкий конец!

— Вроде этих наших? — вздрогнув, переспросил Усольцев.

И в тот же момент с потрясающей отчетливостью вспомнил, как всего несколько часов назад он распластался на крутом каменистом откосе, по которому, как дробь, катились мелкие угловатые кусочки щебня. Пытаясь удержаться, он прижимался к склону всем телом. Чувствовал, что при малейшем движении вверх или вниз он неминуемо сорвется со стометрового обрыва. Как медленно текло время, пока он, собирая всю волю, боролся с собой и наконец, решившись, толчком бросился в сторону, покатился, перевернулся и повис, вцепившись скрюченными пальцами в трещины камня.

Одинокая молчаливая борьба в смертельной тоске...

Усольцев вытер выступивший на лбу пот и не прощаясь ушел...

* * *

Четыре головы склонились над придавленной камешками картой. Палец прораба царапал бумагу сломанным ногтем.

— Сегодня мы дошли наконец до северо-восточной границы планшета. Вот здесь эта долина, Олег Сергеевич. Там опять сброс, впритык стоят древние диориты. Следовательно, конец нашего островка метаморфической толщи⁴ — последняя точка.

⁴ *Метаморфическая толща* — пласты осадочных пород, измененных влиянием давления и температуры в более глубоких слоях земной коры.

Прораб начал развязывать мешочки, торопясь до темноты показать образцы.

Усольцев разглядывал изученную до мельчайших подробностей карту. За извивами горизонталей, стрелками, за цветными пятнами пород и тектоническими линиями перед геологом вставала история окружающей местности. Совсем недавно — что такое миллион лет по геологическим масштабам! — низкое, ровное плоскогорье расколосось гигантскими трещинами, вдоль которых большие участки земной коры задвигались, опускаясь и поднимаясь. На севере образовался провал; теперь там, в этой котловине, течет река Или и расстилается широкая степь. К югу от того места, где стоят их палатки, поднимается уступами хребет, как гигантская лестница. На самых высоких уступах работа воды, ветра и солнца разрушила ровные ступени, образовав беспорядочное скопище горных вершин. Верхние пласты на этих горах снесены, они рассыпались и легли рыхлыми песками и глинами на дно низкой котловины. На вот этот первый уступ должен хранить под покровом наносов те породы, которые исчезли на горах: его поверхность не подвергалась размыву. Если бы пробить верхний покров уступа шурфом или шахтой — ведь он не более тридцати метров толщины! Но для того, чтобы предпринять такую работу, нужно знать хотя бы приблизительно, что обещает исчезнувшая на горах верхняя толща. Ответ на этот вопрос может дать только Белый Рог: на его неприступной вершине уцелел маленький островок верхних слоев. Грань между темными метаморфическими породами и загадочным белым острием видна совершенно отчетливо — падение в сторону сброса. Следовательно, нет сомнения, что в опущенном участке эта белая порода полностью сохранилась. А гора словно заколдована: сколько ни искал он в осыпях разрушенной породы у ее подножия, он не смог найти ни одного куска, отвалившегося от Рога... Какая-то вечная, несокрушимая порода слагает белый зубец! Но ведь именно у подножия Ак-Мюнггуза были найдены два огромных кристалла касситерита — оловянного, камня...

Нет, тайну Белого Рога надо раскрыть во что бы то ни стало! Только на этой вершине лежит ключ к рудным сокровищам, погребенным снизу. Олово! Как нужно оно нашей стране! Это ясно сознает он, геолог. Значит, геолог и должен сделать то, чего не могут другие — те, кто не понимает всей важности открытия.

Уставшие за день помощники Усольцева быстро заснули. Чистый холодный воздух опускался на теплую землю. Лунный свет струился зеленоватыми каскадами по темным обрывам. Усольцев лежал в стороне от палаток, подставляя ветру горячие щеки, и старался уснуть.

Он снова переживал неудачную попытку восхождения на Белый Рог. Он считал чудом свое спасение от неминуемой гибели и в то же время знал, что еще раз повторит попытку.

«Теперь же, на рассвете! — решил он. — Пока не зашла луна, нужно достать зубила».

Усольцев встал, осторожно пробрался между веревками палаток к ящику со снаряжением и, стараясь не шуметь, принялся рыться в нем.

От дальней палатки послышалось тихое пение. Усольцев прислушался: пела Вера Борисовна.

«Узнаешь, мой Княже, тоску и лишенья, великую страду, печаль...» — тихо разносился голос по выбеленной лунной степи.

Усольцев захлопнул ящик и вернулся на свое место.

«Нет, подожду еще немного, пока не уедет. Если разобьюсь, еще подумает что-нибудь... Будто я из-за нее полез... Тут еще этот разговор об Эвересте... Хорош Эверест — в триста метров высоты!»

* * *

— Куда мы сегодня поедем, Олег Сергеевич? — спросил Усольцева прораб.

— Никуда — планшет окончен. Даю вам два дня на приведение в порядок съемки и коллекций. Потом поедете в Киргиз-Сай за подводой.

— Значит, переберемся поближе к границе?

— Да, в Такыр-Ачинохо.
— Это хорошо, там места куда лучше: горы повыше и рощицы есть, не то что здешнее пекло. А вы сегодня будете отдыхать?
— Нет, проедусь вдоль главного сброса.
— К Ак-Мюнгузу?
— Нет, немного дальше.
— Знаете, я забыл вам сказать. Когда я был в Ак-Таме, мне рассказывали, что на Ак-Мюнгуз пробовали взбираться альпинисты. Приезжали какие-то спецы из Алма-Аты...
— Ну и что? — с нетерпением перебил Усольцев.
— Признали Белый Рог абсолютно неприступным.

* * *

Облако пыли поднималось за рыжим иноходцем. Усольцев ехал изучать непобедимого противника. Белый Рог повис над ним всей своей выдвинувшейся в степь громадой, словно чудовищный бык, старающийся подняться из захлестнувших его волн каменного моря. Прямо к подножию горы ветер накатывал клубки колючих сухих растений. Здесь когда-то зияла трещина, здесь терлись друг о друга два передвигавшихся горных массива. Следы этого трения остались на груди утеса, поблескивая полированным камнем. Темно-серые и шоколадные метаморфические сланцы, пересеченные тонкими жилами кварца, были наклонены внутрь горы и образовали мелкослоистую поверхность обрыва — стену из тонких, плотно уложенных плиток. Как ни напрягал свое воображение Усольцев, но ни малейшей надежды подняться вверх хотя бы на полсотни метров с этой стороны Ак-Мюнгуза не было. Восточный отрог горы представлял собою острое, как нож, ребро, глубоко выщербленное в середине. Нет, единственный путь — с юго-западной стороны, из долины, отделяющей Белый Рог от других вершин, там, где Усольцеву удалось подняться почти на сто метров, то есть на треть высоты страшной горы. До вершины оставалось еще двести метров, и каждый из них был неприступен. Закинув голову, Усольцев смотрел на острие горы.

Если бы иметь специальное снаряжение, крючья, веревки, опытных товарищей... Но где же взять все это? Альпинисты и те отказались от подъема на Белый Рог.

Усольцев повернул коня и поехал вокруг Ак-Мюнгуза к устью сухой долины. «Эверест, Номоомо, Макалу, Кангченгюнга — высочайшие пики Гималаев, — думал он. — Что Гималаи? Совсем близко отсюда светящийся голубой Хан-Тенгри, алмазные зубцы Сарыджаса. Красивые, грозные снежные вершины. Мир прозрачного воздуха, чистого света. Все это как-то невольно, настраивает на подвиг. А здесь — низкие, угрюмые, обсыпанные обломками горы, тусклое, лиловое от жары небо, пыль и дрожащее степное марево... Нет, не нужно преувеличивать, и этот ветреный палящий простор тоже прекрасен, и в этих обломках старых, полуразваленных гор есть свое особенное, грустное очарование. Даже на висящих у горизонта бледных, простых по очертаниям облаках тоже печать сухой, грустной Азии, страны обнаженного камня и высокого, чистого неба».

В душном зное долины душу окутала тень пережитого здесь... Вот этот столб пегматитовой жилы, похожей на рваное мясо, пересекающей темную массу сланцев... По выступам этого столба с серебряными зеркальцами слюды он тогда добрался до идущей наискось второй жилы. Но дальше — дальше пути не было. Он попытался ползти по крутому склону, извиваясь, как червяк. Склон оказался покрытым мелкими кусочками щебня, катившимися от малейшего прикосновения, как дробь, и не дававшими ни малейшей опоры. Здесь чуть было и не произошла катастрофа...

Усольцев спешил и поднялся на противоположный склон долины. Нет, ничего не выйдет, не обойдешь вот эту крутизну. Если бы одолеть северо-западное ребро, то оттуда почти до самого Рога ровная поверхность склона. А какими силами удержишься на ребре? Кто спустит веревку с самого пика? Усольцев проследил взглядом за протянутым мысленно

канатом и вдруг заметил у основания белого зубца небольшую площадку, вернее, выступ нижних черных пород, примыкающий к отвесной белой стенке. Поверхность площадки понижалась к зубцу и почти не была видна снизу.

«Странно, как я раньше не видел этой площадки? Правда, сейчас она не имеет значения: добраться до нее — это значит добраться до зубца».

Усольцев устал стоять и, найдя удобный выступ, уселся, не спуская глаз с горы.

* * *

— Какой прохладный вечер! — Прораб лениво развалился на кошке в ожидании чая.

— Так бывает на середине луны, — пояснил Арслан. — Потом пять дней дует сильный ветер оттуда. — Уйгур махнул рукой в сторону Или. — Бывает совсем холодно.

— Отдохнем от жары перед отъездом. Верно, Олег Сергеевич?

Усольцев молча кивнул.

— Товарищ начальник какой стал: сидит, молчит. Раньше почему был другой? — Уйгур засмеялся мелким смешком, но глаза оставались серьезными. — Я понимаю: начальник Ак-Мюнгуз любит. Скоро ехать Ачинохо, как бросать будет? Баба лучше — собой тащить можно. Ак-Мюнгуз нельзя!

Молодежь расхохоталась; невольно улыбнулся и Усольцев. Ободренный успехом шуток, Арслан продолжал:

— У нас старый сказка есть, как один батур влез на Ак-Мюнгуз.

— Что ж ты раньше не говорил, Арслан? Расскажи! — воскликнул с интересом прораб.

— Джахши, чай готовлю, потом буду рассказывать, — согласился Арслан.

Старый уйгур поставил на кошму чайник, вытащил пиалы, лепешки, уселся, скрестив ноги, и, прихлебывая чай, начал рассказ.

Несмотря на ломаную русскую речь уйгура, Усольцев слушал с жадным вниманием. Воображение его наделяло легенду горячими, яркими красками. Такой она, вероятно, и была на самом деле у этих поэтических жителей Семиречья.

Усольцева поразило, что, по словам уйгура, все это произошло сравнительно недавно — лет триста назад. Легенда так отвечала его собственным мыслям, что геолог не переставал думать о ней, когда все улеглись спать. Сон не шел. Усольцев лежал под яркими, близкими звездами, вспоминая рассказ Арслана и дополняя его новыми подробностями.

...Всей этой областью владел могучий и храбрый хан. Его кочевой народ обладал многочисленными стадами, постоянно умножавшимися благодаря удачным набегам на соседей. Однажды хан предпринял с большим отрядом далекое путешествие и дошел до Таласа. Недалеко от древних стен Садыр-Кургана хан наткнулся на целую орду свирепых джете.⁵ Завязался кровопролитный бой. Джете были разбиты и бежали. Хану досталась богатая добыча. Но больше всего радовался хан одной из пленниц, женщине необыкновенной красоты, возлюбленной побежденного предводителя. Она была похищена джете в Ферганской долине, на пути из какой-то далекой страны к своему отцу, служившему при дворе могущественного кокандского повелителя. Ее красота, совсем иная, чем у здешних женщин, околдовывала и зажигала сердца мужчин. Хан привез пленницу к родным горам, и здесь она, по древнему обычаю, стала любимой наложницей его и двух его старших сыновей.

Прошло два года. Снега уже высоко поднялись на склонах гор, когда хан раскинул свой лагерь у края зеленой глади Каркаринской долины. К нему съезжались на пир владыки соседних дружественных племен. Все большее количество юрт вырастало на равнине.

Неожиданно к хану прибыл высокий мрачный воин. Он приехал совершенно один, не на коне, а на огромном белом верблюде с короткой, мягкой, как шелк, шерстью. Странен был

⁵ *Джете* — в древности так назывались крупные разбойничьи отряды или племена.

и наряд его: лицо обвязано черным платком, на голове — золоченый плоский шлем со стрелой, широкая кольчуга спадала почти до колен, обнаженных и стянутых черными ремнями. Меч, два кинжала, маленький круглый щит и большой топор на длинной рукоятке были его вооружением. Приезжий потребовал, чтобы его повели к хану. Неторопливо сложил он на белую кошму свое оружие, опустил на шею платок, закрывавший лицо, почтительно и смело поклонился владыке.

Его суровое лицо было отмечено следами большого и тяжелого жизненного пути — пути воина и начальника, пути храбреца, неспособного на низкие поступки. Хан невольно залюбовался чужеземцем.

— Великий хан, — сказал приезжий, — я приехал к тебе из далекой жаркой страны, где страшный пламень солнца жжет мертвые пески на берегах горячего Красного моря. Трудны были мои поиски. Целый год блуждал я по горам и долинам от Коканда до синего Иссык-Куля, пока слухи и рассказы не привели меня к тебе. Скажи, у тебя ли находится девушка, прозванная вами Сейдюрш, взятая у джете Таласа?

Хан утвердительно кивнул, и воин продолжал:

— Эта девушка, хан, моя нареченная невеста; и я поклялся, что никакие силы неба и ада не разлучат меня с нею. Три года воевал я на границах Индии и в страшной пустыне Тар, вернулся и узнал, что родные, не дождавшись меня, послали ее к отцу. Снова пустился я в далекий и опасный путь, сражался, погибал от жажды и голода, прошел множество чужих стран — и вот я здесь, перед тобою. Быстро мчится река времени по камням жизни. Я уже не молод, но все по-прежнему сильна моя любовь к ней. Скажи, о хан, разве не заслужил я ее этим путем? Верни мне ее, могущественный повелитель, — я знаю, не может быть иначе: она так долго и верно ждала моего возвращения.

Легкая улыбка пробежала по лицу хана. Он сказал:

— Благородный воин, будь моим гостем. Останься на пир, сядь в почетном ряду. И после, вечером, тебя проведут ко мне, и сбудется, что начертал аллах.

Суровый воин принял приглашение. Веселье гостей возрастало. Наконец появились певцы. После любимой песни хана о горном орле зазвучали песни, восхваляющие Сейдюрш, возлюбленную хана и его сыновей. Хан украдкой взглядывал на чужеземца и видел, как все больше мрачнело лицо воина. Когда старый певец — гордость народа — пропел о том, как любит и ласкает Сейдюрш своих повелителей, чужой воин вскочил и крикнул старику:

— Замолчи, старый лжец! Как смеешь ты клеветать на ту, у которой недостойн даже ползать в ногах?

Ропот негодования пронесся по толпе гостей. Старшие вступились за оскорбленного певца. Пылких юношей возмутило презрительное высокомерие воина. Двое джигитов яростно бросились на чужеземца. Сильной, не знающей пощады рукой он отбросил нападавших, и вот на пиру хана засверкали мечи. Воин огромным прыжком метнулся к своему оружию, схватил щит и длинный топор. Прижавшись спиной к стене, встретил толпу врагов. Они разбились о него, как волны о твердый камень, отхлынули, бросились вновь. Два, три, пять человек упали, обливаясь кровью, а воин был невредим. С быстротою молнии рубил он направо и налево, повергая лучших джигитов. Все более грозным становилось лицо воина, все страшнее удары его топора. Но тут хан властным окриком остановил нападавших.

Нехотя расступилась разъяренная толпа, сжимая мечи. Опустил топор и чужеземец и стал перед лицом врагов, неподвижный и страшный, обгаренный кровью.

— Чего хочешь ты, чья дерзкая самонадеянность пролила столько крови? — гневно спросил хан.

— Правды, — ответил воин.

— Правды? Хорошо. Так знай же, я, не сказавший никогда лживого слова, говорю тебе: все, что пели певцы, — истинная правда!

Вздрогнул чужеземец, выронив топор и щит. Старым и измученным стало его лицо.

— Что же, ты по-прежнему просишь отдать ее тебе? — спросил хан.

Воин сверкнул глазами и выпрямился, как распрямляется согнутый арабский клинок.

— Да, хан, — был твердый, ответ.

В жестокой усмешке оскалил хан зубы:

— Хорошо, я отдам ее тебе, но ты заплатишь за это дорогой ценой.

— Я готов, — бесстрашно ответил воин.

Хан задумался.

— Теперь год быка⁶ — обратился он к гостям. — Помните пророчество, написанное над входом древнего гумбеза, который стоит вблизи Ак-Мюнгуга? «В год быка кто положит свой меч на рог каменного быка, пронесет свой род на тысячи лет». Несколько храбрецов погибли, пытаясь выполнить эту задачу, но Ак-Мюнгуг остался недоступным. Вот твоя плата, храбрец, — повернулся хан к неподвижно слушавшему воину, — поднимись на Ак-Мюнгуг и положи мой золотой меч на его вершину, исполни древнее Пророчество, и тогда — слово мое твердо! — ты получишь женщину.

Радость и страх охватили присутствующих. Приказ хана звучал смертным приговором.

Но чужеземец не дрогнул. Его мрачное лицо осветилось гордой улыбкой.

— Я понимаю тебя, хан, и выполню твою волю. Только знайте, ты, повелитель, и вы, его подданные: каков бы ни был конец — я сделаю это не ради своей любимой, не ради Сейдюреш. Я иду защищать поруганную ею честь своей гордой родины, вернуть в глазах вашего народа славу моей далекой страны. Милость всемогущего бога будет вести меня к высокой и славной цели!

По приказу хана оружейники принесли его знаменитый золотой меч, чтобы сохранился он навеки на вершине Ак-Мюнгуга. Залили салом волка ножны, обвили просмоленной тканью. Множество народа поехало к Ак-Мюнгугу. До него был целый день пути, и только к вечеру хан и его гости слезли с утомленных коней на широком уступе у подножия страшной горы. Хан приказал чужеземцу отдохнуть, и тот безмятежно проспал ночь под стражей воинов.

Наутро выдался хмурый, ветреный день. словно само небо гневало на дерзость храбреца. Ветер свистел и стонал, обвывая неприступную кручу Ак-Мюнгуга. Чужеземец разделся и, оставшись почти обнаженным, привязал к спине ханский меч, а сверху накинул свой широкий белый бурнус.

И он сделал то, чего не удавалось ни одному храбрецу за все время, пока стоит Ак-Мюнгуг: он положил меч на вершину рога и спустился обратно. Шатаясь, стоял он перед ханом, весь изодранный, окровавленный. Хан сдержал слово — к чужеземцу привели Сейдюреш. Она испуганно отшатнулась при виде его. Но воин властно привлек ее к себе, открыл ее прекрасное лицо и впился в него мрачным взглядом. Затем, мгновенно выхватив спрятанный за поясом острый нож, он пронзил сердце своей невесты. С яростным воплем сыновья хана бросились к чужеземцу, но отец гневно остановил их:

— Он заплатил за нее величайшей для человека ценой, и она его. Путь уедет невредимым. Верните ему оружие и верблюда.

Чужеземец гордо поклонился хану, и вскоре его белый верблюд скрылся за далеким отрогом Кетменя...

* * *

Иноходец раскачивался под Усольцевым, копыта скользили по камням. Облака быстро бежали по небу, гонимые могучим напором ветра. Закрытые от солнца, горы выглядели суровыми и хмурыми.

Усольцев спешил и нежно погладил иноходца, поцеловал его в мягкую верхнюю

⁶ Мусульманский календарь солнечного года имеет двенадцатилетний цикл, каждый год которого называется по имени животного.

губу. Затем оттолкнул голову лошади, хлопнул по крупу. Рыжий конь отошел в сторону и, изогнув шею, смотрел на хозяина.

— Иди пасись, — строго сказал ему Усольцев, чувствуя, как горло сдавливает волнение.

Геолог снял лишнюю одежду, привязал к руке молоток. Он был нужен для забивания зубил на твердом обрыве Белого Рога и потом — если удастся...

Усольцев сбросил ботинки. Острые камни скоро изрежут ему ноги, но он знал: если он влезет, то только босиком. Геолог повесил на грудь мешок с зубилами и двинулся к красному столбу пегматитовой жилы.

Окружающий мир и время перестали существовать. Все физические и духовные силы Усольцева слились в том гибельном для слабых последнем усилии, достигнуть которого не часто дано человеку. Прошло несколько часов. Усольцев, сотрясаемый дрожью напряжения, остановился, прижавшись к отвесной каменной груди утеса. Он находился уже много выше места, откуда повернул направо при первой попытке. От главной жилы отходила тоненькая ветвь мелкозернистого пегматита, пересекавшая склон наискось, поднимаясь вверх и налево. Ее твердый верхний край едва заметно выступал из сланцев, образуя карниз сантиметра в два-три шириной. По этой жилке можно было бы приблизиться к срезу западной грани горы там, где она переламывалась и переходила в обращенный к степи главный северный обрыв Белого Рога. Выше склон становился как будто не столь крут, и была надежда подняться по нему на значительную высоту.

Усольцев предполагал забить в трещинах сланцев выше тонкой жилки несколько зубил и с их помощью удержаться на карнизе.

И вот, прилепившись к стене на высоте ста пятидесяти метров, геолог понял, что не может отнять от скалы на ничтожную долю секунды хотя бы одну руку. Положение оказалось безнадежным: чтобы обойти выступавшее ребро и шагнуть на карниз, нужно было ухватиться за что-то, а вбить зубило он не мог.

Распростертый на скале, геолог с тревогой рассматривал нависший над ним обрыв. В глубине души поднималось отчаяние. И в тот же миг ярко блеснула мысль: «А как же сказочный воин? Ветер... Да, воин поднялся в такой же бурный день...» Усольцев внезапно шагнул в сторону, перебросив тело через выступ ребра, вцепился пальцами в гладкую стену и... качнулся назад. С болью, будто разрываясь, напряглись мышцы живота, чтобы задержать падение. В ту же секунду порыв вырвавшегося из-за ребра ветра мягко толкнул Усольцева в спину. Схваченное смертью тело, получив неожиданную поддержку, выпрямилось и прижалось к стене. Усольцев был на карнизе. Здесь, за ребром, ветер был очень силен. Его мягкая мощь поддерживала геолога. Усольцев почувствовал, что он может двигаться по карнизу жилы, несмотря даже на подъем ее вверх. Он поднялся еще на пятьдесят метров выше, удивляясь тому, что все еще не упал. Ветер бушевал сильнее, давя на грудь горы, и вдруг Усольцев понял, что он может выпрямиться и просто идти по ставшему менее крутым склону. Медленно переставляя окровавленные ступни, Усольцев ощупывал ими кручу и сдвигал в сторону осыпавшуюся вниз разрыхленную корку. Медленно-медленно поднимался он все выше. Ветер ревел и свистел, щебень, скатываясь, шуршала, и Усольцева охватило странное веселье. Он словно парил на высоте, почти не опираясь на скалу, и уверенность в достижении цели придавала ему все новые силы. Наконец Усольцев уперся в гладкую отвесную стену высокого цоколя. На этом цоколе, все еще на большой высоте, стремился в облака острый конец Рога. Усольцев отметил, что белая масса Рога вблизи казалась испещренной крупными черными пятнами. Но это впечатление сейчас же стерлось радостной мыслью о том, что все его двенадцать зубил сохранились неизрасходованными. Стена примерно на высоту десяти метров была настолько плотна и крута, что никакие силы не помогли бы ему преодолеть это препятствие. Опытный глаз геолога легко находил слабые места каменной брони: — трещина кливажа,⁷ места

⁷ *Кливаж* — система трещин разной величины, пронизывающих породу

соприкосновения различных слоев. Усольцев забивал сюда зубила поглубже. Он взял с собой только самые легкие и тонкие зубила, а достаточно было одному из них сломаться, и...

Поднявшись по зубилам, геолог был вынужден перейти на южную сторону каменной башни. Головы слоев⁸ образовывали небольшие уступы — возможность дальнейшего подъема. Здесь ветер, бывший до того верным союзником, стал опасным врагом. Только прикрытие скалы спасло Усольцева от падения под ударами ветра. Несколько раз геолог срывался с осыпавшихся выступов и долго висел на руках, обливаясь холодным потом и судорожно нащупывая пальцами, ног опору. Все большее число смертоносных метров подъема уходило вниз. Наконец Усольцев, в последних отчаянных усилиях, дважды соскальзывая и дважды мысленно прощаясь с жизнью, сумел вновь перебраться на западную сторону вершины и, вновь подхваченный ветром, уцепился за края площадки у основания Рога. Не думая о победе, без мыслей, словно оглушенный, он подтянулся на руках и повалился на наклонную внутрь ровную поверхность величиной с небольшой стол. Он долго лежал, изнуренный многими часами смертельной борьбы, слыша только однообразный резкий вой ветра, разрезаемого острым лезвием Рога. Потом в сознание вошли низко летящие над вершиной облака. Усольцев поднялся на колени, повернувшись лицом к загадочной белой породе. Она была теперь перед ним, упиралась в его плечо, вздымалась еще на несколько метров вверх. Ее можно было ощупать рукой, отбить сколько угодно образцов.

Достаточно было одного взгляда, чтобы распознать в белой породе грейзен — измененный высокотемпературными процессами гранит, переполненный оловянным камнем — касситеритом. В чисто белой массе беспорядочно мешались серебряные листочки мусковита,⁹ жирно блестящие топазы, похожие на черных пауков «солнца» турмалинов и главная цель его предприятия — большие, массивные, бурые кристаллы касситерита. Этот грейзен обладал особенностью, ранее незнакомой Усольцеву: от самого гранита почти ничего не осталось, его место занял молочно-белый кварц, очень плотный и крепкий.

«Похоже на полностью измененную пластовую интрузию,¹⁰ — подумал Усольцев. — Если это так, то месторождение, скрытое под степью, внизу, может быть огромным».

Геолог взглянул вниз. Гора спадала круто и внезапно; основание ее тонуло в клубящейся пелене поднятой ветром пыли. Усольцев стоял как бы на невероятно высоком столбе, ощущая беспредельное одиночество. Ему казалось, что между ним и миром там, внизу, оборвалась всякая связь. И действительно, между ним и жизнью лежала еще не пройденная смертная грань; спуск был опаснее подъема. И еще он подумал о том, что, если ему суждено будет вернуться в жизнь он вернется другим — не прежним. Сверхъестественное напряжение, вложенное им в достижение цели, как-то изменило его душу.

С усилием отбросив эти мысли, Усольцев принялся выполнять долг исследователя. Много труда стоило ему обнаружить тонкие, как ниточки, трещины в стекловидной слитности кварца. Вслед за этим под настойчивыми ударами молотка вниз с грохотом полетели крупные куски белой породы. Усольцев внимательно следил за их падением: они подскакивали на гранях опоры и, свистя, летели в долину. Геолог отметил места их падения на плане, набросанном в записной книжке, затем аккуратно записал элементы залегания пород вершины, начертил контур предполагаемого месторождения и прибавил несколько

⁸ *Головы слоев* — края наклонных слоев, срезанных обрывом или какой-либо поверхностью.

⁹ *Мусковит* — белая слюда.

¹⁰ *Пластовая интрузия* — вторжение расплавленной лавы между слоями осадочных пород. После остывания сама изверженная порода залегает в виде пласта.

слов о направлении поисков.

Он открыл первую страничку и поперек нее крупно и четко написал: «Внимание! Здесь данные об открытом мною месторождении Белого Рога», положил книжку в карман и застегнул пуговицу. На секунду мелькнула картина: как поворачивают его разможенный труп, ищут в карманах документы... Усольцев невольно зажмурился, разматал взятую с собой веревку. Она была коротка, но все же ее должно было хватить на спуск по отвесному основанию Рога до вбитых им зубил.

«Где же закрепить веревку? Вот за этот выступ? Выгоднее бы пониже, на самой площадке...»

В поисках трещины геолог начал разрывать молотком тонкий слой щебня. Ветер выл все сильнее, подхваченные им осколки щебня ударяли по лицу и рукам Усольцева. Молоток вдруг звякнул о металл, и этот тихий звук потряс геолога. Усольцев вытащил из-под щебня длинный тяжелый меч, золотая рукоять которого ярко заблестела. Истлевшие лохмотья развевались вокруг ножен. Усольцев оцепенел. Образ воина — победителя Белого Рога из народной легенды — встал перед ним как живой. Тень прошлого, ощущение подлинного бессмертия достижений человека вначале ошеломили Усольцева. Немного спустя геолог почувствовал, как новые силы вливаются в его усталое тело. Будто здесь, на этой недоступной никому высоте, к нему обратился друг со словами ободрения. Усольцев накинул веревочную петлю на небольшой выступ белой породы. Осторожно поднял драгоценный меч, крепко привязал его за спину и, улыбаясь, положил на площадку свой геологический молоток...

У основания отвесного фундамента Белого Рога геолог остановился, выбирая путь. Прямо на Усольцева, гонимое ветром, двигалось облако. В полете огромной белой массы, висевшей в воздухе, было что-то неизъяснимо вольное, смелое. Страстная вера в свои силы овладела Усольцевым. Он подставил грудь ветру, широко раскинул руки и принялся быстро спускаться по склону, стоя, держа равновесие только с помощью ветра, в легкой радости полета. И ветер не обманул человека: с ревом и свистом он поддерживал его, а тот, переступая босыми ногами, пятная склон кровью, спускался все ниже. С бредовой невероятной легкостью Усольцев достиг узкого карниза, миновал и его. Тут ветер угас, задержанный выступом соседней вершины, и снова началась отчаянная борьба. Усольцев скользил по склону, раздирая тело, кроша ногти, переворачивался, задерживался, снова сползал. Сознание окружающего исчезло совсем, осталось только ощущение необходимости цепляться изо всех сил за каждый выступ каменной стены, судорожно искать под собой ускользящие точки опоры, с жуткой обреченностью прижиматься к камню, борясь с отрывающей от горы, беспощадно тянущей вниз силой. Никогда позже Усольцев не мог вспомнить конец своего спуска с Белого Рога. В памяти сохранился только самый последний момент. Больше не осталось ни сил, ни воли. Усольцев коснулся ногами острого уступа камня, качнулся назад, опустил изодранные руки и полетел вниз...

* * *

...Он открыл глаза и увидел над собой золотое утреннее небо. В небе, совсем низко, так, что виднелись растопыренные перья крыльев, кружил большой гриф.

Усольцев долго смотрел на птицу, прежде чем сообразил, что гриф спустился на этот раз прямо к нему. Нет! Он не только не погиб — он победил Белый Рог, и гриф не властен над ним.

Усольцев попытался сесть. Что-то мешало ему. Геолог нащупал привязанный за спиной меч, освободился от него и сел. И сразу ему вспомнились переживания вчерашнего дня. У него закружилась голова. С ужасом увидел Усольцев свои обезображенные, почерневшие от крови ноги и руки, изодранную и перепачканную кровью одежду. Сделав несколько движений, он убедился, что кости целы. Тогда, не обращая внимания на рвущую боль в ступнях, геолог встал. Он услышал приветливое ржание своего коня и снова погрузился во

мрак.

...Холодная вода лилась на лоб, попадала в рот. Усольцев глотал без конца, утоляя ненасытную жажду. Открыв глаза, он снова увидел над собой голубой небосвод, на этот раз уже дышавший дневным жаром, и испуганное лицо старого уйгура. Геолог поднялся на колени. Уйгур отступил от него с почтительным страхом.

— Чего ты боишься, Арслан? Я живой.

— Где ты был, начальник? — спросил Арслан.

— Там! — Усольцев поднял руки к небу. Над долиной торчал черный с теневой стороны выступ Ак-Мюнгуза. — Вот, смотри! — Он протянул уйгуру меч с золотой рукояткой.

Половина ножен отвалилась при спуске. Из-под растрескавшейся бурой корки блестела драгоценная голубая сталь — сталь легендарных персидских оружейников, секрет изготовления которой ныне утрачен. Старик опустил на колени, не притрагиваясь к мечу.

— Ну что же ты? Бери, смотри, — повторил геолог.

— Нет, — затряс головой уйгур, — никакой человек не смеет брать такой шемшир, только батуры, как ты...

* * *

Два больших шарообразных карагача, веером расходясь из одного корня, стояли на краю поселка. За ними поднимался затянутый голубой дымкой вал Кетменского хребта. Иноходец Усольцева миновал последний поросший полынью холм. Узенькая степная тропа влилась в мягкую пыль наезженной дороги. Дорога поворачивала налево и у края зеленых садов соединялась с другой, направлявшейся на юг мимо промоин и обрывов красных глин. Над ней вздымалось облачко желтой пыли — крытая циновкой подвода катилась из Подгорного. Кто-то ехавший по краю дороги верхом вдруг повернул коня и понесся обратно, наперерез Усольцеву. Геолог натянул поводья. К нему подъехала Вера Борисовна.

— Я вас узнала издалека. — Она внимательно присматривалась к нему. — Куда вы едете?

— Я еду в управление. Нужно немедленно организовать тяжелую разведку Белого Рога. Усольцев впервые смотрел на нее спокойно и смело.

— Я поняла, что совсем не знаю вас... — негромко сказала Вера Борисовна, сдерживая пляшущую лошадь. — Я видела вашего Арслана... — Она помолчала. — Когда встретимся осенью в управлении, я буду очень просить вас подробно рассказать о Белом Роге... и золотом мече. Ну, мои уже далеко. — Она поглядела вслед подводе. — До свидания... батур!

Молодая женщина прищипорила коня и умчалась. Геолог проводил ее взглядом, тронул иноходца и въехал в поселок.

Александр Бачило ИНЪЕКЦИЯ СЧАСТЬЯ

Дождь то совсем заливал ветровое стекло, то вдруг отступал, словно отбрасываемый светом фар, и тогда впереди мелькали мокрые стволы деревьев и низкорослые кусты. Холодная сырость проникала сквозь ветхий брезент в кабину, и даже тряска на ухабах не могла меня больше согреть. Дороги не было. То, что я принял за дорогу, оказалось всего лишь просекой, неизвестно куда ведущей сквозь лес. Но поворачивать назад не хотелось. Если я еще не окончательно потерял направление, где-то здесь должен проходить тракт. Рано или поздно я выберусь на него, мне просто больше ничего не остается, и вот тогда... какой же русский не любит быстрой езды!

Далеко впереди вдруг мелькнул свет, и скоро отчетливо стали видны фары приближающегося автомобиля. Ну, так и есть! Вероятно, просека выходит прямо к тракту. Вот это удача!

Я не мог прибавить газу, опасаясь налететь на пень или засесть в какой-нибудь канаве в Двух шагах от дороги. Однако встречный автомобиль тоже двигался очень медленно, и скоро я с удивлением заметил, что его также кидает на кочках и рытвинах. Что за черт? Еще один горе-путешественник пробирается по просеке? Нет, это, наверное, трактор из лесничества или деревенские браконьеры потихоньку.

Когда до машины оставалось метров тридцать, я уже заподозрил неладное. Навстречу мне двигался точно такой же старенький «газик», как у меня. Он совершенно синхронно с моим проваливался в рытвины и подпрыгивал на ухабах.

Начиная догадываться, в чем дело, я остановился и вышел из машины. Возле открытой дверцы того «газика» тоже стоял человек. Помахав рукой, я убедился окончательно — передо мной было мое собственное отражение!

Сразу вспомнился эпизод из «Великолепного»: шпионы натягивают на горной дороге большой лист фольги, и герой, пытаясь отвернуть от «встречной машины», летит в пропасть. Но кому понадобилось так тонко шутить здесь, в лесу?

Подняв воротник, я направился навстречу своему отражению. Желая вблизи рассмотреть и потрогать неведомую преграду, однако зеркальная поверхность была настолько чиста, что, даже подойти вплотную, я никак не мог ее увидеть. Мало того, на ней не было ни одной капли воды, а ведь дождь продолжал лить, и его струи металась в разные стороны, подчиняясь порывам ветра. Что же это за материал? Я вытянул руку навстречу зеркальному двойнику и вдруг с ужасом ощутил прикосновение его влажной и теплой ладони.

Не успев сообразить, в чем дело, я без оглядки бросился к машине. Мне показалось, что ожившее отражение, усмехаясь, глядит мне вслед. Оказавшись в машине, я почувствовал себя в относительной безопасности и рискнул поднять глаза. «Газик» двойника стоял на прежнем месте, но его самого не было. Видимо, он продолжал разыгрывать из себя отражение и тоже залез в кабину. А может быть, все-таки показалось?

Посидев минут десять без движения, я стал замерзать, и это придало мне храбрости. Медленно отворив дверцу, я выбрался из машины и, останавливаясь после каждого шага, снова приблизился к незримой черте, отделявшей меня от него.

— Спокойно! — сказал я, обращаясь к нам обоим.

Снова медленно поднялись руки — моя правая и его левая — и снова встретились. Да, это, без сомнения, была человеческая ладонь, хотя я и не мог ее толком ощупать, так как пальцы всегда натыкались на пальцы. По той же причине мне поначалу никак не удавалось дотронуться до какой-нибудь другой части тела двойника. Я попытался было делать обманные движения и даже внезапно падать на землю, но это ни к чему не привело. С тем же успехом можно было проделывать подобные упражнения перед зеркалом. Страх постепенно проходил, уступая место любопытству. Неужели передо мной в самом деле зеркальный двойник? Но как войти с ним в контакт или хотя бы дотронуться до него? В конце концов, я нашел решение и коснулся его лбом, затылком, спиной, коленом и носом. Сомнений не было — это не отражение, а живой человек, однако общаться с ним совершенно невозможно, ибо любые мысли приходят нам в голову одновременно, и все действия абсолютно синхронны. Я не мог ни договориться с ним, ни обойти, ни оттолкнуть. Передо мной была идеальная преграда — я сам.

Откуда-то из леса послышался треск сучьев, человек или зверь продирался там через бурелом. Шум постепенно приближался, но откуда именно он идет, определить было трудно. Я замер, прислушиваясь.

Вдруг впереди, за спиной двойника, качнулись кусты, и из чащи на просеку выбралась темная фигура. За ней показалась другая, третья, четвертая. Выстроившись цепью, они медленно побрели ко мне. Свет фар упал на их лица, вернее, на их лицо, потому что у всех четверых оно было одно, мое.

Я быстро оглянулся. Нет, сзади никого не было, они действительно шли только оттуда. Один из них, приблизившись к «газику» двойника, открыл дверцу и влез внутрь. Остальные

трое последовали за ним. Прогудел сигнал, и двойник, до сих пор прилежно игравший роль моего отражения, вздрогнул, повернулся и побежал к машине. Он сел за руль, завел мотор, и «газик», развернувшись, быстро укатил в темноту, исчезли даже его огни.

Я не знал, что подумать. Любой нормальный человек на моем месте давно бы мчался в противоположную сторону и газу бы поддавал. Но я уже не чувствовал себя нормальным человеком и, видимо, поэтому продолжал стоять на месте, будто ждал продолжения событий.

Я не ошибся. В лесу снова послышался треск, и на просеке показалась еще одна фигура. Но это был не двойник. Ко мне, жмурясь от света, приближался немалого роста бородатый старик в длиннополом плаще. Подойдя вплотную, он небрежно, как старому знакомому, сунул мне широкую ладонь и, глядя на машину, произнес:

— Бог помощь, странничек. Чего озираешься, напугал кто?

— Да нет, — ответил я, внимательно разглядывая его, — кто меня мог напугать?

— Ну, мало ли, — он безразлично пожал плечами, — бывает, померещится... А едешь откуда?

Я рассказал ему, что сбился с дороги.

— Это с тракту, что ли? Далеко ж тебя черти занесли... Тут, парень, до тракту знаешь сколько? К утру тебе не доехать. Давай, глуши мотор, пойдем греться, сыро.

Я огляделся по сторонам. Оставлять машину на просеке не хотелось.

— Может, поближе подъедем?

Старик покачал головой.

— Ближе не подъедешь. Да и не сделается ничего с твоим лимузином, тут недалеко...

Мы прошли около километра, продираясь сквозь густой ельник, и оказались на большой поляне у подножья лохматой сопки, дождь кончился, и над лесом повисла крупная луна, освещая двухэтажный бревенчатый Дом в центре поляны. Старик прибавил шагу. Я немного отстал, оглядываясь по сторонам, но, кроме низенькой постройки в стороне от дома, ничего особенного не заметил.

Неожиданно откуда-то сверху, как мне показалось, с крыши послышался тихий, встревоженный голос:

— Что, все уже?

— Все, все, — буркнул старик, торопливо поднимаясь на крыльцо.

— А что вы с ним сделали?

Старик на мгновение замер у двери.

— Ну, ты! — гаркнул он вдруг. — Чего несешь-то спросонья, спать ложись! — и, повернувшись ко мне, кивнул головой. — Заходи, заходи.

Он открыл дверь, и тусклый свет керосиновой лампы упал на крыльцо.

— Ох! — раздалось наверху, и луна блеснула в чьих-то широко открытых глазах, с удивлением уставившихся на меня.

— Н-ну? Скоро? — спросил старик, обращаясь не ко мне, а к человеку на крыше.

— Да, ладно, ложусь, ложусь уже, прячьтесь, — отвечал тот.

Мы вошли в дом и, миновав заставленные разной рухлядью сени, оказались в просторной комнате с длинным столом и печью у стены. За столом, уронив на руки сизую испитую ряшку, дремал парень в грязной майке и матросских клешах. Руки его до плеч были расписаны похабными узорами, и только майка мешала рассмотреть, вытатуировано ли что-нибудь на спине.

У окна, устремив вдаль твердый, чуть ироничный взгляд, стоял видный седой мужчина в дорогом сером костюме. И, наконец, в углу, спиной ко всем, верхом на колченогом стуле, сидела и курила канонически стройная белокурая девица в джинсах и сапогах на высоком каблуке, вся в ремешках и на «молниях». Она даже не обернулась, когда мы вошли, и продолжала задумчиво пускать дым в потолок. Седой же, напротив, любезно мне улыбнулся и раскланялся не без изящества. Узорчатый парень поднял голову, окинул меня с ног до головы мутным взглядом и хмыкнул.

— Доктор, — произнес старик, снимая плащ — ты, что ли, сегодня кухарил? Подавай.

Седой, не меняя гордого наклонения головы, величественной поступью подошел к плите, снял с нее большой чугунок, накрытый облупленной эмалированной крышкой, и поставил его на стол.

— Какую миску дать молодому человеку, хозяин? — осведомился он у старика.

— Студенту давай. Он на крыше нонче...

— Спасибо вам большое, — сказал я старику, хотя неестественность этого странного сборища сильно действовала мне на нервы, — выручили вы меня. Вот только, извините, имени и отчества вашего не знаю...

— А и не надо тебе мое отчество. Хозяином зови. Они так зовут, и ты зови. Тут, парень, все без отчества. Это вот — Доктор (седой кивнул и принялся разливать по мискам красный борщ), этот, в майке — Блатной, а вон та, — Хозяин указал на девушку, все еще сидевшую к нам спиной, — вон та — Заноза...

— И если вы обратили внимание на крышу, — вставил Доктор, — то могли видеть там еще одного члена нашего маленького общества, так называемого Студента.

— А вы здесь просто так собираетесь, — спросил я как можно беззаботнее, — или у вас учреждение?

У девушки вдруг затряслись руки. Она выронила сигарету и прижала ладони к лицу. Я думал, она разрыдается, но оказалось, что ее сотрясает безудержный хохот.

— У-учре... Ой, не могу! Учреждение! Слу-слушай! Санаторий тут! У-умора! Курорт!

Она наконец повернулась лицом ко мне. Очень симпатичное лицо. Даже красивое.

— Ну, ты даешь, Пациент!

Кличка, данная мне девушкой, приклеилась мгновенно. В следующей же фразе Доктор назвал меня Пациентом, Блатной произносил это слово с трудом, но переименовывать не пытался, что же касается Хозяина, то ему было совершенно все равно, как меня называть, и поэтому он удовлетворился этим именем, как первым попавшимся. Заноза между тем продолжала веселиться:

— Хозяин! Когда пойдем на процедуры?

Блатной снова хмыкнул, но старик нахмурился:

— После. Поесть-то надо, нет?

Он пододвинул к себе миску и, ни на кого не обращая внимания, стал хлебать борщ. Остальные, заняв свои места у стола, тоже принялись за еду. Я решил ничему больше не удивляться, по крайней мере до тех пор, пока не отогреюсь и основательно не закушу.

Некоторое время все молчали.

— Завтра на крыше Блатной, — сказал наконец хозяин.

— А кухарит Заноза...

— Кстати, продукты кончаются, — заметил Доктор, — и, с позволения сказать, кухарить становится затруднительно. Надо бы кого-нибудь послать в деревню.

— Ничего, — буркнул Хозяин, — может, скоро на машине съездим.

Я поднял голову и вдруг заметил, что Блатной, разинув рот, испугом смотрит куда-то мимо меня.

— Во! — произнес он, указывая, как видно, на окно у меня спиной. Заноза, сидевшая рядом с ним, тоже подняла глаза сейчас же сморщилась, как от боли.

— Гадость какая... — прошептала она.

Я резко обернулся, но увидел лишь чью-то огромную спину, удаляющуюся в темноту. Спина была голая и иссиня-белая.

— Слушай, Блатной, — сказала Заноза, — выйди, разбуди его. Что он в самом деле, нельзя же так!

— Во тебе, — спокойно ответил Блатной, — сама выйди.

—: Цыц! Пусть спит, — сказал Хозяин, — все нормально, ясно? Доктор, ты чего сидишь? Компот давай!

Самое страшное — я представления не имел, как себя вести. Кого они хотят будить?

Неужели эта глупая туша за окном — Студент?

— У него что, лунатизм?! — осторожно спросил я.

— У кого? — не понял Хозяин.

— У Студента.

Доктор поставил передо мной стакан с компотом.

— Знаете что, Пациент, — сказал он, — вы не обращайтесь внимания. Ей-богу, ничего интересного не происходит. И со Студентом все в порядке — он спит на крыше. Там, видите ли, свежий воздух. А завтра на крыше будет спать Блатной. По той же причине.

— Я же говорю — санаторий! — хихикнула Заноза.

— Ну, допивай компот и пойдем, — сказал мне Хозяин, — покажу помещение...

По широкой скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж и оказались в небольшом коридоре, по обеим сторонам которого было несколько дверей. К моему удивлению, некоторые двери были аккуратно подписаны; слева: «Доктор», «Блатной», справа: «Студент», «Заноза». Хозяин открыл самую дальнюю дверь по правой стороне, зажег огарок свечи и протянул его мне.

— Вот, располагайся. Отдохнешь хорошенько, а утром поговорим...

Он повернулся было, чтобы уйти, но спохватился:

— Да! Если, часом, захочешь по нужде — вот в ту дверь. На двор не ходи. И окна не открывай...

— А почему? — спросил я.

Хозяин посмотрел на меня укоризненно.

— Ну, сказано — не ходи, и не ходи, не открывай — стало быть, не открывай. Мало ли что? Время ночное...

Он покачал головой и ушел.

Комната была совсем маленькая, железная кровать, покрытая бледным от старости одеялом, занимала почти все пространство от двери до окна. В углу, на облезлой деревянной вешалке висели драные плащи, телогрейки и какое-то древнее пальто.

Я задул свечу и подошел к окну. Луна освещала серебристую после дождя поляну, над верхушками елей проносились небольшие темные облака со светящимися лохматыми краями. В доме все утихло, снаружи тоже не доносилось ни звука. Некоторое время я вглядывался в кромку леса, мне все казалось, что там копошится какая-то бесформенная масса. Но это мог быть и туман, или просто рябь в глазах.

«А идите вы все... — подумал я, разулся, повесил мокрую куртку на спинку кровати и залез под одеяло. — Спать я хочу — вот что...»

...Мягкий лунный свет заливает комнату и шепчется о чем-то с притаившимися в углах тенями. Тихо-тихо открывается дверь, и на пороге появляется прекрасная девушка в белом платье. Она бесшумно подходит и склоняется надо мной. Я чувствую прикосновение ее нежных пальцев. Она что-то говорит мне на ухо...

Я вздрогнул и окончательно проснулся.

— Вставай, вставай, Пациент, — говорила Заноза, толкая меня в плечо. Она была в длинной ночной рубашке, ее распущенные волосы задевали меня по лицу.

— В чем дело? — спросил я, садясь на кровати.

— Тсс! Ты вот что, Пациент, если хочешь живым отсюда убраться, пусти меня в свою постель.

Она говорила это таким естественным и убедительным тоном, будто предлагала помидоры со своего огорода.

— Гм! — сказал я. — Однако... Уж больно неожиданное предложение...

— Идиот! — возмутилась Заноза. — Ты что, считаешь, я сюда любовью с тобой заниматься пришла? Да ты посмотри на себя! Каракатица... А, впрочем, черт с тобой! Пожалуйста, мне не жалко, — она вдруг принялась стаскивать с себя рубашку, — только быстро давай, чтоб до прихода Хозяина... Ты потом спрячешься под кроватью, а я останусь вместо тебя, понял?

Заноза, наконец, справилась с рубашкой и комкала ее в руках, глядя, куда бы бросить. Она была чертовски хорошо сложена, эта сумасшедшая девица, одетая в жемчужное сияние лунного света, но мне было, признаться, не до ее красоты.

— Ты погоди раздеваться-то, объясни толком, — зашипел я, — что там про Хозяина? Зачем это он сюда придет?

— Дурак, — неожиданно спокойно произнесла Заноза, — я же говорю — санаторий здесь. Вот и всадит тебе Хозяин этой ночью прививочку. А от прививочки этой ты, Пациент, навсегда пациентом останешься, и уж никакого имени-отчества у тебя не будет больше...

— Ну, а ты-то зачем лезешь на мое место? — спросил я.

— А мне все равно! Я в свое время разок попробовала. Так что без Хозяина мне теперь долго не протянуть. Да и никому здесь не протянуть, а он, сволочь, пользуется этим и веревки из нас вьет. Сегодня меня без дозы оставил...

— Вколет? — Я начал понимать. — Он что же, наркотики вам колет?

Заноза подошла к окну, выглянула во двор и сейчас же дернула занавеску. Стало совсем темно.

— Нет, Пациент, тут вещь посильнее наркотиков. Он нам счастье наше продает...

— Как это — счастье?

— А так. Именно так, как мы его себе представляем...

Я хотел было спросить еще что-то, но Заноза вдруг подскочила ко мне и прямо в лицо сунула свою скомканную рубашку.

— Тсс! Слышишь? Идет! — прошептала она и, толчком усадив меня под вешалку, обрушила сверху тяжелое, пропахшее нафталином пальто. Покончив со мной, она улеглась в постель и натянула на себя одеяло. В ту же минуту дверь тихо открылась, и кто-то осторожно заглянул в комнату. В темноте почти ничего не было видно, но я не сомневался, что это Хозяин.

И действительно, скоро очертания его массивной фигуры проступили на фоне стены; двигаясь уверенно, но почти бесшумно, он подошел к постели и наклонился. Наступила долгая тишина. Казалось, ни одной живой души нет на сотни километров вокруг, и это жуткое безмолвие тянется уже сотни лет. Наконец, что-то тихо звякнуло, и в комнате вдруг запахло жженым сахаром. Хозяин выпрямился и быстро вышел из комнаты.

Когда в коридоре затихли его шаги, Заноза отбросила одеяло и села на кровати.

— Ну, что? — спросил я.

— Молчи, сейчас увидишь. Вот! Начинается!

Она поднялась, и я вытаращил глаза от изумления — на ней было черное блестящее платье, голые плечи укрыл газовый шарф, а на лице появилась бархатная полумаска. В комнате вдруг стало быстрее светлеть, но вместо стен и потолка с отступлением темноты открывалась невообразимая даль. Я глянул под ноги и застыл: земли не было, где-то далеко внизу клубилась белая пелена.

— Скорее, — сказала девушка, — меня ждут!

Она шагнула, словно в пропасть, с невидимой площадки, которая была когда-то полом комнаты, и закружилась в свободном падении, стремительно удаляясь.

— Не отставай-ай! — услышал я, и опора подо мной вдруг исчезла...

Я, к своему счастью, не верил в реальность происходящего, иначе скончался бы в первое же мгновение полета.

Ветер засвистел у меня в ушах, и облака стали медленно приближаться. Кувыркаясь в воздухе, я увидел красный шар солнца — он тоже падал в туманное море. Мы врезались во мглу одновременно со светилом. Облачный слой был, видимо, очень толстым, и, по мере погружения в него, молочно-белая пелена, окутавшая меня, сменилась светло-серой, быстро превратилась в темно-серую и, наконец, стала черной. Я падал в полной темноте.

И вдруг совсем близко вспыхнуло море огней — подо мной был большой город! Светящиеся стрелы улиц со всех сторон вонзились в яблоко-площадь, пылающее золотым огнем. Все это быстро приближалось, и вот уже деревья какого-то парка стремительно

бросились мне навстречу. Я зажмурился, ожидая удара, но вместо этого ощутил легкий толчок в спину.

— Эй, приятель! — крикнул кто-то у меня над ухом. — Посторонись немного или шагай веселей, а то опоздаем на площадь!

Я открыл глаза и обнаружил, что стою на песчаной дорожке парка, а мимо меня валит пестрая толпа в карнавальных нарядах. Смирный гнедой пони, запряженный в тележку, увитую цветами и лентами, тихонько подталкивал меня сзади. В тележке сидел румяный толстяк в зеленом жилете, разлинованный, как арбуз, и две девушки в масках и нарядных платьях. Они смеялись и бросали в меня серпантин.

Я посторонился, пропуская пони, и пошел рядом с тележкой. На мне, как оказалось, тоже был надет какой-то шутовской балахон с кружевным воротником и манжетами. Он был белый, с черной, украшенной завитушками, заглавной буквой «П» на груди.

Вся праздничная толпа двигалась к выходу из парка, чтобы влиться в людскую реку, текущую по широкой, залитой светом улице.

В небе над нами то и дело вспыхивали букеты разноцветных ракет.

— Эта буква «П» у вас на груди означает, как видно, «Пьеро»? — смеясь, спросила одна из масок, сидящих в тележке.

— Ах, если бы кто-нибудь мог это знать! — ответил я.

— А я знаю, — сказала другая.

— Ну и что же, по-вашему, означает эта «П»? — спросил я, улыбаясь.

— «Пациент», — произнесла маска, и я сейчас же узнал ее. Но тут пони, выбравшись на широкую дорогу, пустился вскачь, и скоро я потерял тележку из виду.

Улица была полна крика и смеха, музыки и веселья. Люди, фонари, лошади, дома — все плясало, в то же время дружно двигаясь вперед. На больших платформах, влекомых шестерками лошадей, возвышались громадные конструкции, усыпанные цветами, фонариками и мальчишками.

Я оказался вблизи одной такой платформы. На ней была установлена высокая пирамида, состоящая как бы из колец разного размера, нанизанных на одну ось. На уступах пирамиды расположились пестро раскрашенные клоуны, жонглирующие апельсинами, шляпами и даже горящими факелами. На самой вершине стоял атлетического сложения красивый молодой человек и держал на плече тоненькую девушку в разноцветном трико. Их лица тоже были ярко раскрашены, а на голове гимнастки красовалась островерхая шляпка с бубенцами.

Мы приближались к перекрестку, где вся процессия разделялась на два рукава, огибавшие большой мраморный фонтан. Струи воды, изрыгаемые золотыми львами, высоко взлетали и с шумом падали в центр фонтана. Громоздкая платформа, неуклюже поворачиваясь, задела колесом парапет, пирамида накренилась, и клоуны под общий хохот посыпались прямо в воду. Вмиг поверхность фонтана, который оказался довольно глубоким, покрылась головами и шляпами.

Гимнаст и его партнерша тоже не удержались на вершине пирамиды и прыгнули в воду. Некоторое время они не показывались на поверхности и вынырнули, наконец, возле самой лестницы, ведущей из воды на мостовую. Подхватив девушку на руки, гимнаст поднимался по мраморным ступеням, словно Нептун, выходящий из моря.

Они весело смеялись, серебристые ручьи стекали с длинных волос девушки, вода смыла грим, и я снова узнал ее, но в этот момент подкатил маленький лоскутный фургон и, забрав обоих, быстро скрылся из виду.

Я отправился дальше, разглядывая праздничную толпу и тщетно пытаюсь понять: если все это — сон, то кому он снится? Было очевидно, что главный герой всего происходящего — не я. Значит, сон чужой. Но чужой сон нельзя увидеть. Значит, это не сон. Но тогда получается, что на карнавал я действительно упал с неба, а это может быть только во сне. Круг замкнулся.

Я отведал мороженого, поднесенного мне дородной краснощекой женщиной в белом

колпаке. Мороженое было очень вкусное и холодное, в его реальности сомневаться не приходилось. Для опыта я даже положил кусочек под язык и сейчас же взвыл от морозного укола, но нет — не проснулся.

Улица вдруг раздалась в стороны, и карнавальный поток вылился на площадь. Над головами запрудившего ее народа метались разноцветные лучи. В центре площади возвышалась большая, ярко освещенная сцена. Она была еще пуста, но именно на нее, не отрываясь, смотрели все собравшиеся. Пульсирующий гул и гомон накатился откуда-то издалека и, достигнув меня, превратился в дружный хор голосов.

— Свет-ла-на! Свет-ла-на! — грянули вокруг, и буквы этого имени вспыхнули вдруг в небе над площадью. Я взглянул, на сцену и снова увидел ее — девушку, каким-то непостижимым образом заманившую меня в свой сон. В длинном черном платье и теперь уже без маски, счастливо улыбаясь людям, на сцене стояла Заноза.

Заноза?!

Черная вспышка ударила вдруг в глаза, мгновенно уничтожив и залитую светом площадь и пеструю толпу на ней. Тьма и тишина разом навалились на меня и с непостижимой силой бросили на землю. Сначала мне показалось, что я ослеп и оглох, но постепенно глаза привыкли к темноте, и тогда во мраке проступило белое, колышущееся пятно — это Заноза, сидя на кровати, облачалась в свою рубашку.

— Алкаш вонючий, — ругалась она шепотом, — и тут пожалел! Полдозы сэкономил, гад...

Слова относились, по-видимому, к Хозяину.

— Что это было? — спросил я, поднимаясь с пола и пристраивая на вешалку пальто. Заноза ничего не ответила. Она встала, подошла к двери и прислушалась, нет ли кого в коридоре. Мне пришлось продолжать самому;

— Я сейчас видел сон, но он странный был какой-то. Все время казалось, что снится он тебе.

— Сон? — Заноза обернулась. — Дурак! Если бы мне снился сон, тебя бы тут уже не было. Ты попробуй на улицу выйди. Там Студенту как раз сон снится. Обхохочешься! Пока жив будешь.

— Это в каком смысле?

— Да в любом. Сон! Хорошо бы сейчас в самом деле поспать. А? — Она вздохнула и задумчиво произнесла:

— Поспать... Просто лечь и вздремнуть... Ты вот что, Пациент, надевай-ка куртку свою, становись к двери и слушай. Как Блатной пойдет Студента сменять, так и ты за ним. Выберешься на двор — сразу беги, не жди, чтоб хватились, уходи в лес и не останавливайся, сколько сил хватит, хоть ползи. Если уйдешь далеко, пока у них пересмена, тогда, может, и спасешься, понятно?

Ничего мне не было понятно. И, главным образом, непонятно, зачем она хочет меня запугать. Видимо, пытается избежать расспросов о том, что происходило здесь, в этой комнате, несколько минут назад.

— Хорошо, — сказал я, — раз уж у вас тут так плохо и страшно, я побегу. Но сначала расскажи мне, где мы с тобой были только что? Ведь если это не сон, то карнавал, значит, происходил на самом деле?

— Да, — твердо сказала Заноза, — на самом деле. Здесь все происходит на самом деле, хотя и от укола...

«Карнавал от укола, — подумал я. — Бред».

— А что он вам колет такое?

— Не знаю. — Заноза пожала плечами. — Зелье какое-то. Хозяин его прячет от всех, по капле получаем, а где достает — никому не известно. Говорят, раньше просто пить давал, это Доктор его надоумил с уколами...

— Доктор? Он что, тоже здесь счастье нашел?

— Да он давно уже тут. Видно, нашел.

— А чем он занимается? Каждый раз устраивает себе вручение Нобелевской премии?
— Не знаю, что он там устраивает, только из комнаты своей выпадает весь в губной помаде.

— А зачем все это Хозяину? Он с вас деньги берет?
— Деньги... Деньги — это так, попутно. И все остальное — попутно...
— Но для чего же он пичкает вас зельем?
— А ты не понял еще? — Заноза усмехнулась и, подойдя к окну, отдернула занавеску. — Вот для чего, смотри!

Я выглянул во двор. Луна все так же освещала поляну, но вместо мокрой серебристой травы я увидел сплошной ковер копошащихся на земле длинных червеобразных тел. Они сами излучали мутный, бледно-голубой свет, то собираясь в студенистые, ритмично подрагивающие кучи, то вдруг расползаясь в разные стороны, и тогда в земле открывались черные бездонные провалы.

— Что это? — спросил я, отворачиваясь от окна. Картина была страшной и в то же время вызывала тошноту.

— Ничего особенного, — ответила Заноза. — Это сон Студента. Она равнодушно окинула взглядом двор и добавила:

— Еще так себе... бывает и пострашнее... а в общем — всегда одно и то же. После укола, если в комнате запереться, наступают чудеса, все исполняется, чего ни пожелаешь, любая мечта сбывается... Потом, когда кончится действие снадобья — вроде становишься опять обычным человеком. Но только ляжешь спать, начинаются кошмары. Ты спишь, а они наяву... В комнате совсем спать нельзя, а на крыше — ничего, не опасно. Хозяин говорит — это для охраны хорошо, но только все знают, что для него главное удовольствие — на такие гадости смотреть.

— А сам-то он употребляет?
— Употребляет, да не то. Пьет, как лошадь. Ты разве не заметил? Алкоголик он. Из-за этого, говорит, уколы на него не действуют. А может, и врет, бережется просто...
— И все-таки мне непонятно. Ну, любитесь он всем этим, — я покосился на окно, — ну и что дальше? Зачем ему это нужно?

— Ох, и надоел ты мне со своими вопросами! Любопытный какой-то, прямо как Студент. Тот тоже сначала все выпрашивал да интересовался, а теперь утих — понял, что от вопросов доза не растет.

Заноза подошла к двери и выглянула в коридор.

— Хочешь отсюда смотаться — сматывайся, — говорила она уже шепотом, — для этого бегать быстро надо, а не расспрашивать, что да зачем. Понял? Ну, все. Привет!

Она вышла в коридор и, неслышно ступая, удалилась. Я остался один. Картина за окном изменилась: там клубился теперь белесый фосфоресцирующий туман. В нем время от времени двигались гигантские уродливые тени.

Галлюцинация, думал я. Гипноз! Но сам не верил своим мыслям. Мне просто было страшно признаться, что я ничего не понимаю. «Здесь все происходит на самом деле», — говорила Заноза. Но ведь это невозможно. Невозможно мгновенно создавать и уничтожать города со всем их населением без каких-либо видимых затрат энергии. Откуда берется эта энергия? От капли снадобья? От нечистой силы? От духа святого? И что мне-то надлежит делать в данной ситуации? Бежать, куда глаза глядят, как советует Заноза? Ну нет, бежать рановато. Я просто обязан взглянуть на это зелье, материализующее мечты и кошмары...

...Доски пола тихо поскрипывали, когда я шел по коридору. Мне не удалось найти комнату Хозяина. Я подолгу стоял, прислушиваясь, возле каждой неподписанной двери, затем осторожно открывал ее и заглядывал внутрь. Ничего. Незаняты были еще три комнаты, кроме моей, но в них не было даже мебели. Видимо, апартаменты Хозяина располагались на первом этаже.

Я направился к лестнице и вдруг услышал шаги: кто-то поднимался по ней мне навстречу. Это мог быть Хозяин, и я вовсе не хотел, чтобы он увидел меня здесь. Ближе всех

была дверь с надписью «Блатной», я толкнул ее, и она подалась. Что там, за ней? Если уж Доктор позволяет себе цветастые оргии, то этот, наверное... Но шаги приближались, и выхода у меня не было. Я открыл дверь и вошел.

Сразу за порогом начинался светлый от берез лес, сквозь листву проглядывало яркое голубое небо. Дверь бесследно исчезла, едва я закрыл ее за собой, прямо под ногами начиналась тропинка, ведущая куда-то вдаль. Меня удивило не отсутствие комнаты — с этим я, оказывается, успел освоиться, но та умиротворенная тишина и покой, которых никак нельзя было ожидать здесь.

Я отправился вперед по тропинке. Через какую-нибудь сотню шагов за деревьями блеснула река. С берега тянуло дымком, там у костра сидели два человека и о чем-то весело беседовали. В одном из них я узнал Блатного. Подойдя поближе, я увидел еще троих: один сидел с удочкой у воды, а двое — парень с девушкой — прогуливались вдоль берега.

Блатной, заметив меня, нисколько не удивился.

— А, Пациент! — сказал он, пошевеливая палочкой дрова под кипящим котелком, — садись, сейчас уха будет. Да вот, знакомься, кореш мой, Петюха.

Я представился и сел у костра. Петюха молча улыбнулся, подхватил лежащее возле него удилище и направился к реке. Блатной долго смотрел ему вслед, потом повернулся ко мне и вздохнул:

— Из нашей деревни он. На севере замерз...

Я очумело поглядел на Блатного. Черт! Опять забыл, где нахожусь. Ну конечно, откуда тут взяться настоящим людям. Привидения...

— А остальные? — спросил я. — Они как, тоже?..

— Что — тоже? — поморщился Блатной. — Вот на берегу — это Толька Шмаков. Сгорел он. Прямо в своем доме, по пьянке. Лет пять уж... А тот, что с Натальей прохаживается, это Коська, сосед мой бывший.

— Он жив?

Блатной помолчал.

— Зарезали его. Из-за нее как раз, из-за Натальи... А знаешь, кто зарезал?

Я посмотрел в его усталые водянистые глаза.

— Здесь и встречаемся, — продолжал он, — только ты при них молчи, понял? Живые они...

— А девушка? — спросил я.

— Чего ей сделается? Баба. Да уж теперь и не такая она совсем... Эх, кореша мои! Мы с одной деревни все были... Ты Хозяину не говори, он их знает, еще скалится будет...

— Как это — знает?

— Ну, знал раньше. Он тоже наш, быстровский. Только не любили его там...

— За то, что алкоголик?

— Да нет, кого там. Один он, что ли? Ну, стыдили, конечно, посмеивались. А он в ответ — погодите, мол, гады, попляшете скоро, посмотрим, кто шибче засмеется... Злоба у него на всех. Я так думаю, он не успокоится, пока не разнесет Быстровку по камушку. А там и за город примется, тоже не угодили ему чем-то...

— Погоди, — перебил я, — о чем это ты? Что он может сделать городу?

— А ты сны видал? Сходи на двор, посмотри...

— Но ведь это ваши сны! Хозяин снов не видит. Неужели он может заставить тебя напустить какую-нибудь гадость на деревню, где прошла вся твоя жизнь?

Блатной вдруг побагровел.

— Ты мою жизнь не цепляй! Кабы не Хозяин, я б давно в деревянный бушлат сыграл, понял? Вот тут она, моя жизнь, и не отымете, хрен! А остальное мне плевать! И тебе скажу, дурак ты, Пациент! Образованный шибко? Ну и радуйся, что такой случай выпадает! Чего тебе? Дворец мраморный? Получай. К звездам хочешь полететь? Пожалуйста, садись и мотай. Этим займись, как он? Сексом. Доктор советует... А будешь под Хозяина копать — спишу, понял? Ну и катись, раз понял, а то смена скоро...

Что-то вдруг резко ударило меня в спину. Едва успев заслонить рукой глаз, я полетел прямо в костер, но упал на пол в коридоре. За мной с грохотом захлопнулась дверь с чернильной надписью «Блатной».

— Что, поговорили? — произнес кто-то рядом. Я поднял голову и прямо перед собой увидел длинного субъекта в очках, драных джинсах и вылинявшей куртке со следами многочисленных нашивок. Впрочем, на вид ему было лет тридцать, не меньше. Одну руку он прижимал к груди, осторожно придерживая что-то под курткой, другой же ухватил меня за плечо, помог подняться и, оглядевшись по сторонам, толкнул в свою комнату.

— Будем знакомы, — сказал он, закрывая за собой дверь, — Студент. А вас как зовут?

Я назвал свое имя, но он только поморщился.

— Знаешь, я уже как-то привык по-здешнему. Кличку тебе дали какую-нибудь? Как? Пациент? Острижки! Ну, хорошо. Итак, Пациент, времени у нас в обрез. Судя по приему, оказанному тебе Блатным, ты предложил ему связать Хозяина и сдать его в милицию, так?

— Хотел. Но не успел.

— Еще бы! Ну и что ты намерен делать дальше?

— А почему тебя это интересует?

— Меня это уже не интересует. Я это знаю не хуже тебя. Ты хочешь выкрасть у Хозяина препарат, который он нам дает, верно?

Я промолчал.

— Да не строй из себя Штирлица! У тебя же на физиономии все написано! Короче. Препарат у меня.

Он достал из-под куртки довольно вместительную металлическую фляжку с плотно завинченной крышкой, от фляжки исходил знакомый горьковатый запах жженого сахара. Студент нежно погладил ее и снова спрятал.

— Нужно доставить это в город. Вдвоем у нас будет больше шансов, может, и прорвемся. Ну как, согласен?

Я кивнул. Почему-то этот парень внушал мне доверие.

— Тогда иди вперед, — сказал он, — и если на лестнице никого нет, дай сигнал...

...Небо начинало понемногу светлеть, но в лесу еще было совсем темно.

— Куда мы идем? — спросил я, едва поспевая за Студентом, уверенно ныряющим в густой ельник.

— К тракту. Это самый короткий путь.

— Так ведь у меня же машина! По-моему, если добраться до нее...

Студент обернулся и посмотрел на меня, как мне показалось, виновато.

— Машины твоей, к сожалению... в общем, она пострадала.

— Как пострадала? Отчего? Откуда ты знаешь?

Он снова зашагал вперед.

— Откуда я знаю? Во сне видел. Ты что, не в курсе? Мы потому и спим на крыше, что во сне как бы следим за всей окрестной территорией. Вот только то, что при этом происходит, к сожалению, совершенно не зависит от сознания. Снятся непременно какие-то кошмары. Однако неодушевленные предметы обычно не страдают... Так что эти твари напали на твою машину, видимо, случайно! Другое дело, если бы ты был еще в ней... Тебе, Пациент, собственно, чертовски повезло, что на крыше сегодня был я, и снился мне не бог весь какой кошмар. Конечно, встретить собственное живое отражение тоже достаточно неприятно, но оно, по крайней мере, хоть безобидно, не пускает — и все.

— Значит, ты меня видел тогда?

— Да, и, к твоему счастью, почти сразу проснулся. Хозяин выскочил, стал спрашивать, в чем дело, а потом взял ружье и пошел встречать.

— Но неужели до сих пор никто не заметил того, что здесь происходит?

— А снаружи ничего не заметно. Стоит выйти из некоей зоны сна, и перестаешь видеть и слышать все, что делается внутри ее. Но это легко сказать: «стоит выйти», а на самом деле нам придется еще топтать и топтать, прежде чем мы выберемся на волю. Я сильно надеюсь,

что будет переполох. Когда Блатной обнаружит на крыше сломанный топчан, на котором мы обычно спим, то, конечно, побежит к Хозяину. Пока они будут охать и материться, мы уйдем далеко...

Густой ельник сменился, наконец, чистым сосновым бором. Идти стало легче, кроме того, в лесу быстро светлело. Однако Студент не убавлял шага, по-прежнему озабоченно оглядываясь по сторонам. Я понимал, что беспокоит его — мы отошли еще недостаточно далеко от дома, слева поднимался склон все той же сопки.

— Послушай, Студент, — спросил я, — почему ты все-таки решился выкрасть зелье у Хозяина?

Некоторое время он продолжал молча шагать, затем, наконец, ответил:

— У Хозяина лютая злоба на весь род людской. А это, — он похлопал по карману, где лежала фляжка, — это единственный способ его остановить.

— Однако больше ни у кого из вашей компании почему-то не возникло желание его остановить.

— Ну, в компании я недавно. А кроме того, в отношении этого, как ты говоришь, зелья, у меня есть свои планы.

— Планы? Что же ты собираешься с ним делать?

— Прежде всего исследовать. А если удастся, то и синтезировать. Я думаю, что под такое дело не жалко отдать половину Академии наук. Нужно научиться его изготавливать...

— А зачем?

— А затем, чтобы потом раздать. Каждому.

Я посмотрел на него, как на ненормального.

— Ты что, серьезно?

— Абсолютно.

— Но ведь это же все равно, что наркотик! Хуже наркотика! Ты представляешь, что будет, если все начнут колоться твоим препаратом? И потом, куда ты денешь кошмары? Заповедник организуешь на тысячу двести койко-мест?

— Хотя бы. Но есть и другой способ.

— Какой?

— Постоянная подзарядка препаратом.

— Да неужели ты не понимаешь, к чему это приведет? Человечество выродится, расплзется по норам и вымрет!

— погоди, — удивился Студент, — так тебе что же, так и не дали попробовать?

Я рассказал ему про Занозу.

— Ну, нет, — махнул он рукой, — это совсем не то. Понимаешь, ты видел только маленький кусочек того, что там происходило. А на самом деле... Ну, ясно, в общем. То-то я смотрю, ничего ты не понимаешь... «Расплзется», «выродится»... Ерунда. Наоборот, каждая комнатка увеличится до размеров Вселенной! И это будет не иллюзия, не сон, а настоящая, необъятная, неведомая Вселенная — изучай, интересуйся, наслаждайся! Времени много — старости просто не существует, компания — какая хочешь. Скажешь, не интересно без трудностей? Пожалуйста, трудностей сколько угодно, и главная из них — бедность собственного воображения. Так ведь с этой трудностью бороться — одно удовольствие! Кроме того...

Он вдруг умолк и схватил меня за руку. словно тяжелый вздох пронесся по лесу, и сейчас-же из-под земли отозвался короткий глухой шум, как будто шевельнулась там какая-то гигантская масса.

— Что это? — прошептал я.

Студент не отвечал. Он с тоской смотрел куда-то вдаль, и, казалось, ни на что больше не обращал внимания. Я понял — мы опоздали. Но как это могло случиться?

— Послушай, Студент! — закричал я. — А что, если сейчас выпить зелья?

Он опустил голову.

— Не поможет, нужно замкнутое пространство...

Прямо перед нами по тропинке вдруг поползли трещины, и земля вспухла бугром, будто огромный крот выбирался на поверхность, уступая бешеному напору снизу. Бугор быстро рос, пока, наконец, не превратился в конический холм в два человеческих роста высотой. Тогда на вершине этого гигантского нарыва образовался свищ, и струя темной, маслянистой жидкости ударила вверх.

Я с ужасом смотрел на крупные тяжелые капли, падавшие вокруг нас. Ударяясь о землю, они не разбивались, но начинали шевелиться, увеличиваться в размерах, выпускали пучок длинных, членистых ног и, поднявшись на них, медленно ковыляли в нашу сторону. Когда некоторые из этих пауков достигали размеров стола, и стали видны их быстродвигающиеся челюсти, мы, наконец, очнулись и бросились бежать. Не разбирая дороги, я несясь вслед за Студентом и боялся даже обернуться, чтобы, не дай бог, не увидеть, как, уже возвышаясь над лесом, за нами гонятся пауки.

Неожиданно мы выскочили на небольшую поляну, в центре которой стояла толпа мохнатых двуногих существ. Скаля свои вытянутые, будто волчьи пасти, они смотрели мимо нас, куда-то в глубь леса. Студент резко свернул в сторону, и мы снова углубились в чащу. «Да что же это такое, — в отчаянии думал я, — ведь не можем мы, в самом деле, сгинуть в этом кошмаре! Мы должны выбраться! Должны!»

И я снова продирался сквозь ельник. «Должны выбраться! — ныло в голове, и я перескакивал через поваленные стволы. — Выбраться!»

Путь нам преградил заросший кустарником овраг. Студент первым прыгнул с крутого откоса и скрылся в зарослях. «Назад!!! — раздался вдруг его вопль. — Назад, Пациент! Бег...» — и оборвался. Раздвинув листву, на дне оврага поднялась белесая бесформенная туша и медленно покатила прочь, оставляя в зарослях широкий коридор. «Выбраться», — прошептал я по инерции и тогда только понял, что Студента больше нет. Перед глазами поплыли круги, вся земля, вместе с оврагом, вдруг накренилась и бросилась мне навстречу...

...Я очнулся от солнечного света, пробивавшегося сквозь ветви сосен. В лесу было светло и спокойно, будто все, что происходило здесь утром, в самом деле приснилось мне, а не этой сволочи Блатному, завалившемуся спать в нескольких километрах отсюда. Какие-то птички даже позволяли себе беззаботно щебетать.

Я приподнялся и заглянул в овраг. Кусты уже распрямились, и коридор, оставленный чудовищем, исчез. Никаких следов. Никаких, если не считать, что где-то там, на дне оврага, лежит Студент.

Цепляясь за корни деревьев, я осторожно спустился вниз. Вот здесь он вошел в заросли. Да, здесь. Но сделал, вероятно, всего несколько шагов... Я вдруг увидел его.

Нет, Студент, это был не сон. По крайней мере, для тебя...

Рядом с ним лежала раздавленная фляжка. Никаких следов, подумал я. Никаких доказательств, никакой от меня пользы... Мне нечего нести дальше, нечего противопоставить слепой и страшной силе, подчиненной одному Хозяину.

Где-то недалеко в лесу хрустнула ветка. Господи! Неужели снова начинается? Я забрался поглубже в кусты и стал ждать. Долгое время все было тихо, затем послышались торопливые шаги, и на краю оврага, с ружьем наизготовку, показался Хозяин.

Он окинул взглядом заросли и стал быстро спускаться вниз. Наши следы были хорошо видны на глинистом откосе. Двигаясь по ним, Хозяин вошел в чащу и почти сразу наткнулся на Студента. Стараясь не запачкаться в крови и тревожно поглядывая по сторонам, он обошел его кругом. Я понимал, что Хозяина беспокоит отсутствие второго трупа, но страха не испытывал. Скорее наоборот, мне приходилось удерживать себя, чтобы не броситься на него с голыми руками.

Закончив осмотр, Хозяин снова приблизился к останкам Студента и поднял сплюснутую фляжку. «А, черт, — пробормотал он, — придется снова лезть!»

Я насторожился. Куда лезть? Не иначе, как к истоку зелья! Что же, Хозяин, путь добрый. Поживи еще немного...

...Вот уже два часа пробирался я вслед за Хозяином. За это время мы поднялись почти

к вершине сопки. Отсюда было видно широкое лесное море и вдалеке — тракт с ползущими по нему грузовиками. Грузовики! Это что-то очень родное, что-то очень человеческое... А потому бесконечно далекое отсюда!

Хозяин вдруг пропал из виду. Он скрылся за небольшим обломком скалы и исчез. Уж не заметил ли меня? Может быть, притаился и уже целится? Может быть. Но это ничего не меняет. Перебегая от камня к камню, я подобрался к этому месту. Хозяина там не было, но зато обнаружился узкий лаз, ведущий, видимо, в какую-нибудь пещеру. Я стал осторожно протискиваться в него, стараясь поменьше шуметь. Лаз скоро расширился и превратился в коридор, полого уходящий вниз. Впереди маячил свет, и я подумал сначала, что это факел Хозяина, но, по мере продвижения вперед, свет становился все ярче и приобретал явственный зеленоватый оттенок. Скоро его отблески заиграли впереди на стенах коридора, представлявших собой нагромождение каменных глыб.

Журчание невидимых ручьев заглушало шаги, и, миновав поворот, я едва не натолкнулся на Хозяина. Он стоял ко мне спиной, склонившись над каким-то предметом, лежащим у стены. Мне сперва показалось, что это длинный, туго набитый мешок.

Прижавшись к холодному каменному выступу, я наблюдал за Хозяином, но он все стоял, слегка покачиваясь, и, казалось, не собирался прикасаться к мешку. И тут я понял, что это совсем не мешок. Хозяин, пихнув его ногой, вдруг заговорил:

— Лежишь? Сгнить давно пора, а ты все скалишься... Пятый год в потолок смотришь, и все как заспиртованный... Чего ждешь-то? Чего после смерти маешься? Все равно не выйдет по-твоему, начальник. Никто сюда не придет, больно уж место потаенное. Такой только умник, как ты, и мог найти... А использовать по уму — только такой, как я. Потому, как дурак ты, начальник. Телок слюнявый. А я — Хозяин, ясно?

Зачем тебе камень небесный? С рулеткой вокруг него ползать? Бумажки про него писать? А мне в нем толк! Я с ним такого наворочу!.. Они узнают меня... Они у меня попляшут...

Эх! Предлагал ведь я тебе, по-хорошему говорил... ведь голова-то какая! Мы бы вдвоем, да с камнем этим... Ох!.. А теперь вот и поговорить не с кем. Кому расскажешь?..

Хозяин махнул рукой и, продолжая что-то бормотать, поплелся дальше. Он был сильно пьян, но у меня не возникло ни малейшего сомнения в правдивости его страшных слов. Я, наконец, смог хорошенько приглядеться. У стены действительно лежал человек. На нем была старенькая штормовка и стоптанные сапоги, мертвые пальцы сжимали серую солдатскую шапку, в темных с проседью волосах запеклась кровь, живые блестящие глаза его словно в терпеливом ожидании глядели в потолок.

Кем он был? Почему Хозяин называет его начальником? Что за «камень небесный» нашел он в этой пещере? Может быть, ископаемый метеорит? Не из него ли готовит Хозяин свое зелье?

Я чувствовал, что ответы на все эти вопросы хранятся в глубине пещеры, и снова осторожно двинулся вперед. Зеленоватое мерцание, освещавшее коридор, все усиливалось, и уже за следующим поворотом открылся овальный вход в залитый светом зал. Ползком приблизившись к нему, я выглянул из-за камня и сразу увидел Хозяина. Он стоял у противоположной стены пещеры перед большим ярко светящимся кристаллом, наполовину выступающим из толщи скал. Передняя грань кристалла была почти правильным квадратом двухметровой высоты и ширины. Фигура Хозяина, резко выделявшаяся на ее фоне, превратилась в черный громоздкий силуэт. Ладонь его легла на светящуюся поверхность, и сейчас же от нее побежали темные волны, свет ослаб, кристалл обрел глубину и прозрачность, и в этой зеленоватой глубине возникло огромное человеческое лицо. Я чуть не закричал — из кристалла на меня смотрел Студент.

Во взгляде его застыл ужас и безнадежное отчаяние; вероятно, таким было лицо Студента в момент гибели.

Хозяин долго смотрел на него, будто наслаждаясь любимым зрелищем, потом неторопливо снял со спины мешок и, усевшись на кучу камней, принялся его развязывать.

— Что, Студент, страшно? — проговорил он и, помолчав, с удовлетворением добавил: — Конечно, страшно. Кому же не страшно помирать? Скотина и та в страхе живет... А зачем побежал? Куда? Держут ведь, не гонют и зелья дают — чего тебе еще? Знай свое место, сполняй, что прикажут, и будешь при дозе! Так нет — кинулся убежать, фляжку украл... надолго она тебе, та фляжка? Да еще парня с собой повел, отбиваться, что ли, хотели вдвоем? Вот и отбились. А Пациенту твоему все равно не уйти, сам же за дозой вернется... Все дурнеем меня считаете, ребята сопливая! А вы у меня во где! Все здесь! Да что с тобой разговаривать — изображение одно, как хошь, так и поверни. Нету тебя, Студент! И следа нету! Эх, жалко, не видал я... Не я тебя кончал — помучился бы ты у меня!

Хозяин встал и снова приблизился к кристаллу, в руке у него была фляжка.

— Ну давай, Студент. Поработай и ты. Дай зелья-то, ну! — Он уперся в кристалл, словно хотел вдавить его в стену. — Давай! Давай, ну!

Лицо Студента исказилось от боли, налилось кровью и вдруг зашлось в немом крике. Я почувствовал подступающую тошноту.

— Давай! Давай сильнее! — кричал Хозяин, голова его мелко тряслась. На поверхности кристалла появились крупные изумрудные капли, медленно стекавшие вниз. Хозяин принялся собирать их, подставляя флягу.

Вот оно, зелье, подумал я. Вот откуда оно берется. Но что за нагромождение кошмаров? Кто изобрел этот чудовищный, тошнотворный способ добычи? Неужели он с самого начала был заложен в камне? Неужели этот человек, ползающий с фляжкой в дрожащей руке у подножия кристалла, превратился в зверя, ненавидящего род людской, под воздействием каких-то неведомых лучей, испускаемых «камнем небесным»? Нет, вряд ли. Ничего особо неземного нет в поведении Хозяина. Тупой, затаенной злобы хватает и на Земле, где люди кидаются друг на друга поодиночке и стаями, и нет нужды в космических рецептах зверства.

Он получил средство отомстить тем, кто его презирал, и стал Хозяином — темной, невежественной силой, опасной для всего окружающего. Эта опасность всегда существовала и будет существовать, пока есть злые, равнодушные глаза, мутно глядящие на мир из подворотен, но не желающие ничего о нем знать. Они живучи, ибо продолжают существовать, не обращая внимания на смену социальных систем, они страшны, ибо ни одному фантасту не удалось еще создать воображаемую форму внеземного разума, которая была бы столь же бесчеловечной.

Все больше капель выступало из невидимых пор на поверхности кристалла. Передняя грань его затуманилась, потеряла прозрачность, лицо Студента исчезло, только смутные тени металась в глубине.

Хозяин был поглощен сбором зелья, он уже не кричал, а что-то удовлетворенно бормотал себе под нос, встряхивая время от времени фляжку. Ружье лежало у стены довольно далеко, и я решил завладеть им. В обширной гулкой пещере еще громче разносилось журчание воды, надежно заглушая шаги. Однако Хозяин, словно почувствовал мой взгляд, вдруг резко обернулся и вскочил.

Несколько мгновений мы неподвижно стояли, глядя друг на друга. Каменное лицо Хозяин было лишено всякого выражения, только глаза, казавшиеся раньше выцветшими, светились теперь, будто в капли зелья.

— Нашел-таки, — прохрипел он и, запустив в меня фляжкой, схватил ружье. Выбора не было. Я бросился к нему, перепрыгивая через валуны и зеленоватые лужицы. Хозяин дрожащими пальцами взвел курок и прицелился. Я хотел было пригнуть в сторону, но неожиданно поскользнулся и полетел на землю. В ту же секунду грохнул выстрел, стены пещеры загудели, как от удара гигантским молотом, и принялись перебрасывать друг другу гулкие раскаты. С потолка посыпались камни, пол под ногами завибрировал, и вдруг огромная плита отделилась от стены и стала медленно крениться, закрывая светящийся кристалл. Снова раздался ужасный грохот, и в быстро надвигающейся темноте замелькали падающие вокруг глыбы.

Я поднялся и, прикрывая голову руками, побежал обратно к выходу из пещеры. Воздух был наполнен пылью и каким-то едким густым туманом, но мне, к счастью, удалось сохранить верное направление. Я выбрался в коридор, когда потолок пещеры, потеряв опору, вдруг просел внутрь и рухнул, похоронив и чудесное озерцо, и сверкающий водопад, и до сих пор владеющего всем этим Хозяина.

Коридор тоже оказался завален обломками, карабкаться по ним в полной темноте было ужасно тяжело и страшно. Взбираясь на каждый следующий камень, я боялся, что между ним и потолком не окажется зазора. А когда на другой стороне нужно было прыгать на землю, мне вдруг показалось, что передо мной бездонная пропасть. Грохот обвала между тем то ослабевал, что снова становился сильнее, заставляя дрожать пол и стены коридора.

Наконец впереди показался свет — выход наружу был уже недалеко, завал тоже кончился. Я воспрянул духом и почти бегом пустился вперед.

Неожиданно змеистая трещина разорвала трубу коридора поперек, чуть выше того места, где я находился, и нижняя часть этой грубы, вместе со мной, стала со скрежетом опускаться. Я бросился к быстро задвигающемуся отверстию и едва успел, подпрыгнув, ухватиться за его нижний край. Пальцы с трудом цеплялись за скользкий камень. Все же мне удалось подтянуться и поставить ногу на какой-то выступ, но в этот момент огромная глыба рухнула с потолка где-то у самого выхода и, набирая скорость, покатила вниз, прямо на меня...

...Возвращение сознания было сюрпризом. Однако еще удивительнее было то, что вокруг меня стояли люди. Живые, настоящие люди. Правда, в одинаковых белых халатах и колпаках. И лежал я не в пещере, и не в лесу, а в больничной палате. И времени прошло, оказывается, очень много.

Меня нашли сейсмологи. Они зафиксировали обвал и прилетели на вертолете взглянуть, что происходит и не требуется ли кому-нибудь помощь.

Помощь требовалась человеку со множественными переломами конечностей, обнаруженному у входа в небольшую глухую пещеру.

Этим человеком был я. Каким образом мне удалось выбраться наружу — неизвестно, но все почему-то спрашивают об этом меня.

К счастью, все это давно позади. Профессор Константинов, дай ему бог здоровья, срастил-таки мои множественные переломы, так что по земле я снова передвигаюсь, хотя и медленно, но самостоятельно.

В милицию я все-таки заявил. Был обнаружен труп Студента, разбитый «газик» и пепелище на месте дома Хозяина. Однако к моим показаниям следствие отнеслось весьма осторожно, принимая, вероятно, во внимание пошатнувшееся здоровье. Я все понимал и поэтому не настаивал.

Но вот недавно, ковыляя по нашей улице, я неожиданно встретил... Доктора. Он узнал меня, посочувствовал и, в конце концов рассказал, чем кончилось дело.

Они, оказывается, почти сразу поняли, что произошло. Но дня три еще жили по заведенному режиму. Потом вдруг оказалось, что кошмары быстро слабеют, а затем и вовсе исчезают. Блатной, однако, нисколько этому не обрадовался. Он все искал у Хозяина запасы зелья, но обнаружил только спиртное. Пробовал заменить одно другим, но остался недоволен и однажды с горя подпалил дом. Пришлось расходиться.

— Впрочем, — рассказывал Доктор, — я недавно видел Занозу, то есть, простите, Светлану, в аэропорту. Она куда-то улетала, по-моему, с мужем... Представительный такой молодой человек...

— Доктор, — сказал я, — по этому делу велось следствие. Вы единственный, кроме меня, свидетель. Ваши показания все решат. Давайте сходим еще раз в милицию?

Вместо ответа он вынул из кармана карточку и протянул мне.

— Вот, возьмите мой адрес. Будет время — заходите на чаек... А показания... Показания я, извините, не дам. Вы ведь на себе эту штуку не пробовали... Все это очень

сложно. Очень лично. Человек не способен отказываться от этого по доброй воле, понимаете? Это его счастье. Счастье, каким он его себе представляет... Но в то же время это счастье пьяницы, счастье наркомана, которое все, целиком испытываешь один, не делишь его ни с кем, а на окружающий мир выплескивается вся грязь твоего тела и души... В общем, я рад, что вопрос закрылся сам собой. И как мне ни жаль Студента... А впрочем, прошу меня простить...

Доктор вздохнул, повернулся и медленно побрел по улице.

Александр Бушков **ДОЖДЬ НАД ОКЕАНОМ**

3 вандемьера 2026 года. Время — среднеевропейское. Вторая половина дня.

И была Европа, и была золотая осень, именуемая по ту сторону океана индейским летом, и был солнечный день: день первый.

Фотограф тщательно готовил аппарат. Камера была старинного образца, из тех, что не начинены до предела автоматикой и электроникой — ее хозяин по праву считался незаурядным мастером и в работе полагался лишь на объектив да на то неопределимое словами, что несколько расплывчато именуется мастерством. Или талантом. Те двое за столиком летнего кафе его и не заметили, не знали, что сразу привлекли внимание. Молодые, красивые, загорелые, в белых брюках и белых рубашках, бог весть из какого уголка планеты залетевшая пара, беззаботные влюбленные из не обремененного особыми сложностями столетия.

Он выжидал самый подходящий момент и, наконец, дождался. Пушистые и невесомые волосы девушки красиво просвечивали на солнце, четко обрисовывался мужественный профиль ее спутника, и этот их наклон друг к другу, отрешенная нежность во взглядах и позах, широкая и сильная ладонь мужчины в тонких пальцах девушки, крохотная радуга, родившаяся в узких бокалах, — все и было тем мгновением, которое следовало остановить. Подавив всплывшее на миг пронзительное сожаление о собственной давно растаявшей молодости, фотограф нажал кнопку. Едва слышно щелкнул затвор.

— Нас фотографируют, — сказала девушка.

— Это не то, — сказал ее спутник. — Это Нимайер, тот самый. Будет что-нибудь вроде «Этюда с солнцем». Итак?

Играя его пальцами, девушка с беззаботной улыбкой продолжала:

— Когда он впервые изменил траекторию, в Центре поняли, что это искусственный объект. Внеземной искусственный объект. К нему приблизился «Кондор». Через две минуты связь с «Кондором» прервалась. Космолет дрейфует, такое впечатление, будто он абсолютно неуправляем. К нему вышли спасатели. Вскоре объект лег на геоцентрическую орбиту и постепенно снижается. Прошел в полукилометре от станции «Дельта-5», после чего связь со станцией прервалась. Датчики системы жизнеобеспечения сигнализируют, что экипаж мертв. Что экипаж сам разгерметизировал станцию...

— Его держат радары?

— Да, лучи он отражает. Размеры — десять-двенадцать метров, правильных очертаний.

— Маловато для космического корабля, — сказал мужчина. — Автоматический зонд?

— Зонд-убийца... — сказала девушка. — Совет Безопасности заседает непрерывно. Сначала хотели просто сбить его, но потом все же рассудили, что открытой агрессивности он не проявляет — пострадали только те, кто оказался близко от него. Так что решено наблюдать.

— И при чем тут я? Неужели...

— Да, — сказала девушка. — Он начал торможение, если не последует новых маневров, через девять часов с минутами приземлится на территории этой страны.

Поскольку резидентом здесь ты...

— То мне предстоит заниматься еще и инопланетянами. Прелестно, никогда я подумать не мог.

— Но ты же понимаешь, Ланселот...

— Понимаю, — сказал он. — Все прекрасно понимаю и помню, в какой стране нахожусь. Нейтралы с тысячелетним стажем, единственное на планете государство, сохраняющее национальную армию и разведку, одержимое прямо-таки манией независимости, которую они сплошь и рядом толкуют просто-напросто как противодействие любым начинаниям Содружества. И в ООН они соизволили вступить лишь пятнадцать лет назад.

— Тем более нельзя угадать, как они поведут себя сейчас, — сказала девушка.

— Ну конечно. Впервые в истории приземляется искусственный объект инопланетного происхождения, причем на их территории. Наверняка они не допустят к себе ни комиссию, ни тем более войска ООН.

— Но ведь на сей раз обстоятельства...

— Именно потому, — сказал мужчина. — Анна, я здесь сижу пять лет, я их знаю. Конечно, вопрос чрезвычайно серьезен, дипломаты заработают, как проклятые, но когда-то их еще уломают? И уломают ли? Не драться же частям ООН с их армией, не оккупировать же страну... И они это очень быстро поймут и будут держаться до последнего... Пошли.

Он бросил на столик банкнот, и они медленно пошли по набережной, держась за руки. По голубой воде плавно скользили яркие треугольники парусов, отовсюду неслась веселая музыка, воскресный день перевалил за полдень.

— Иногда я прямо-таки ненавижу свою работу, Анна, — сказал Ланселот. — Из-за того, что эти динозавры цепляются за идиотские традиции, мы вынуждены держать здесь наблюдателей, терять время и силы, чтобы ненароком не просмотреть какого-нибудь вовсе уж неприемлемого выверта...

— Советник сказал, что у тебя есть человек в их разведке. Он имел в виду Дервиша?

— Да, — сказал Ланселот. — И не только в разведке. Умные люди, которые понимают всю нелепость ситуации и, разумеется, не получают от ООН ни гроша. И тем не менее, по здешним законам любой из них может угодить в тюрьму за шпионаж в пользу «неустановленного внешнего врага». И мы ничего не сможем сделать.

— Я, признаться, до сих пор не могу понять...

— Ну да, — сказал Ланселот, — Я через это да-авно прошел. Конечно, это саднит, как заноза, это трудно принять и понять — на разоружившейся и уничтожившей границы Земле существует такое вот государство-реликт. Ну а что же делать, Анна? Принудить их никто не может. Прав человека они не нарушают. Завоевательных планов не лелеют, глупо думать, что их армия способна противостоять всей остальной планете. Остается наблюдать и надеяться, что им надоест, что найдутся политики-реалисты и сделают последний шаг. Что, наконец, случится нечто, способное встряхнуть как следует замшелые каноны. Этот случай, например.

— Ты так спокоен?

— Конечно, нет, — сказал Ланселот. — Я понимаю, что такое случается впервые. Но я просто не могу представить, что за штука вот-вот приземлится и почему гибнут имевшие неосторожность оказаться на ее пути. Да и некогда мне гадать. Если он приземлится здесь, работа предстоит не из легких, нужно подготовиться...

Она посмотрела с тревогой, и это не была игра на посторонних:

— Я боюсь за тебя...

— Не надо, ладно? — сказал он. — Очень трудно работать, когда за тебя боятся. Да, если разобраться, какая работа? Мы всего лишь будем следить за всем, что они предпримут, подслушивать и подсматривать с Земли и со спутников. Рутина.

Она молчала, и Ланселот, резидент Совета Безопасности, знал, что она вспоминает о тех троих, все же погибших здесь, несмотря на специфику работы и столетия.

Она перехватила его взгляд и отвернулась, и он понял, что лучше промолчать и не упоминать о банановой корке, на которой можно поскользнуться через два шага, и о прочих верных слугах ее величества теории вероятностей. Он только чуточку сильнее сжал ее теплую ладонь.

— Когда-нибудь все кончится, — сказал он. — А что до... Анна, милая, я как-то привык не погибать и добиваться успеха, само собой получается...

— Я знаю, — сказала она.

Прохожих почти не было. Ланселот остановился, повернул ее к себе и поцеловал. Она тихонько отстранилась и пошла вдоль парапета, ведя ладошкой по нагретому солнцем граниту. Ланселот неслышно шел рядом. Интересно, думал он, почему Себастьян стал так часто ее присылать — считает, что я чуточку захандрил? Многие ведь хандрят. Трудно быть чем-то вроде персонажа старинного фильма, пусть ты и прекрасно понимаешь, насколько это важно и необходимо. Какие там, к черту, супермены...

— Я не верю в инопланетную агрессию, — сказала Анна, не оборачиваясь.

— Я тоже, — сказал он — Хотя бы потому, что приличная агрессия наверняка обставлялась бы не так... Что ж, нужно трубить сбор. В первую очередь разыщу Дервиша. Вот если бы еще и полковник был из наших... Есть тут один полковник, чертовски любопытный экземпляр. Стоп! — он приостановился. — Вот с этого и нужно было начинать. Если эта штука все же плюхнет сюда, наверняка ею займутся именно этот генерал и именно этот полковник. Девять часов, океан времени. Пошли.

Они спустились по широкой гранитной лестнице, пересекли площадь, традиционно украшенную статуей какой-то знаменитости времен средневековья, завернули за угол и сели без приглашения на заднее сиденье белой «Альфа-кометы». Человек за рулем повернулся к ним:

— Заседание только что закончилось. Решение прежнее — наблюдать. Спасатели догнали «Кондора». Экипаж мертв. Они сами отключили подачу кислорода, немотивированное самоубийство, как и на «Дельте».

— Объект?

— Нужно торопиться, Ланселот, — сказал человек за рулем. Лицо у него застыло. — Нет у нас девяти часов. Он увеличил скорость, идет по той же траектории. Теперь никаких сомнений — это не люди. Люди таких перегрузок не выдержали бы.

— Может быть, они нейтрализуют перегрузки, — сказал Ланселот, — Антигравитация, что там еще...

— Черт их знает. У нас — не больше часа.

3 вандемьера 2026. Часом позднее. Радиопереговоры наземных служб фиксируются орбитальной станцией «Фата-моргана».

— Я — Ожерелье-3. Объект миновал стратосферу.

— Я — Ожерелье-4. Объект миновал тропосферу.

— Я — Ожерелье-5. Объект совершил посадку. Ни с одним из известных типов космических аппаратов не ассоциируется. Место приземления в дальнейшем будет именоваться точкой «Зет».

— Я — Центр. В точку «Зет» мною выслан вертолет с оперативной группой. Арапахо — поддерживать непрерывную связь.

— Я — Арапахо. Объект имеет вид конуса высотой около пяти метров, диаметр основания около двух метров. Цвет — черный. Радиоактивного излучения, радиоволн не зафиксировано. Температура не отличается от температуры окружающей среды.

— Я — Ронсеваль. Бронедесантные подразделения завершили блокирование района.

— Я — Арлекин. Опергруппы вышли на исходные позиции.

— Я — Магистр. Со стороны ООН никаких демаршей не последовало. Прослушивание телефонов представительства ООН и его радиосвязи со штаб-квартирой проводится в

соответствии с имеющимися планами. Дополнительные дешифровщики подключены.

— Я — Арапахо. Новых данных нет.

— Я — Икар. Три эскадрильи подняты в воздух и направляются в указанные квадраты.

— Я — Арапахо. Вертолет, производя беспорядочные маневры, удаляется от точки «Зет», резко меняя направление. Связи с экипажем нет.

— Я — Центр. Обеспечить наблюдение.

— Я — Арапахо. Только что вертолет разбился в восьми километрах юго-западнее точки «Зет».

— Я — Арлекин. Объект превратился в четыре автомобиля современных марок. Три последить не удалось — затерялись в потоке автотранспорта. Четвертый движется на запад в квадрате три-шестнадцать.

— Я — Центр. Всем наземным опергруппам в квадратах три-четырнадцать и три-пятнадцать — немедленно на перехват. Разрешаю применять оружие.

— Я — Кадоген. Иду в три-шестнадцать.

— Я — Гамма. Иду в три-шестнадцать.

— Я — Дервиш. Иду в три-шестнадцать.

— Я — Икар. Ввиду наличия на шоссе большого количества машин боевой захват произвести невозможно. Звено барражирует в квадрате три-шестнадцать.

— Я — Арапахо. Даю ориентировку. Четвертый автомобиль — жемчужно-серый «Грайне»: модели «спорт».

— Я — Арлекин. Дополняю по данным полицейских постов. Номерной знак НВ-405-К-6. Приказу остановиться не подчинился. Движется на юг, по дороге 2-141.

— Я — Арапахо. Полицейский пост в квадрате три-шестнадцать на вызовы не отвечает. Вертолеты высланы.

— Я — Центр. Подключить посты квадратов два-десять, два-одиннадцать, два-двенадцать.

— Я — Дервиш. Нахожусь в квадрате три-шестнадцать. Блокирую дорогу 2-141.

— Я — Арлекин. Дервиш, он идет на вас, будьте готовы. Огонь без предупреждения.

— Понял, — сказал он.

Он вел машину уверенно, с небрежной лихостью знающего свое ремесло профессионала, и давно выработанный автоматизм позволял высвободить часть сознания, чтобы перелистать существующие только в памяти страницы ненаписанных писем. И слушать музыку.

Рядом с ним на сиденье поблескивал короткий черный автомат.

Бешеная гонка навстречу ветру или вдогонку за ветром так давно стала неотъемлемой частью его существа, что он задыхался, если приходилось пройти с черепашной скоростью пусть даже короткий отрезок пути. И он просто боялся признаться себе, что гоняется за призраками, за пустотой. Хорошо еще, что на свете существует Ланселот и весь остальной мир. Может быть, наконец, и пришло настоящее?

Он протянул руку и тронул клавишу магнитофона. Звенели гитары, сухо прищелкивали кастаньеты, и на пределе печали звенел голос Рамона Ромеро:

И сломать — нелегко труд,
и построить.
Не для каждой и сожгут
город Трою.
Пьем невкусное вино,
судим-рядим.
Слишком много сожжено
шутки ради...

— «Поэма рассудка», — вспомнил он название. Иногда ему хотелось ненавидеть само

это слово — рассудочность, рассудок. Рассудочно прикинули, слушали — постановили, погасили живое и нежное и назвали его приемлемым выходом. А на деле — всего лишь загнали глубоко на дно то, что всплывает погода в другом обличье.

— Я — Арлекин. Он приближается. Будьте осторожны.

— Я — Дервиш. Вышел на дистанцию огневого контакта.

Машина летела по черной автострате сквозь солнечный день, навстречу жемчужно-серому спортивному автомобилю, и он приготовил автомат, но показалось, что женское лицо, мелькнувшее за стеклом — то самое, нежность и беда, ненависть и любовь, жалость и злоба. Рассудок не преминул бы заявить, что он ошибается, но рассудок молчал, и он рванул руль, как узду, как рычаг стоп-крана, и машина дернулась, как-то нереально закружилась на асфальте, словно на скользком льду, словно конь, дробящий копытами распластанного вражеского воина, а через несколько то ли секунд, то ли веков время лопнуло, и машина провалилась в треск рвущегося металла, в ночь, в ночь, в ночь...

— Я — Арапахо. Только что внутрь охраняемого периметра вошел, теряя высоту, легкомоторный самолет «Махаон-16». Наблюдался дым, выходящий из кожуха мотора. Перехвачена передача с борта, летчик сообщает, что по неизвестной причине потерпел аварию и идет на вынужденную посадку.

— Я — Магистр. Не исключено, что мы имеем дело с попыткой агентов ООН прорваться в запретный район.

— Я — Центр. Ваши соображения учел. Опергруппа послана. Одновременно ставлю вам на вид неправильное употребление терминов. Предлагаю пользоваться общепринятым определением «неустановленный внешний враг».

— Я — Ориноко. Психозондирование продолжаю. Даю развертку помех.

— Отсечь помехи.

— Есть. Выведено за пределы, но спонтанные прорывы не исключены.

— Я — Рейн. Пошел второй слой помех, более мощный.

— Я — Ориноко. Отсечка не дала результатов.

— Вы понимаете, что говорите?

— Увы, но это так. Может быть, Рейн?

— Я — Рейн. Даю развертку. Лицо. Женское лицо. Глушение результатов не дало. Кажется, я узнал ее, Доктор...

— Я — Юкон. Вношу предложение, Доктор: помехи не глушить, а, наоборот, выпустить на поверхность. Не исключено, что это и является искомым.

— Хорошо. Ориноко, Рейн, Юкон — каскадное усиление помех второго слоя. Онтарио — в резерве. Начали!

— Я — Рейн. Воспоминания личного характера, связанные...

— Достаточно. Первым трем мониторам глушить помехи. Ищите следы свежего психического удара, вы слышите? Что его заставило так поступить?

— Результаты нет.

— Черт бы вас побрал!

— У меня шальная мысль, Доктор. Что если именно это послужило причиной...

— Глупости.

— Почему бы и нет? Направленное воздействие на определенные группы нейронов, своего рода детонатор, вызвавший шок и неконтролируемые действия, повлекшие...

— Оставьте это для своей диссертации. Дервиш — из суперменов.

— Иногда ломаются и супермены. Супермену как раз тяжелее осознавать то, что он оказался суперменом не во всем.

— Глупости, Рейн. Генераторы на максимум. Всем мониторам, вы поняли?

...Доктор сидел за пультом в почти темной комнате, его лицо дико и причудливо освещала россыпь разноцветных лампочек. Врачей было много, а Доктор — один. Правда, сейчас от этого не стало легче, он ничего не понимал, собственное бессилие перед этой инопланетной тварью сводило с ума...

— Стрелки до красной черты, — сказал он. — Ремонтникам быть наготове.

— Я — Юкон. Оторвите мне голову, Доктор, но я ничего больше не могу. Я — инженер-медик, а не бог...

— Я — Арапахо. «Махаон-16» упал и взорвался в квадрате четыре-девятнадцать. Опергруппа вскоре прибудет на место.

4 вандемьера 2026. Утро.

Он долго шел по коридорам, спускался и поднимался по лестницам, кивал знакомым, а многие незнакомые почтительно здоровались, и тогда он отвечал и им. Он шел мимо щелкавших каблуками охранников, мимо длинной стены — за ней тихо журчали компьютеры, и девочки в белых халатах с ловкостью, на которую было приятно смотреть, нажимали клавиши. Он шагал — грузный, широколицый, редкие светлые волосы, прямая спина кадрового военного (никогда тем не менее не воевавшего). Просто генералов хватало, а Генерал был один. Еще его звали Король Марк, чего он терпеть не мог — не находил в себе ничего общего с преследователем Тристана и Изольды. А его все равно так звали, бог знает почему, пути прозвищ неисповедимы, и тот, кто первым пустил прозвище в обиход, затерялся в безвестности надежно, как изобретатель колеса.

Он распахнул белую дверь с изображенным на табличке кентавром — так здесь кодировали опергруппы и операции. Круглый зал, четверть которого занимает выходящее во двор окно. Толстые кожаные кресла. Восемь человек встали и через положенные несколько секунд сели вновь. Генерал заложил руки за спину, остановился перед первым рядом кресел и какое-то время смотрел вверх голов, а сидящие смотрели на него.

— Два часа назад некий объект внеземного происхождения совершил посадку в точке, отмеченной на выданных вам картах как точка «Зет», — сказал Генерал. — Высланная на вертолете группа наших сотрудников погибла — вертолет стал удаляться, маневрируя так, словно им управлял пьяный или сумасшедший, после чего разбился. Вскоре было обнаружено, что объект, конусообразный предмет, превратился в четыре автомобиля современных марок. Три мы упустили. Наш сотрудник Дервиш, выехавший наперерез четвертому, по неизвестной причине направил машину на обочину и потерпел аварию. В настоящее время — в бессознательном состоянии. Четвертый «автомобиль» обстрелян с воздуха истребителями и уничтожен. Перед этим он пытался превратиться в какое-то крупное животное, но был уничтожен, прежде чем метаморфоза совершилась. Остальные пока не обнаружены. Не исключено, что и они превратились в... нечто совершенно иное. Предварительные меры приняты. Район наглухо блокирован войсками, из него не выскользнет и мышь. Распоряжением премьер-министра я назначен руководителем особой группы по ликвидации опасности. Перед вами стоит задача — в двадцать четыре часа покончить с тремя объектами, условно обозначенными как «мобили». Далее. Уже после блокирования района внутри него произошел ряд непонятных автокатастроф и ряд случаев, которые можно охарактеризовать как молниеносное помешательство, после которого люди совершали самоубийства, немотивированные убийства, поджоги и прочие эксцессы. Из этого был сделан вывод, что «мобили» каким-то загадочным образом воздействуют на человеческий мозг. — Генерал сделал гримасу, которая могла сойти и за улыбку. — Чтобы вы не чувствовали себя воробьями, которым предстоит стесать гору клювом, поясню: «мобилям» присуще тэта-излучение, несвойственное ни одному живому существу Земли. То, о котором до сих пор мы знали лишь теоретически. Ваши машины будут оснащены тэтарарами. Инструктаж по обращению с ними много времени не займет, это ничуть не сложнее, чем наша обычная аппаратура. Найти, в общем, нетрудно. Опознать и уничтожить — это серьезнее... Прошу на инструктаж.

Он дождался, когда за последним захлопнется белая дверь, сел в первое подвернувшееся кресло и устало сдвинул ладонями виски. Услышав шаги, торопливо отнял ладони и поднял массивную голову. Вошли Доктор и Полковник — седой растрепанный

старичок в голубом халате и мужчина лет тридцати пяти, которого с первого взгляда почему-то хотелось назвать учителем физики.

— Итак? — глухо сказал Генерал.

— Мы не гении, но в этой голове кое-что есть, — Доктор похлопал себя по лбу и улыбнулся, — Впрочем, и техника у нас не самая худшая... Хотите разгадку, Король Марк?

Он был единственным, кто осмеливался так называть Генерала в глаза.

— Валяйте.

— Касательно Дервиша. «Мобиль» номер четыре сделал что-то, от чего воспоминания личного характера вспыхнули с такой силой, что подавили все остальное и привели к неконтролируемой вспышке эмоций. Второй случай, на шоссе номер пять...

— ...Там ему попался математик, озабоченный сложными перипетиями научного спора в своем институте, — скучным голосом продолжил Генерал. — И третий — с художником. И четвертый, и пятый... Простите, старина, но мои люди пришли к тем же выводам на полчаса раньше ваших. Один из них хорошо знал жизнь Дервиша, а там и потянулась ниточка... Я все могу сказать за вас — «мобили» поражают людей с высоким уровнем мозговой активности, яркие индивидуальности. Творческие личности. Влюбленных. Обладающих повышенной чувствительностью, тонкой, нервной организацией, склонных к углубленной работе мысли. «Мобиль» пропустит лишь человека равнодушного, не склонного размышлять, страдать, любить, ненавидеть, творить, сопереживать. Их ведь не так уж мало, таких людей, Старина... Я все правильно сказал за вас?

— Правильно, — сказал Доктор.

— Но они же все такие! — вдруг воскликнул Полковник. — Они же все такие, все восемь — повышенная эмоциональность, тонкая нервная организация, склонность к творчеству, почему же вы...

— Именно поэтому, — сказал Генерал, глядя в пол. — Да, это живцы. Их автомобили напичканы аппаратурой. Можно с уверенностью сказать, что мы будем знать, как «мобиль» наносит удар, механизм этого удара — словом, почти все. И не нужно смотреть на меня такими глазами. Восемь человек — и человечество. Случилось так, что именно нам предстоит защищать планету. Мы можем гарантировать, что этот конус — единственный во Вселенной? Что никогда не будет других? Мы все должны знать о нем. И потом, они не принесены в жертву, не такие уж они подсадные утки. Они предупреждены и вооружены. Так что правила игры остаются прежними — выигрывает тот, кто успеет первым...

Он сидел, ссутулясь, а они смотрели на него. Потом Полковник сказал:

— Вы послали их на смерть.

— Ну да, — сказал Генерал. — Вернее, не совсем так — я послал их на задание, в случае неудачи — смерть. Но ведь мы сами называем себя последними солдатами Земли, верно? Вот и бой.

— И все же ты мог бы послать людей более холодного эмоционального спектра, — сказал Доктор.

— Мог. Но мне мало просто уничтожить врага. Нужно еще изучить его оружие, его сильные и слабые места. И не столько мне, сколько человечеству. Я ненавижу сакраментальный девиз иезуитов, но... Ты не военный, старина. Впрочем, и ты должен помнить, что для успеха армий жертвовали взводами, а то и батальонами. Законы войны. А сейчас идет война — что из того, что большинство землян о ней ничего не знает?

— Вы считаете, что знай они суть дела, отказались бы? — спросил Полковник.

— Вполне возможны отдельные срывы, — сказал Генерал. — А возможно, и нет. Просто... иногда человек, который не посвящен во все детали, работает лучше.

— Ну что ж, все правильно, — сказал Полковник и стал еще больше похож на учителя физики. — Вы, Генерал, не можете запретить мне одной простой вещи. В третьей группе не хватает человека, их только двое. Кстати, я ведь человек «более холодного эмоционального спектра», вы сами так когда-то говорили, Доктор...

— Но не настолько, чтобы чувствовать себя в безопасности, — буркнул Доктор. — Ты

тоже подходишь под определение мишени, если честно.

— Это означает только то, что я об этом знаю, — Полковник щелкнул каблуками. — Разрешите идти?

— Идите, — не глядя на него, сказал Генерал.

Белая дверь захлопнулась за Полковником, мелькнул на мгновение натянувший лук кентавр.

— Они уже все мертвые, Марк, — сказал Доктор. — Все.

— Может быть. А может быть, будущие мертвецы и будущие триумфаторы — в равной пропорции. Судя по уничтоженному истребителями «мобиллю», они довольно-таки уязвимы. — Он положил руку на колено Доктору. — Старина, пойми же ты наконец — мы защищаем Землю...

— В обход ООН?

— Что?

— Ты думаешь, в ООН не знают? — спросил Доктор. — Считаешь, что его засекли только наши станции слежения? Что, если перед посадкой он вызвал какие-то катастрофы и в Приземелье? Приземелье — улица с довольно оживленным движением...

— Я говорил с премьером, — сказал Генерал. — Он быстро ухватил суть, он умен. И политик отменный. При любых демаршах он обещал продержаться, как минимум, сутки. Вряд ли ооновцы прибегнут к прямому военному вторжению, так что мы все успеваем... Они ведь не вторгнутся.

— Наверняка нет, — сказал Доктор. — Но тебе не приходит в голову, что «ооовцами», если разобраться, ты именуешь все остальное человечество?

— Ну и что? Нет, ну и что? — Доктор видел, что Генерал искренне удивлен и рассержен непонятливостью собеседника. — Мы ведь защищаем Землю.

— Одни?

— А какая разница? Разве ооовцы применили бы другую аппаратуру? Другое оружие? Другие методы? Они действовали бы точно так же. Оставим специалистам по международному праву разбираться в том, насколько это наше внутреннее дело и насколько оправданным было бы вмешательство ООН. Ты можешь заверить, что ооовцы справятся лучше?

— Нет, — сказал Доктор.

— Ты согласен, что «мобили» крайне опасны?

— Да.

— Вот видишь!

— А ты можешь заверить на все сто, что тобой движет лишь забота о благе человечества? Без маленькой, без крохотной примеси? Никакого желания воскликнуть: «Ага! Вы долго смеялись над нами, но в конце концов успеха добились именно мы...» Так что же, никакой примеси?

— Никакой, — сказал Генерал.

И все же, все же... Человек, никогда не лгавший, не сможет перестроиться мгновенно, к тому же, если человек этот отнюдь не подл и не плох. Коротенькая заминка, едва заметная неуверенность в голосе не почудились, они были. Доктор был хорошим психологом и не мог ошибиться.

— Между прочим, — сказал он, — ты использовал не лучший метод. «Зараженный» район не столь уж и велик, его нетрудно было бы прочесать армейским подразделениям, бронированным машинам, оснащенным теми же тэта-радарам. Но на это ты никак не можешь пойти. Во-первых, вся слава должна достаться твоей конторе. Во-вторых, не стоит раньше времени привлекать внимание ООН — а вдруг они все же ничего не знают?

Генерал подошел к окну, заложил руки за спину и стал смотреть вниз. Там, внизу, посреди огромного, залитого асфальтом двора стояли три сине-черных фургона, прямоугольные коробки на колесах едва ли не в человеческий рост, и к ним шли оперативники. Показался Полковник, подошел к Ясеню и Эвридике, что-то сказал им, все

трое сели в кабину, и фургон медленно выкатился за ворота. Следом второй. Потом третий. Створки высоких зеленых ворот медленно сдвинулись, словно отсекая прошлое от настоящего, настоящее от будущего.

Не оборачиваясь, Генерал сказал глухо:

— Забыл тебя предупредить. До завершения операции никто не имеет права покидать здание управления.

— Я и не собираюсь, — сказал Доктор.

— Вот и прекрасно.

Доктор подождал несколько минут, потом встал и тихо вышел. Спасители человечества, думал он, неторопливо шагая по светлым коридорам. Защитники. Мессии. А человечество, похоже, и понятия не имеет о том, что его усердно спасают. Конечно, создался головоломный юридический казус, на котором может заработать нервное расстройство не один специалист по международному праву и вообще юрист, тут Король Марк полностью прав, и тем не менее... Не тот век на дворе. Нельзя спасти человечество, не выслушав даже его мнения по сему поводу — конечно, речь не идет о всеобщем референдуме, это преувеличение, но в нынешнем составе играть просто невозможно. Нельзя одному человеку, хорошему, в общем-то, и честному, желающему на свой лад людям добра, брать на себя роль Спасителя. Не имеет он никакого права. Ох уж это «на свой лад» — сколько всяких неприглядностей совершено под сенью этого лозунга, сего знамени...

А ребята ничего не поняли. Очень хорошие ребята, искренне считающие сейчас, что спасают человечество. В их возрасте легко жить без сомнений, и очень хочется побыть хотя бы недолго спасителем человечества. Так что же делать?

Он завернул в свой кабинет и поднял трубку городского телефона — просто так, проверки ради, никуда он не собирался звонить. Телефон молчал.

— Ну да, — сказал себе вслух Доктор. — Разумеется!..

Он спустился этажом ниже, открыл дверь операторской, небрежно отстранил удивленно обернувшегося к нему радиста, сел во вращающееся кресло и сказал:

— Все три группы — на связь.

Радист, недоуменно поглядывая на него, защелкал тумблерами. Приборы тихонько посвистывали, подвывали, шуршали разряды, и наконец раздались громкие уверенные голоса:

— «Единица» слушает.

— «Двойка» слушает.

— «Тройка» слушает.

Доктор поднес к губам черное рубчатое яйцо микрофона:

— Говорит Доктор. Слушайте меня внимательно, ребята. «Мобиль» ударит по самому сокровенному, что хранит ваш мозг. Самые радостные и самые горькие воспоминания. То, что больше всего волнует. То, что сильнее всего запечатлелось. То, что...

Внезапно погасли все лампочки, стихли шорохи и треск помех. Рации превратились в холодные железные коробки. Доктор взглянул на радиста, но тот был удивлен не меньше. Ай да Марк, подумал Доктор, догадался все-таки, хотя чуточку опоздал. Правда, я не сказал, как следует защищаться, чтобы уменьшить опасность — принять нейтротразин, он имеется в аптечке каждого фургона.

Но ребята должны догадаться, просто обязаны, они только что прослушали короткую лекцию о тэта-излучении, о его взаимодействии с биополем мозга, и не так уж трудно сделать следующий шаг — понять, что нейтротразин до предела уменьшит контакт биополя с тэта-излучением...

Рации молчали. Доктор откинулся на узкую спинку кресла. Он подумал, что совершил должностное преступление, но, странное дело, не испытывал ничего, даже отдаленно напоминающего стыд или угрызения совести.

За ним пришли через три минуты.

4 вандемьера 2026. Ближе к полудню.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Купидон вел фургон с небрежной лихостью мастера, свесив левую руку наружу, и амулет на запястье, крохотный серебряный чертик, раскачивался над пунктирной линией разметки, летевшей под колеса трассирующей очереди.

— Все это в высшей степени странно, — сказал задумчиво Гамлет. — С одной стороны — голос, несомненно, принадлежит нашему эскулапу, но почему вдруг прервалась связь? Это наши-то рации способны отказать?

— И что ты этим хочешь сказать?

— А черт его знает, господа офицеры. Может быть, начались уже сюрпризы, а?

— Ты это серьезно?

— Я это серьезно, — сказал Гамлет. — Ничего ведь не знаем об этой проклятой твари. Вообще, в этом что-то есть — бить по сокровенному. Та же рукопашная — знай лупи по болевым точкам. Эй, Братец!

— Ну? — Братец Маузер отвел глаза от круглого голубого экранчика.

— Что у тебя самое, сокровенное?

— Пива бы. С рыбкой домашнего копчения.

— Бездна воображения...

— А что делать? Вот вернемся — прямиком отправлюсь в «Гамбринус».

— Не каркай...

Они были чуточку суеверны. Они истово ждали своего часа, верили в свою звезду.

— Говорит «двойка», — раздался голос Виолы. — Как у вас, мальчики?

— Все прекрасно, девочки, — Гамлет лениво курил. — Катим себе без руля и без ветрил.

— Что собираетесь предпринимать по сообщению Доктора? Лично мы едим нейтротразин.

— Это еще зачем?

— Чтобы уменьшить возможность тэта-излучения влиять на мозг. Советуем и вам.

— Знаешь, — сказал Гамлет, — ты училась на биофизическом, тебе легко рассуждать о биоизлучениях и прочем, а я, признаться, плохо верю даже Доктору. К тому же, это мог быть и не Доктор... Одним словом, мы посоветовались и решили — пусть каждый сам выбирает линию поведения. Кушайте таблетки, а мы подождем. Кстати, «тройка» к нашему мнению присоединяется. Мы...

Резко, пронзительно затрещал звонок, на экранчике заплясали алые зигзаги, и Братец Маузер повернул к ним побледневшее лицо:

— Тэта-излучение!

— Ага! — Гамлет выплюнул сигарету в окно. — Тройка, двойка, у нас клюнуло, идем по пеленгу! Рули, Купидончик, рули, все наверх!

Братец Маузер осторожно вращал верньеры. Хаотическое мелькание алых зигзагов постепенно становилось более упорядоченным, и вскоре экран крест-накрест пересекли две идеально правильные алые прямые, и он стал похож на оптический прицел. Гамлет перешел в кузов, нажал несколько кнопок. Рифленая стена кузова раздвинулась, в квадратное отверстие грозно глянул спаренный пулемет. Гамлет сдвинул предохранители и повел стволами вправо-влево, целясь в лес, мимо которого они мчались.

— Стоп! — рывкнул Братец Маузер, и Купидон мгновенно затормозил. — Где-то здесь, парни.

— И, судя по тому, что лес довольно густой, это уже не автомобиль...

Фургон стоял на обочине черной автострады. Перед ними был лес, немая стена деревьев, прятавших нечто неизвестное и непостижимое. Слабенький ветерок, синее небо и тишина, которую во что бы то ни стало нужно было разнести в клочья пулеметными очередями.

— Пошли, — сказал Купидон. — Гамлет, остаешься прикрывать. Братец, ты вправо, я влево.

Они вошли в лес, двигаясь среди стволов так, словно земля под ногами была стеклянной и, надавив подошвой сильнее, можно было провалиться вниз, где грузно клокочет кипящая смола. Они не знали, что увидят, и это было самое страшное — враг с тысячей лиц, тысячей обликов, помесь вурдалака с Протеем...

— Купидон! — зазвенел стеклянным колокольчиком девичий голос.

Он мгновенно развернулся в ту сторону, палец лег на курок, автомат нашел цель. И тут же опустился.

Между двумя раскидистыми дубами стояла девушка-кентавр, одной рукой она опиралась на тонкое копьё с золотым наконечником, другой небрежно и грациозно отводила от лица упругую ветку. Лукавые, улыбчивые серые глаза обещали все и не обещали ничего, в волосах запутались зеленые листья. Она легонько ударила копытом в мох и рассмеялась:

— Ты не узнал меня, глупый?

— Конечно, узнал, — сказал Купидон. — Ты — Меланиппа, амазонка из Фессалии, верно?

— Да, — сказала девушка, улыбаясь ему. — Ты, кажется, не удивлен?

— Нет, — сказал Купидон. — Я всегда верил в вас. Я знал, что были кентавры, была Атлантида, рыцари короля Артура, что древние сказители не выдумывали легенды, а описывали то, что видели! И вот — ты. Такой я тебя и представлял.

— И ты обронил как-то: «Увидеть фею и умереть...»

Ее лицо было юным и прекрасным, как пламя.

— Я красива? — спросила она.

— Ты прекрасна, — сказал Купидон.

— Спасибо, милый, — сказала Меланиппа.

И, улыбаясь нежно и ласково, метнула копьё.

Вцепившись обеими руками в несуществующее древко, Купидон медленно осел в траву, успел еще ощутить щекой сыроватую прохладу мха, и Вселенная погасла для него, исчезли мириады звезд, закаты и радуги.

Братцу Маузеру оставалось всего несколько метров до верхушки дерева, у подножия которого валялся брошенный им автомат. Он целеустремленно лез вверх. Он знал — сбылось, он оказался-таки птицей, большой белой птицей, и наконец сможет взмыть к облакам, проплыть по небу, как давно мечтал. Наконец спала эта глупая личина прикованного к земле бескрылого существа, и можно стать самим собой, красавцем лебедем...

Он взмахнул руками и камнем полетел вниз с высоты десятиэтажного дома. Он жил еще около двух минут, но сознание потерял сразу после удара, так что эти минуты достались лишь измученному телу.

В кабинете фургона на черной панели погасли две синие лампочки из трех — остановились два сердца. Гамлет прижал к плечу приклад и выпустил длинную очередь по лесу, по немym деревьям. Нужно было сделать что-то, а ничего другого он сейчас не мог. Меж стволов мелькнула, проносясь галопом, девушка-кентавр и, смеясь, погрозила ему пальцем. Гамлет прицелился в нее, но тут же отпустил гашетку — невидимые теплые ладони погладили ему виски, и теперь он совершенно точно знал, что ему следует делать. Он отодвинул пулемет назад, вглубь кузова, сел за руль и помчался к ближайшему городку.

На опустевшую дорогу вышла девушка-кентавр. Ее тело стало расплываться, терять четкие очертания, таять. Вспухло куполообразное облако, пронизанное спиральными струями белого дыма, а когда оно растаяло, на дороге стоял синий автомобиль. Он взревел мотором и умчался в сторону, противоположную той, куда скрылся фургон.

Он двигался со скоростью, не превышавшей допустимую, он ничем не отличался от других автомобилей той же марки, и даже водитель был на своем месте — по крайней мере нечто похожее на водителя ровно настолько, чтобы не привлекать излишнего внимания.

Синий автомобиль промчался по старинному мосту, возведенному некогда для собственного удобства заходящим римским легионом, проехал через деревню, сбавив скорость до предписанной дорожным знаком.

Увеличил скорость. Дорога круто сворачивала вправо, за гору. И там, за поворотом, стоял поперек дороги сине-черный фургон. Из люка в борту торчали стволы спаренного пулемета — над прицельной рамкой обрамленное рассыпавшимися по плечам черными волосами азартное личико Эвридики. Синие глаза поймали цель в перекрестье стальных паутинок, и ударила очередь, длинная, как те письма, что остаются неотправленными. Казалось, она никогда не кончится. Из кабины молотили два автомата.

Синий автомобиль налетел на пули, как на невидимую стеклянную стену, рыскнул вправо-влево и остановился с маху. Алые ручейки текли из десятков пробоин по раскрошенным стеклам, по дверцам, по радиатору, стекались в огромную лужу, маслянисто поблескивающую на пыльном асфальте. Оглушительно лопнула брошенная Полковником граната, и взлетели куски кузова.

И стало очень тихо. В алой луже громоздилась бесформенная груда. Полковнику почему-то захотелось вдруг пожать плечами, но он подавил это глупое желание и поступил точно по инструкции — вызвал вертолеты.

Услышав стон, обернулся. Эвридика лежала на казеннике пулемета, сжимая виски тонкими пальцами.

Сначала, он подумал, что это обыкновенная истерика, и приготовился оборвать ее пощечиной, но Эвридика подняла голову, по-детски жалобно и беспомощно пожаловалась:

— Было больно. Как иглы в виски.

— А теперь?

— Теперь уже нет.

— И то ладно, — буркнул Полковник.

Он снова посмотрел на бесформенную груду в кровавой луже — подсыхая, кровь принимала странный синеватый оттенок. И это все, так просто? Так, можно сказать, буднично? Он чувствовал легкое разочарование непонятно в чем. Может быть, в самом себе.

— Центр, я «тройка», — он включил рацию. — Следую в квадрат 3-14 как наиболее вероятное...

— «Тройка», слушайте приказ! — рявкнули, перебив его, динамики, — Купидон и Братец погибли. Гамлет идет в квадрат шесть. Десять минут назад он обстрелял автобус. Есть жертвы. Немедленно обезвредить, вы поняли? — Голос на несколько секунд отдалился и снова набрал силу: — Только что он бросил гранату в летнее кафе.

Полковник отодвинул Ясеня, сам сел за руль. Фургон взревел и прыгнул вперед.

— Стрелять на поражение, — сказал Полковник, не оборачиваясь. — Ясно?

— Но это же Гамлет, — тихо сказала Эвридика.

— Был Гамлет...

...Гамлет прибавил газу. Рядом с ним стволом в сторону окна лежал автомат, еще горячий от недавних очередей. Гамлет ощутил удовлетворение, вспомнив, как вдребезги разлетались стекла автобуса. Теперь он совершенно точно знал, что должен делать, и благодарил эту неизвестную силу, давшую ему холодную ясность знания. Он еще раз вспомнил все, что произошло три года назад — зачистившего в дом элегантного штурмана торгового флота, интуитивно уловленную им перемену в поведении жены и, наконец, тот вечер, когда он вернулся на день раньше, чем предполагалось, и никаких неразгаданных умолчаний больше не осталось.

Он прибавил газу — навстречу на велосипеде ехала девушка. Гамлет резко бросил машину влево. Фургон снес девушку, как кегельный шар сбивает одуванчик, и помчался дальше. Улыбаясь солнцу, Гамлет губами вытянул из пачки сигарету. Он был счастлив — впервые в жизни не оставалось ровным счетом никаких сложностей и неясностей, он совершенно точно знал свое предназначение.

Женщин следовало убивать. Всех. Этим он уменьшал количество зла, мстил за себя и за

других.

При въезде в городок он сбавил скорость до двадцати и вертел головой, выискивая цели. Одной рукой ловко вставил новый магазин и положил автомат на колени.

Девушка-регулировщица в аккуратной голубой униформе скучала на пустой площади, она с любопытством посмотрела на фургон явно не известной ей марки, шагнула даже в его сторону. Гамлет поднял автомат и выпустил очередь почти в упор. На тротуаре кто-то длинно и страшно закричал. Гамлет свернул в боковую улочку — над крышами домов он увидел острый шпиль колокольни и вспомнил, что сегодня воскресенье. Увидев перед церковью несколько экипажей, украшенных цветами и разноцветными лентами, он понял, что не ошибся, взял автомат и выпрыгнул из кабины.

Он вошел в прохладу церкви, короткий автомат в его руках затрясся и загремел. Люди шарахнулись, упала невеста, еще несколько человек, патер сползал по алтарю, цепляясь за резьбу, и его ладони оставляли красный след. Гамлет сменил магазин и, смеясь, стрелял, пока в церкви не осталось ничего живого.

— Вот так, — сказал он громко, повернулся и вышел. Вслед ему равнодушно и благостно смотрели с икон простреленные святые.

Он остановился на паперти и подумал: неужели от жары двоится в глазах, почему фургонов два? Тут же что-то нестерпимо горячее лопнуло в груди, колющие змейки боли пронзили тело, руки стали ватными, колени подломились, он выпустил автомат и стал падать, запрокидываясь назад.

Полковник, держа кольт в опущенной руке, медленно пересек залитую солнцем площадь. Мельком он подумал, что выглядит точь-в-точь как шериф из старого вестерна. Эта мысль рассердила, и от нее стало больно, потому что это был Гамлет, потому что такого не должно было произойти.

Гамлет был еще жив, он разлепил глаза, и по их выражению Полковник понял, что Гамлет его видит. В глазах не было гнева — только безмерная досада человека, которого неизвестно почему оторвали от нужного и важного дела. Задохнувшись от жалости и гнева, Полковник выстрелил почти в упор.

Где-то поблизости завывала полицейская сирена, но, опережая ее, на площадь камнем упал военный вертолет. Полковник отвернулся и медленно отошел к фургону. Встретился взглядом с Эвридикой — глаза огромные и сухие.

— Тебе не кажется, что мы уже мертвые, мой колонель? — спросила она громко.

— А черт его знает, — сказал Полковник. Сам он не сомневался, что так оно и есть. — Разговорчики в строю...

— Хорошенькая компания, — сказала Эвридика, — несостоявшаяся художница, графоман и бывший студент, а ныне полковник. Плюс инопланетяне. Смеху-то...

— Помолчи, пожалуйста, — сказал Полковник устало.

— Молчу, молчу... — Она отодвинулась с места водителя и с подчеркнуто безучастным выражением лица включила магнитофон.

«Ша-агом!» Грязь коростой на обмотках мокрых.

«Арш!» Чехол со знаменем мотает впереди.

«Правое плечо!» А лица женщин в окнах
не прихватишь на борт, что гляди, что не гляди.

Даешь! Не дошагать нам до победы.

Даешь! Нам не восстать под барабанный бой.

Стая хищных птиц

вместо райских голубиц —

и солдаты не придут с передовой...

Полковник, опершись спиной на колесо, равнодушно следил за суетой возле вертолета и церкви. Он подумал, что все это как-то ничуть не похоже на классическую, каноническую,

обыгранную в сотнях книг и фильмов агрессию коварных пришельцев из космоса. Ничуть не похоже.

4 вандемьера 2026. Вторая половина дня.

— «Неистовый Роланд», — сказал Малыш.

— Что? — переспросил Ланселот.

— Поэма Лодовико Ариосто, — пояснил Малыш. — Шестнадцатый век. О рыцаре Роланде, который сошел с ума и носился по дорогам, убивая всех попадавшихся на пути. Похоже, правда?

— Я и не подозревал у тебя таких знаний.

— А это была одна лапочка, — безмятежно сказал Малыш, — она как раз по этим Роландам специализировалась. Так что, похоже? Можно так и закодировать операцию. Ты со мной согласен, о самый верный рыцарь короля логров?

Он перевернулся на спину и закусил травинку. Он был крепкий, рыжий и самый молодой из троих. Даже когда он оставался серьезен, казалось, что он улыбочиво щурится — бывают такие лица.

— Еще парочка подобных лапочек — и можешь поступать в Сорбонну, — проворчал Ланселот.

Едва слышно потрескивала рация. Поодаль, под деревьями, стоял «Мираж», скоростной и маневренный аппарат вертикального взлета. Оглянувшись на него, Малыш спросил:

— Тебе не кажется, что мы сами выдаем себя этой колымагой?

«Мираж» обладал великолепными летными качествами, но был чересчур дорог для серийного производства, и на Земле существовало всего около пятидесяти этих машин, использовавшихся, в основном, учреждениями ООН. Это было почти то же самое, что разгуливать с визитными карточками на лацканах.

— Все делалось в спешке... — сказал Ланселот.

— За географов или зоологов мы вряд ли сойдем, — сказал Малыш.

— Ничего, — сказал Леопард. — Тэта-излучения мы не испускаем, так что никто в нас стрелять не будет. Правда, сидеть в тюрьме у этих динозавров тоже не очень-то приятно.

Малыш снова оглянулся на «Мираж».

— Я эту птичку продену сквозь игольное ушко. Воздушное пространство они практически не патрулируют. Как я прошел кордоны, а?

Малыш действительно виртуозно, едва ли не сквозь кроны деревьев, провел машину внутрь блокированного района.

— Я бы на их месте непременно выпустил в воздух на постоянное патрулирование две-три эскадрильи, — не унимался Малыш.

— А я бы на их месте эвакуировал население и провел массированную проческу, — зло сказал Ланселот. Он сидел, обхватив подтянутые к подбородку колени, и ни на кого не смотрел. — Только ничего подобного они, конечно, не сделают, будут прилежно разыгрывать спасителей земной цивилизации.

— Я не, понимаю, — сказал Малыш, — Нет, правда. Одна-две дивизии наших десантников, подкрепленных брониками и авиацией — и конец.

— Одна загвоздка — у этой страны существуют границы...

— Ну и что? Рывок! — Малыш взмахнул ладонью, словно разрубал что-то. — Обстоятельства таковы, что не до чайных церемоний. Не настолько они все же носятся со своей независимостью, чтобы начинать с нами войну, когда по дорогам мотается этот неистовый Роланд?

— Как знать, как знать...

— Шутишь?

— Может быть, — сказал Леопард. — Кто их знает...

— Вломиться к ним технически несложно, — сказал Ланселот. — Гораздо сложнее будет расхлебать последствия сего кавалерийского наскока. Я не о дипломатических демаршах — о том морально-этическо-юридическом лабиринте, в который мы угодим. Если уж решили уважать их суверенитет, пусть и выглядящий смешно...

— Но ситуация...

— А вот этого уже не нужно, — с ласковой угрозой сказал Ланселот. — Всякий раз, когда начинали ссылаться на чрезвычайные обстоятельства, позволяющие якобы отбросить мораль, право и писанные законы, получалось совсем скверно...

— Да нет, я все понимаю, ты не думай, — сказал Малыш. — Обидно просто, что все так глупо...

— Думаешь, мне не обидно?

Они замолчали и повернули головы к рации — показалось, что прозвучали позывные орбитальной станции «Фата-моргана», но это и в самом деле только показалось, нервы были как проволочки мины натяжного действия, реагирующие на легкое касание.

— Хорошо, — сказал Малыш. — Мои предыдущие высказывания отмечаем, как продиктованные интеллектуальной незрелостью. Лапочек-специалисток по международному праву у меня еще не было. Но почему мы сидим, как барсуки в норе, командор? Кропотливо фиксируем все перипетии охоты, и только? Зачем мы здесь?

— Потому что нужно хоть что-то делать...

— Тогда почему мы не вступаем в игру?

— А что мы можем сделать сверх того, что уже делается? Помолчи, не создавай радиопомех... — Леопард швырнул в Малыша пустую пластмассовую бутылку из-под тоника, и Малыш, демонстрируя великолепную реакцию, отбил ее ребром ладони. Оба расхохотались. Ланселот отвернулся.

Бесполезно, подумал он тоскливо. Они не могут проникнуться всей серьезностью ситуации, и дело тут не в том, что Малыш практически не общался с имеющим некоторые скверные привычки жареным петухом, а Леопард не оперативник — я и сам не могу проникнуться всей серьезностью, сидя здесь, на поляне, в мягкой траве, где отчаянно верещат кузнечики, а небо нереально синее, и никто не стреляет, нет страшных чудовищ, рева, огня и пламени...

— Я ничего не могу понять, — словно подслушав его мысли, сказал Леопард. — Конечно, я всегда был уверен, что Контакт будет не похож на все, что вокруг него нагородили, но все равно не покидает ощущение, что это больше всего смахивает на трагическую нелепость. Это не контакт, это и не агрессия, это и нельзя назвать непониманием, перешедшим в схватку, — это просто нелепость. Малыш прав — какой-то неистовый Роланд. Я не могу построить мало-мальски пригодной гипотезы — герой поэмы Ариосто, бешеный волк...

Малыш покосился на него с уважением. Леопард был не из оперативного состава — он работал в одном из секторов отдела стратегического планирования группы ксенологии при ООН, как раз и занимался в числе прочего разработкой вариантов гипотетического контакта, пытался просчитать все мыслимые и предугадать немислимые. Подробности Ланселот не знал. Он сам был узким специалистом, и его вполне удовлетворило заявление Ферзя, что Леопард — крупный специалист в своей области. Впрочем, подумал Ланселот, случая применить свои знания на практике у него не было. Да и сейчас нет. Просто, коли уж существуют на Земле ксенологи, их представителя следовало включить в состав опергруппы.

— Бешеный волк? — задумчиво повторил Малыш.

Ланселот заметил, что ксенологу удалось никак не удававшееся ему самому — как-то незаметно он все-таки настроил Малыша на серьезный лад...

— Да, — сказал Леопард. — Какая-то грустная пародия на «космическую оперу». Знаете, на что я давно обратил внимание? Никто, собственно говоря, не рассматривает этого пришельца как Пришельца. К нему с самого начала отнеслись рационально и незатейливо — как к бешеному волку, которого следует поскорее обезвредить.

— Но это местные... — сказал Малыш.

— Увы, мы тоже. Нашим — да и мне самому, честно говорят — просто не приходит в голову устанавливать с ним контакт используя все эти кропотливо разработанные методики. Мы не рассматриваем его как партнера — пусть и коварного партнера, злонамеренного. А потом удивляемся, что и он не рассматривает нас как партнеров.

— То есть, ты уверен, что мы подошли неправильно? — спросил Ланселот.

— Я всего лишь хочу сказать, что сам ничего не понимаю. Все наши разработки при встрече с действительностью, как и следовало ожидать, полетели к черту, альтернативы мы пока не нашли. Может быть, сыграло свою роль и то, что это — не космический корабль, сверкающий и загадочный инопланетный звездолет?

— Я — Коралл, — раздался голос радиста. «Фата-морганы», и они настороженно замерли. — Один из фургонов сближается с источником тэта-излучения, совершающим странные эволюции. Квадрат семь-одиннадцать.

— Вперед? — Ланселот пружинисто выпрямился.

— Вы летите, а я пока идилически посижу на полянке, — сказал Леопард. — Свяжусь через станцию с нашими, есть одна идея для «мозгового штурма». Оставьте один терминал.

— Может быть... — поколебавшись, Ланселот вытащил пистолет, держа за ствол, протянул Леопарду.

— Нет, это не мой инструмент, — сказал Леопард. — «Мобиль» на меня вряд ли вынесет, а против местных ты сам не стал бы применять оружие, правда? Если и произойдет какой-нибудь инцидент, получится тот самый дипломатически-юридический казус — у меня документы сотрудника ООН, припаяют разве что незаконный переход границы.

— Ладно, — сказал Ланселот, — Сиди, если действительно нужно. Только не высовывайся. Мы постараемся скорее вернуться.

«Мираж» взмыл с шелестящим свистом, налетевший вихрь покачнул кроны сосен и погас. Леопард ничком лег в траву, подпер щеки ладонями и сосредоточенно следил, как недалеко от его лица взбирается по гибкой травинке зеленый кузнечик. Он любил думать в полном одиночестве и тишине.

Разноцветные кусочки никак не складывались в мозаику. Непонятно было, чего добивается Пришелец и стремится ли он вообще чего-нибудь добиться; непонятно было, в чем же должна заключаться миссия Ланселота и его собственная — разве что случится нечто, требующее вмешательства. Но что от них потребуется и окажутся ли они в состоянии это выполнить? Наконец...

— Встать, руки вверх! — рявкнули за спиной.

— Леопард взмыл, словно его пятнистый тезка, инстинктивно полез в карман за удостоверением Института — нужно было что-то объяснить, как-то договориться. Он не успел, да и не собирался подумать, как расценят его резкое движение нервничающие, ничего не соображающие толком полицейские, не посвященные во все обстоятельства дела и порядком напуганные всей этой чертовщиной, о которой ходили самые дурацкие слухи.

Он успел еще увидеть азартно-испуганное лицо безусого капрала и пульсирующую на конце ствола желтую бабочку пламени. Треска очереди он уже не услышал — земля вывернулась из-под ног, словно он поскользнулся и сорвался с планеты в космическое пространство, небо закружилось и погасло.

Зеленый кузнечик прыгнул Леопарду на щеку и ускакал дальше. Полицейские осторожно приближались.

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру.

Они сидели в траве возле фургона — тоненькая светловолосая Виола, спортивного типа человек — Гранд и угрюмый здоровяк Бронтозавр. Фургон стоял в распадке, вокруг были отлогие, поросшие лесом склоны.

— Ну, пообедали, — сказал Гранд. — Что дальше, господа офицеры? Он же в прятки с

нами играет, этот гад. Засекли четыре раза, и каждый раз смывается.

— Может, не стоило глотать таблетки? — спросил Бронтозавр.

— Не исключено, что это повлияло...

— Поздно теперь.

— Ребята уже одного хлопнули.

— И одну группу мы уже потеряли, — сказал Гранд. — Паршивый это счет, честно говоря — око за око...

— Есть у меня идея, — признался Бронтозавр. — По части уловления. Пойду кое-что смонтирую. Посидите пока, это минут на пятнадцать.

Он, ворча, залез в кузов, принялся там чем-то греметь и звякать.

— Деликатный он у нас человек, верно?

— Ага, — засмеялась Виола и потянулась к нему. — Целуй скорее. Что с тобой сегодня?

— Сама знаешь.

— Ну конечно. Ты беспокоишься за меня, я беспокоюсь за тебя, а на небесах нет никого, кто беспокоился бы за всех... — Виола прижалась к нему, — Не думай ты об этом. В конце концов в мире нет ничего вечного, кроме смерти, так что будем фаталистами. Обними меня.

— Я не хочу быть фаталистом.

— Ты не хочешь, я не хочу... А работа наша хочет. И жизнь наша тоже хочет.

— Извините, ребята, некогда, — хмурый Бронтозавр стоял над ними. — Радар его поймал, эта сволочь где-то поблизости. Идея такая — мы сворачиваем вон туда, вниз, за поворотом выпрыгиваем и пускаем машину дальше на дистанционном управлении и ждем...

Идея была не самой плохой, тем более что других и не было. Они проделали все так, как было задумано, — спустились вниз по распадку, выпрыгнули из машины, и сине-черный фургон самостоятельно двинулся дальше по лесной дороге. Впереди пологий склон, за ним примерно в полукилометре — лес. И тишина.

— Бегом в лес, — шепотом приказал Гранд.

И вдруг лица им опалило сухим жаром. Деревья за их спинами вспыхнули, трескучее пламя разлетелось в обе стороны с нереальной быстротой, и тут же грохнул взрыв. Фургон взорвался — вместе с пулеметом, гранатами, радаром и приборами, призванными разгадывать тайны «мобилей». Они остались на пустынной дороге — три человека, три автомата, не так уж много патронов, и портативная рация, на всякий случай прихваченная Грандом.

— Перебежками, до леса! — крикнул Гранд. — Достал все же, сволочь! Но и мы его заперли тут. Не уйдет!

Они побежали. За спиной гудело пламя, рушились пылающие сосны. Они бежали и успели пробежать ровно половину расстояния, отделявшего их от деревьев. Там, куда они стремились, застрочили автоматы и очереди вспороли землю. Они залегли. Пожар прекратился так же необъяснимо, как и начался. Из того леса, куда они не добежали, появилась группа человек в двадцать в пятнистых маскировочных куртках и касках и, стреляя на ходу, в рост двинулась к оперативникам.

— Это же наши! — вскрикнул Гранд. — Нужно как-то объяснить...

— Парень, ты глупеешь на глазах, — плюнул Бронтозавр. — Какие там, к дьяволу, наши... Переиграл он нас, хамелеон чертов. Радируй!

Гранд включил рацию, но из динамика рвался лишь адский вой, свист и щелканье — помехи на всех диапазонах.

Двадцать автоматов у противника. По три магазина на человека — у них, да еще одна единственная граната. Расклад боя был ясен, как теорема Пифагора, достаточно вспомнить известную формулу, гласящую, что нападающий теряет в три раза больше людей, чем обороняющийся. Отсюда следовало, что, потеряв даже половину своих фантомов, «мобиль» разделяется с группой. Гранд передернул затвор. Виола подползла ближе, ее плечо

коснулось его плеча, и тоскливая грусть стала не такой беспросветной.

— А ведь не так уж и плохо, — печально улыбнулась она, — они жили недолго и умерли в один день...

— Ну, поехали? — сказал Бронтозавр. Затрещали три автомата — «двойка» приняла бой.

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру. Центр.

Генерал поднял голову — в кабинет вошел молодой офицер в белом распахнутом халате поверх мундира.

— Только что вернулась посланная к месту падения «Махаона» опергруппа, — сказал он. — Это не авария.

— То есть?

— Несомненная инсценировка. Самолет не падал. Его аккуратно посадили и взорвали уже на земле. Ошибка исключается.

Генерал посмотрел совсем не ласково. Лицо офицера выражало лишь азарт и удовлетворение шахматиста, разгадавшего замысел противника, и Генерала это неприятно задело — никакого осознания того, что они защищают человечество. Мальчишка, пустой, самовлюбленный юнец... И ты еще считаешь, Король Марк, ваше величество, что все, кто работает с тобой, насквозь осознали твои замыслы и прониклись сознанием, что однажды Земля просто не сможет без них обойтись? Ясно, как день, что для мальчишки это не более чем захватывающая игра в сыщика и вора.

— Идите, — сухо сказал Генерал.

Ничего тут не было загадочного. Ни капельки. Чертовы наблюдатели из ООН попытались проникнуть в оцепленный район по воздуху, что и удалось. Аварию они могли инсценировать несравнимо более искусно, однако сработали крайне топорно. В их недосмотр или низкую профессиональную подготовку Генерал не верил. Вероятнее всего, они просто не считали нужным маскироваться более тщательно, и в этом был свой резон — где их теперь искать? Где искать обыкновенных людей, если никакого прочесывания не будет? Хотя... Он подумал, что не зря все же отправил в блокированную зону несколько полицейских нарядов с приказом задерживать всех подозрительных.

Он нажал одну из клавиш селектора, но дверь отворилась даже раньше.

— Я вызывал вас, — чуточку растерянно Генерал кивнул на селектор.

— Я и сам шел к вам, — сказал майор и положил на стол тонкую серую папку. — Генерал, происходят странные вещи. Внутри оцепленного района несколько часов находится «Мираж», скоростной аппарат вертикального взлета без опознавательных знаков. Как он туда попал, неизвестно. Кроме того, мы фиксируем интенсивный радиообмен.

— Кто с кем?

— Неизвестно. Используется аппаратура, до предела затрудняющая перехват и пеленгацию. Удалось лишь установить, что передатчики, ориентировочно три-четыре, почти непрерывно движутся со скоростью, превышающей скорость пешехода.

Вот оно, подумал Генерал. Спецгруппы ООН. И поздно что-нибудь предпринимать... или нет? Он снял трубку:

— Канцелярию премьера. Говорит Генерал. Срочно по прямому. Итак, ваше превосходительство? Нет? Да, в самом скором времени...

Премьера так никто и не побеспокоил, штаб-квартира ООН хранила полное молчание, и это могло означать только одно — там ничего еще не знали, возня вокруг района приземления «конуса» 'всего лишь привлекла внимание кого-то из внедренных сюда наблюдателей. Генерал яростно пытался убедить самого себя, что все обстоит именно так, и никак иначе. Но даже если так и было, вряд ли потребуется много времени, чтобы докопаться до истины, и ООН...

Они обязательно вторгнутся, не могут не вторгнуться. Генерал именно так поступил бы

на их месте. Они вмешаются, и инициатива перейдет к ним, и спасителями окажутся именно они, и уже никому не доказать, что...

Что-то рушилось в его душе, он шел куда-то в темноту и не мог остановиться, передумать — слишком многое было поставлено на карту.

— «Мираж» был замечен в местах контактов опергрупп с «мобилями»?

— Несколько раз.

— Свяжитесь с Икаром, майор. Пусть пошлет истребители. «Мираж» — сбить.

— Я не могу отдать такого приказа, — ровным голосом сказал майор, и Генерал понял, что все его упорство разобьется об этот глуховатый ровный голос, что офицер, которого он знал одиннадцать лет, впервые в жизни не выполнит приказа. Сначала Доктор, теперь этот... Предавали самые близкие и верные.

— Так, — сказал Генерал. — У меня нет времени удивляться или сердиться. Значит, нет?

— Нет. Тэга-излучения «Мираж» не испускает. Это наверняка сотрудники ООН.

— Шпионы ООН, — таким же ровным голосом поправил Генерал, — Лицо, незаконно проникшее в запретную зону, классифицируется как шпион. Это одна сторона вопроса. А другая... Вы все же не можете дать стопроцентную гарантию, что «Мираж» не является очередной метаморфозой одного из «мобилей»?

— Такой гарантии я дать не могу, — выговаривая старательно и четко, словно плохо знающий язык иностранец, сказал майор. — Но косвенные данные...

— Меня не интересует «но». Итак, стопроцентной гарантии, как вы сами подтверждаете, нет. Вызывайте Икара.

— Я отказываюсь выполнить приказ, — сказал майор. — Можете отдавать распоряжение о моем аресте.

— Убирайтесь, — Генерал не поднял глаз от стола. — Считайте что вашу просьбу об отставке я удовлетворил вчера.

— Вынужден отклонить ваше любезное предложение. Предпочитаю быть арестованным за невыполнение приказа.

— В таком случае сдайте оружие коменданту здания и доложите, что вы арестованы, — сказал Генерал.

На миг им овладело острое желание расплакаться — они упорно не хотели понимать, сколь велики ставки, сколь серьезна игра. В момент, когда почти все завершено, вдруг появляется опасная помеха, посторонние люди, плохо информированные и оттого способные все разрушить. Он полностью убедил себя, что там, в стеклянном параллелепипеде здания штаб-квартиры ООН, ничего не знают. По крайней мере, в данную минуту ему казалось, что он убедил себя в этом.

Он нажал клавишу:

— Икара. К вам поступили сведения о «Мираже»? Прекрасно. Сбейте его немедленно. Только вот что... Не нужно его решетить. Поделикатнее, насколько это возможно. Просто заставьте его приземлиться. Поручите это самым опытным пилотам. Я понимаю, полной гарантии, что никто не погибнет, нет, я не отдаю вам категорический приказ, я только говорю — сделайте все возможное, чтобы люди не пострадали. Это крайне желательно. Я рад, что вы понимаете всю деликатность и сложность ситуации. Выполняйте.

Потом он отдал приказ отправить в оцепленный район несколько опергрупп — одна, взаимодействуя с Икаром, должна была захватить экипаж «Миража», другим предстояло сделать почти невозможное — запеленговать кочующие радиопередатчики и задержать радистов. Затем он назначил на место майора дельного офицера. Перелистал оставленные майором скудные данные о «кочевниках». Несомненно, они поддерживали связь в основном с космическими объектами. Генерал встал из-за стола и почти метнулся в угол, к терминалу, выдвинул плоский блестящий пульт.

Да, не оставалось никаких неясностей. Орбитальная станция «Фата-моргана», осуществлявшая основной надзор за страной, выпустила два суточных спутника,

служивших, очевидно, еще и ретрансляторами. ООН проводила широкомасштабную операцию.

Генерал не удержался от ругательства вслух. И тут же остыл. Вторжения до сих пор не последовало. Правда, нужно было немедленно убедить премьера привести войска в боевую готовность...

Он нажал клавишу и спросил:

— Что «двойка»?

— «Двойка» молчит, Генерал. Передатчик не пеленгуется, словно он не работает или его не существует. Согласно инструкциям, они должны были постоянно держать аппаратуру включенной...

И тут же ворвался второй голос, звенящий от беспокойства и напряжения:

— Генерал, на координатах «двойки» мощный источник непонятных помех!

И третий голос:

— Я — Икар. Передаю сообщение наблюдателей. «Мобиль» разделился на несколько объектов, имитирующих вооруженных людей. Между ними и вашими оперативниками идет бой. Один из ваших, похоже, вышел из игры.

— Кто сообщил?

— Мои истребители над распадом. «Автоматчики» «мобиля» значительно превосходят числом ваших людей. Жду указаний.

Генерал взглянул на экран дисплея. Икар, словно перехватив его взгляд, сказал:

— Ваши никак не продержатся до прибытия вертолетов с десантом.

Молчание. Генералу показалось, что связь внезапно прервалась, и он воскликнул:

— Икар!

— Слушаю, — сказал Икар, — Я просто молчу.

— Почему? — вырвалось у Генерала, и он тут же ощутил жгучий стыд — вопрос прозвучал донельзя глупо. Наверняка Икар ухмыльнулся — тридцатилетний командующий ВВС, месяц назад получивший первую генеральскую звезду, узколицый красавец, всегда напоминавший Генералу кондотьера со старинной фрески, хранившейся в городском музее. Генерал вдруг понял, что так и не знает, как же он относится к Икару.

— Просто молчу, — сказал Икар, — Жду приказа.

— Приказа? — машинально повторил Генерал.

— Мы военные люди, Генерал. Ваши люди там, в распаде, практически мертвы, а ситуация для уничтожения «мобиля» крайне благоприятная.

Генерал понял его, хотя так хотелось не понять... Времени на раздумья не оставалось, и Генерал испытал странное ощущение — словно какая-то опухоль, злое инородное тело возникло внутри и распухло, проросло в организме холодными жгутами, тянувшимися вверх — к сердцу, к мозгу все ближе подступал холод...

Генерал повернулся к селектору.

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру. Распад.

Бронтозавр лежал так, будто хотел в свои последние секунды одним прыжком добраться до врага — он умер словно бы на бегу. Виола била одиночными. Гранд то стрелял, то с безумной надеждой принимался крутить верньеры рации. Напрасно — помехи заглушали все.

Их обоих ранило уже не один раз, а противников оставалось больше десятка. Они упорно стремились прорваться.

Гранд услышал знакомый свистящий рев и перевернулся на спину. В небе над распадом кружили несколько серебристых треугольников — пикировщики. Виола тоже увидела их, в ее глазах мелькнула надежда и тут же погасла. Гранд понял, о чем она думает, — он только что прикинул все сам.

Вертолеты с десантниками наверняка не успеют. А пикировщики не станут бомбить

распадок, пока живы они с Виолой. Несомненно, «мобиль» это тоже сообразил — фантомы, прекратив огонь, торопливо подбирались ближе.

Гранд взглянул на Виолу, и она ответила ему грустным, но спокойным взглядом, попыталась улыбнуться и прошептала:

— Они жили недолго и умерли в один день...

Пикировщики кружили, словно птицы над разоренным гнездом. Рация завывала и хрипела.

Вокруг был лес, вверху было до боли синее небо, под их израненными телами — круглая и тяжелая, теплая планета, которую нужно было защитить, они оба твердо были в этом уверены.

Гранд подполз к Виоле, обнял, уткнулся лицом в мокрые от крови светлые волосы. Сжал левой рукой тяжелый цилиндр. Помедлил несколько секунд. Ладонь Виолы накрыла его губы, и тогда он рванул чеку.

Пикировщики рванулись вниз, когда не успел еще опасть фонтан вырванной взрывом земли, и на распадок обрушились потоки жидкого огня, в котором исчезли трава, деревья, неподвижные тела фантомов и те живые, что в последнюю секунду снова попытались слиться воедино.

Гранд и Виола так никогда и не узнали, разумеется, что Генерал отдал Икару приказ бомбить распадок, и по чистой случайности этот приказ был получен пилотами лишь за несколько секунд до взрыва гранаты. Пожалуй, и к лучшему это было — что не успели они ничего узнать и ни в чем не разочаровались...

4 вандемьера 2026. Центр.

Дверь распахнулась, и вошел Икар, подтянутый, чертовски элегантный; временами вызывавший у Генерала острые приступы ностальгии по собственной молодости — редкие и почти сразу проходившие, к счастью.

— Включите телевизор, Генерал. Девятый канал, — сказал он и, не дожидаясь ответа, сел в первое попавшееся кресло лицом к экрану. Генерал коснулся сенсора.

— ...сведения, что блокирование района продолжается, более того — переброшены дополнительные воинские части, — говорил человек, в котором Генерал сразу узнал лидера одной из оппозиционных нынешнему кабинету партий. — Всякая связь района с внешним миром прервана. Ходят слухи, что армия приведена в боевую готовность. Только что поступило сообщение: вертолет с операторами телекомпании, которая ведет эту передачу, обстрелян и сбит при попытке проникнуть в блокированный район. Судьба находившихся в нем неизвестна. Я считаю, что настал момент потребовать у правительства немедленного и недвусмысленного ответа: что происходит в стране? Следовало бы задать этот вопрос еще до наступления ночи, чтобы...

Икар встал и отключил звук.

— А ведь когда-то с такими крикунами поступали просто, — сказал он задумчиво, с непонятными интонациями. — Итак, Генерал, вы оценили ситуацию?

— Что это за вертолет с телеоператорами? — отчеканил Генерал.

— Шел напролом и не подчинился троекратному предупреждению и требованиям изменить курс, — пожал плечами Икар. — Соответствующим образом проинструктированные пилоты...

— Почему вы не сообщили?

— Просто-напросто не успел.

— Что с людьми?

— Мне еще не докладывали. Знаю только, что вертолет загорелся еще в воздухе. Вы сами сказали мне, что полной гарантии безопасности людей нет, но тем не менее следует применить оружие...

— Что?

— Вы, — сказал Икар. — Я расценил ваши слова как приказ, обязывающий моих летчиков проявлять решительность и жесткость по отношению к объектам, появляющимся в воздушном пространстве блокированного района.

Он говорил гладко, совершенно бесстрастно, и насмешки в глазах не было, но Генерал все же улавливал иронию в голосе.

— Мой приказ?

— Ваш приказ, — Икар не отводил взгляда. — Я военный человек. Генерал, я исполняю приказы, и у меня нет ни права, ни желания искать в них какие-то подтексты.

— Я не приказывал вам сбить вертолет.

— Однако приказали сбить «Мираж». Кстати, он сбит. — Икар покривил губы. — С максимальной деликатностью, как вы и приказывали. Мои пилоты видели, как раскрылись два парашюта. Дальнейшее — дело ваших наземных групп. Право, мне очень жаль, что так получилось с вертолетом, но существует критическая ситуация, и существует отданный мне приказ.

— Икар, — сказал Генерал. — А что, если бы вы получили приказ нанести удар по целям за пределами страны?

— А вы? — Икар впервые откровенно улыбнулся, и Генерал понял, что чувствует не злость, а страх — перед этим невозмутимым и холодным взглядом, направленным словно поверх вороненого ствола. Холод поднимался все выше, охватывал сердце, и Генерал подумал, что он, кажется, вовсе не знал людей из своего ближайшего окружения.

— И все же?

— Все же? — повторил Икар. — Мне часто приходит в голову, что человечество совершило огромную глупость, повсеместно уничтожив армии. Испокон веков армия служила надежным средством борьбы против беспорядка, хаоса. Не волнуйтесь так из-за этого вертолета, право. Нужно торопиться, пока нам не посыпались на голову дивизии ООН. Если позволите, довольно о вертолете, перейдем к более важным вопросам. Этот болтун, — Икар мотнул головой в сторону телевизора, — не способен, я считаю, причинить нам особые неудобства. Премьер придумает что-нибудь, оттянет на завтра чрезвычайную сессию парламента, если оппозиция добьется ее созыва. Тем временем мы успеем покончить с последним «мобилем». Премьеру еще не надоело быть премьером, и он понимает, что эта история...

— Икар!

— Ах, простите, я употребил неподходящий эпитет, — сказал Икар. — Я совсем забыл, что мы героически противостоим инопланетной агрессии. Генерал, а вам не приходило в голову, что эта тварь может оказаться всего-навсего взбесившейся мартышкой, удравшей из какого-нибудь галактического зверинца и кусающей встречных-поперечных? Очень уж не похоже все ни на серьезную агрессию, ни на разведку боем, право...

— Икар, — глядя в стол, сказал Генерал. — Я решил отстранить вас от дальнейшего участия в операции. Разбором ваших действий мы займемся после ее завершения.

— Ну да, конечно. (Генерал отметил, что Икар ничуть не удивлен.) Я ожидал чего-то в этом роде. Надеюсь, я не арестован?

— Нет. Вы просто отстранены.

— Это уже легче. Хотя... Меня никогда в жизни не арестовывали, было бы даже интересно.

— Убирайтесь, — сказал Генерал.

— Даже так? Что ж, не стану вступать в пререкания со старшим по званию. Честь имею...

Он встал и зашагал к двери. Уже распахнув ее, вновь закрыл и обернулся:

— Генерал, ради бога, простите за ма-аленькую парфянскую стрелу. В своих мыслях о себе как о спасителе человечества вы дошли уже до будущего монумента в вашу честь? Или пока нет? Ответ меня, признаться, абсолютно не интересует. И еще. Вам сейчас принесут очередное донесение — я как раз проходил мимо дежурного, направляясь к вам...

Полицейским патрулем в заблокированном районе при попытке к бегству был застрелен подозрительный тип. При обыске найдены документы. Это ксенолог из научных учреждений ООН. Разумеется, во всем следует винить капрала, с перепугу открывшего стрельбу...

И дверь захлопнулась за ним. Генерал с застывшим лицом слепо шарил руками по столу. Пальцы нащупали авторучку. Авторучка хрустнула и переломилась пополам, платиновое перо вонзилось в мякоть большого пальца, но Генерал не почувствовал боли. Швырнул обломки под стол, в корзину.

Присутствие в заблокированном районе ксенолога неопровержимо свидетельствовало: в ООН известно о Пришельце...

Что-то рушилось, большое, казавшееся дотоле незыблемым, земля уходила из-под ног. Он поймал себя на том, что не доверяет сейчас никому, за исключением Полковника — на того была вся надежда.

Только тут он заметил, что его ладонь оставляет на бумагах пятна крови.

4 вандемьера 2026. Близко к вечеру.

Фургон несся по черной автостраде. Эвридика была за рулем, Ясень сидел у радара, и только Полковнику не нашлось никакого дела, так что оставалось швырять окурки в окно и просто думать от скуки.

Полковник украдкой покосился на Эвридику и подумал: что с ней станет, если «мобиль» нанесет удар? А что станет со мной? Что у меня в мозгу, какая мина, и как она может взорваться? Я прекрасно знаю свой мозг... или только думаю, что знаю? Неужели какое-то из воспоминаний, что-то из прожитого способно... Наверняка те трое тоже гадали так, интересно, оказались они в состоянии удивиться тому, что им открылось? Он вспомнил последний взгляд Гамлета и зябко поежился.

Снова, в которой уж раз, его охватило странное, пугающее чуточку и в итоге неприятное ощущение — казалось, он стоит на месте, а жизнь проносится мимо, как скорый поезд (что за банальное сравнение, господи!), ослепляя вспышками солнечных зайчиков, пляшущих на стеклах, без надежды оставляя на обочине, отчуждая.

Не было никаких оснований, чтобы думать так. У него была работа, нравившаяся ему, требующая массу энергии и времени. У него были друзья, женщины, увлечения, развлечения, хобби, пытливые метания духа, радости и горести. Почему же тогда все чаще и чаще приходило ощущение зряшности, отстраненности от всей остальной Вселенной? Неужели виной всему один старый разговор?

— Может быть, помедленнее, Эвридика? — спросил он.

— А зачем? — Господи, снова этот ответ безумия в синих глазищах! — Какая разница? И вообще, мне пора бы переменить псевдоним. Я. — Надежда, Надежда на успех, шестеро уже легли, остались только мы, и нам пора иметь свою Надежду...

Опять на нее накатывает, безнадежно подумал Полковник, я уже не раз говорил Генералу, что пора от нее избавиться...

Нам осталось тринадцать часов, подумал он. А скоро начнет темнеть, и как минимум шесть часов пропадут впустую — ночной бой с этой тварью вести невозможно. Почему Генерал не пошел на широкомасштабную операцию, на облаву? Почему не предупреждено население? Почему никто не информировал ООН? Будь на месте Генерала кто-нибудь другой, у Полковника неминуемо возникли бы определенные подозрения, но он не мог думать о Генерале плохо. Наверное, какие-нибудь высшие соображения. Операция не столь уж неудачна — три четверти сил противника уничтожено, треть участников операции осталась в живых...

А воспоминания надоедливо лезут в голову, и никак от них не избавиться.

Не получилось никакого разговора, вспомнил Полковник. Сеялся почти неощутимый противный дождь, мы стояли под этим дурацким навесом, зеленели влажные сосны, пригородного автобуса все не было, и она ждала, когда начну я, а я ждал, когда начнет она, и

постепенно ожидание превратилось в обыкновенное молчание, нелепое и бесплодное. Скорее всего, один из нас обязательно решился бы начать, но подошел автобус, и он был набит битком, и уж в автобусе никак нельзя было вести этот разговор, а завтра нужно было улетать, а ей нужно было уезжать, так и не поговорили откровенно...

Неужели это и может оказаться той миной — сладкие и болезненные воспоминания о женщине со светлыми волосами, в светлом плаще? Тривиальнейшая ситуация, способная тем не менее взорвать мозг? Но ведь случилось же это с Дервишем — локомотивом, суперменом.

Дервиш остался верен себе — никто из врачей не допускал, что он способен пошевелиться, у него нашлись силы — ровно столько, чтобы, воспользовавшись отлучкой сиделки, поднять руку и оборвать подключенный к хитрым медицинским аппаратам пучок проводов и пластиковых трубок...

Ну, предположим, это и есть мина, подумал Полковник. Просто предположим. Если я знаю, где она и что она, она ведь может и не взорваться?

Эвридика резко затормозила, и Полковник вмазался лбом в стекло. Так, что — веер искр из глаз. Когда он вновь смог видеть дорогу, Эвридика уже бежала к разбитой вдребезги белой легковушке, уткнувшейся в валун на обочине автострады.

— Слабый фон тэта-ритма, — сказал Ясень.

Полковник даже не подумал хвататься за оружие — «мобилия» явно не было поблизости, наверняка он раскатывал в обlique, автомобиля, разбрасывая случайную смерть...

Эвридика вернулась бегом, прыгнула за руль и погнала машину, она гнала, азартно закусив нижнюю губу, выжимая из мотора все, что вложили в него конструкторы, и Полковник приготовил автомат. Неужели — все? — подумал он.

— Тэта-излучение, — сказал Ясень. — Усиливается... усиливается...

Эвридика мгновенно сбросила газ, но дорога была пуста, — ни движения, ни тени, ничего. Машина катила все медленнее. Разноцветные лампочки светились на приборной доске, и ярче всех — три голубых, означавших, что все трое пока живы. За спиной Полковника хлопнул выстрел, и крайний справа огонек погас...

Всю жизнь Ясень мечтал писать хорошие книги. И ничего не получалось — то, что он писал, мягко было бы назвать даже графоманскими забавами. Сейчас, за один миг всего, он словно бы прочитал книгу — самую гениальную в истории литературы, после которой человеку вроде него просто не стоило жить.

Сзади взревел мотор, и Полковник увидел в зеркальце уносящийся на бешеной скорости черный автомобиль. Он хотел крикнуть, но Эвридика уже разворачивала фургон, и разметка вновь летела под колеса бесконечной трассирующей очередью. По-видимому, с Эвридикой ничего не произошло, подумал Полковник. Кажется, и со мной тоже. Но почему такая милость судьбы, господи?

Он оглянулся — голова Ясеня безжизненно моталась.

— Скорость! — выдохнул он.

— На пределе! — сердито обернулась к нему Эвридика. — Уходит!

«Мобиль» действительно уходил. Полковник высунулся в окно и дал длинную очередь из автомата, но ничего не вышло — ветер бил в лицо, выжимая слезы, да и не достать было на таком расстоянии. Все. До утра бессмысленно предпринимать что-либо.

— Я — «тройка», — сказал он в микрофон. — Остались вдвоем. «Мобиль» ушел.

— Переждите ночь где-нибудь, — сказал Генерал. — В шесть часов утра начнется облава — мотоциклисты и броневики.

— Значит, вы получили то, что хотели?

— Да, — сказал Генерал.

— Поздравляю. Это стоило нам не так уж и дорого — всего семь человек.

Генерал помолчал, потом сказал:

— Теперь у нас есть все данные. Есть что сообщить в ООН.

— Вы хотите сказать, что до сих пор ничего не сообщили им?

— Завтра мы попытаемся взять последнего живым, — сказал Генерал.

— Вы сообщили в ООН?

— Конец связи, — сказал генерал.

«Не может быть, — ошеломленно подумал Полковник. — Я верил в него, как не верят в бога. Неужели...» И тогда он сделал нечто, удивившее его самого — отключил рацию и включил радио. Быстро нашел нужную волну — одной из независимых радиостанций.

— ...продолжается, — частил диктор. — Мы поддерживаем непрерывную связь с нашими корреспондентами, расположившимися у внешней линии оцепления. Полчаса назад прибыли еще два батальона бронепехоты. Установлено воздушное патрулирование. Продолжают циркулировать слухи о том, что внутри района в перестрелке с полицией убит человек с документами сотрудника ООН. — Он молчал секунд десять, целую вечность по канонам радиовещания. — Только что нам сообщили — двое из трех наших корреспондентов выдворены из района оцепления. Канцелярия премьер-министра не дает никаких комментариев по поводу визита к премьеру специального представителя Генерального секретаря ООН. Разговаривать с нашим корреспондентом отказались. Группа депутатов парламента продолжает настаивать на немедленном созыве чрезвычайной сессии парламента. Как заявил премьер, этот вопрос будет рассматриваться завтра утром. Повторяю, положение неясное. Комментаторы, допускавшие предположение о попытке военного переворота, отказались от этой гипотезы, но все сходятся на том, что армия и разведка как минимум три раза нарушили конституцию страны. Внимание! Нам только что сообщили — группа депутатов парламента намерена завтра утром лично посетить район и сделать попытку проникнуть в оцепленную зону. Если военные намерены применить оружие против парламентариев, они получают возможность сделать это перед телекамерами. В столицу продолжают прибывать специальные корреспонденты крупных информационных агентств. Информация о закрытии международного аэропорта не подтвердилась.

«Вот так, — подумал Полковник. — Шум на весь мир, ООН не поставлена в известность, следовательно... Генерал! Но ведь в это невозможно поверить...»

— Радар оставим включенным, — сказала Эвридика. — В случае чего — сработает звуковой индикатор.

— Что? А, индикатор... Слушай, что ты обо всем этом думаешь?

Эвридика помолчала, потом сказала:

— Боюсь, что Королю Марку представился шанс стать большой сволочью, и он этим шансом воспользовался...

Полковник зло отвернулся, опустил широкие спинки сидений и лег. Было даже удобно. На приборной доске светились два синих огня. Эвридика откинула прикрепленную к борту койку, повозилась, устраиваясь. Стало очень тихо.

Над лесом появились первые звезды, в открытое окно тянуло холодом, но поднимать стекло он не стал. Спать не хотелось. Он снова подумал, что ничего не понимает, что что-то неуловимое, главное проносится мимо, и не увидеть его, не узнать, не схватить и не сделать своим. Где еще одна дорога, по которой обязательно надо пройти?

Что такое «мобиль»? Агрессор из космоса? Глупости. Существой где-то в космосе агрессивная раса, она обрушилась бы на Землю армадой, а не стала бы посылать одиночек-террористов. На разведчика он тоже не похож — даже если допустить существование иной логики, ни один разведчик не стал бы вести себя так глупо — всполошил противника, позволил узнать о себе все, загнать в угол...

Маньяк со звезд? Может быть, существуют такие. Вырвался из какого-нибудь уму непостижимого сумасшедшего дома на другом конце Галактики и случайно наткнулся на Землю...

Мысли путались, усталость брала свое, машина плавно покачивалась, темнота склеивала веки, и нет уже темноты, есть светлое раннее утро в городе далеко отсюда, ни одного прохожего, а она смеется неизвестно чему, в гостинице спит Дервиш, и все выстрелы и погони далеко отсюда, и все живы пока... а это уже позже, это берег реки, деревянные

мостики, от которых отваливает голубой катер, и абсолютно живой Дервиш, улыбаясь, машет с кормы, только откуда эти черные птицы над водой, носятся, чиркая по спокойной воде концами крыльев, и не кричат, хоть бы одна крикнула, только, пролетая, так и заглядывают в глаза, так и стараются поймать твой взгляд, и жутко почему-то становится...

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру.

...и сначала они решили, что очередь будет предупредительной, но трасса прошла так близко от кабины, что это могло быть только огнем на поражение, и Малыш бросил машину в немыслимый вираж — истребитель пронесся мимо, но сбоку заходили еще два, и очереди грохотали непрерывно, «Мираж» хладнокровно сбивали.

Ремни безопасности то стискивали Ланселота, перехватывая дыхание, то обвисали, небо и земля, сменяя друг друга, мелькали в диком круговороте, сердце то ухало в колени, то переставало биться, и вдруг — хлопок, треск, дым и запах гари как-то сразу, всплеском заполнили кабину, ветер ударил в лицо, рвал волосы. Малыш обмяк в своем кресле, его руки соскользнули со штурвала, перегрузка вмяла Ланселота в упругую спинку, потом наступила едва ли не невесомость. Он сообразил, что «Мираж» падает, к счастью, кабиной вверх, ощупью нашел и перекинул через плечо ремни двух прямоугольных футляров, протянул руку, сорвал с подлокотника кресла Малыша красный колпачок и нажал рубчатую кнопку катапульты, другой рукой ухитрившись проделать ту же операцию со своим креслом. Его подбросило, резко дернуло вверх, клацнули зубы. Падение замедлилось, он плыл к земле под полосатым ало-оранжевым куполом. Парашюта Малыша он не видел. Истребители умчались, зато внизу стояла машина с мигалками и номером на крыше. Трое возле нее, задрав головы, сторожили его приземление. Хорошо еще, что не стреляют. Слева грохнуло — достиг земли пустой «Мираж».

Скрипнули амортизаторы — кресло коснулось земли и завалилось набок. Удачно получилось, что парашют не накрыл его, и он видел, как приближаются те трое, держа оружие наизготовку. Пора начинать.

Сохраняя на лице выражение полной обалделости, он шарил по телу ладонями, расстегивая пряжки ремней, освобождаясь от футляров, движения были нечеткими — те трое должны с первого взгляда увидеть, что он в шоковом состоянии. Встал, сделал два шага, шатаясь, мотая руками, в то же время группируя тело для броска.

Он сыграл без изъяснов — тот, что был ближе других, сунул пистолет в кобуру под мышкой и протянул руки, готовясь подхватить. Ланселот ощутил себя сжатой пружиной, и тут же пружина распрямилась — короткая и жуткая, почти беззвучная схватка, каскад молниеносных ударов.

Они тоже были отменно тренированы, но на него работала еще и дикая ярость. Ланселот стоял над ними, пошатываясь, шумно выдыхая воздух.

Разумеется, у них в карманах нашлись и наручники. Ланселот приковал запястье одного к лодыжке другого, а запястье второго к лодыжке третьего. Попытался улыбнуться, представив, как будет передвигаться очухавшаяся троица, но улыбки не получилось. Он знал, почему не торопится подойти к креслу Малыша — перед глазами стояла кабина, пробитый осколками прозрачный колпак — несколько дыр пришлись как раз против кресла Малыша, Ланселот помнил это совершенно точно. Двадцать три года, авиационное училище, спецкурсы, родители в маленьком приморском городке. И ничего серьезного он не успел сделать для человечества — разве что умереть, когда это потребовалось.

Он все же прошел эти два десятка шагов, высвободил Малыша из скользкого вороха ало-оранжевого шелка, положил в траву и осторожно закрыл ему глаза. Некогда было произносить мысленно прочувствованные и печальные тирады. Он вернулся к приборам, предусмотрительно упрятанным в сверхпрочные, футляры. Нажал клавиши.

— Они только что уничтожили третий «мобиль», — сказал оператор с «Фата-морганы». — Бомбили и своих. Дать запись?

— Пошли они... — сказал Ланселот.

— В таком случае на связи Ферзь.

— Слушаю, — сказал Ланселот.

Там, на другом континенте, где находился сейчас Ферзь — главный куратор операции, была уже поздняя ночь.

— Здесь Ферзь, — раздался глуховатый, какой-то действительно ночной голос профессора. — Докладывайте, что с Малышом. «Фата-моргана» сообщила, что вас сбили...

— Малыш погиб, — сказал Ланселот. — Нас намеренно сбили, профессор...

— Леопард погиб, — сказал Ферзь. — Полиция... Премьер не дал нашему представителю определенного ответа, отложив это до утра. Разумеется, они рассчитывают уничтожить за это время и четвертый.

Ланселот молчал.

— Все наши средства наблюдения должны были быть дополнены вашим присутствием в районе, — сказал Ферзь. — На всякий случай.

— Я все понимаю, — сказал Ланселот.

— К сожалению, мой возраст... Мне просто запретили лететь самому.

— Я понимаю.

— Ты можешь покинуть район.

— Это приказ? — спросил Ланселот.

— На твое усмотрение. Мы пошлем «Мираж» с опознавательными знаками ООН, они не посмеют...

— Знаете, я останусь, — сказал Ланселот. — На случай чего-нибудь непредвиденного.

«Я останусь, — подумал он, — я обязательно доберусь до этой сволочи в эполетах и выскажу ему все в лицо. Пусть арестовывают. Я не гений, я вполне заменим. Иначе просто не смогу жить спокойно, дышать, любить Анну — если не выскажу все в лицо новоявленному спасителю человечества...»

— Только что поступил новый радиоперехват, — сказал Ферзь. — Они попытаются завтра утром захватить четвертый «мобиль». Придумали какие-то дистанционно управляемые ловушки, надеются... Если им ничего не удастся, разрешаю применить «Болид». Совет Безопасности санкционировал.

— Понял, — сказал Ланселот. — А что вы сами думаете о госте?

— Он ни на что не похож. Ни на одну теоретическую модель.

— А что вы сделали бы на моем месте?

— Не знаю, — сказал Ферзь.

— Спасибо, — сказал Ланселот. — Я не ждал от вас каких-либо откровений, простите, просто приятно было узнать, что я в данной ситуации выгляжу не умнее и не глупее других. И, следовательно, имею право решать по собственному усмотрению.

— Вот именно, — сказал Ферзь. — Никто вас не упрекнет за любое решение, если принимать его придется. Мы все в равном положении, знаем одно и то же, но вы ближе остальных к месту действия. Удачи.

— К черту, профессор, к дьяволу... — сказал Ланселот. — Я пошел. Конец связи.

Он забросил на плечи ремни футляров и направился к полицейской машине, не обращая внимания на лежащих.

5 вандемьера 2026. Раннее утро.

Полковник вздрогнул и проснулся. Сон был кошмаром, только что перед глазами у него крутился, крутился, крутился на черном асфальте, как на льду, автомобиль Дервиша и летел с дороги в белую пустоту операционной...

Полковник достал сигареты из-под сиденья.

Это она подкинула то выражение насчет дождя над океаном, вспомнил он, память цепко держала все с ней связанное — разговоры, встречи, города, выражение лица, дождь.

Тогда как раз шел дождь, они оставили машину на обочине — все равно не было ничего привлекательного в езде по мокрой дороге — и укрылись на веранде крохотного пансиончика. Хозяйка, как догадался Полковник, почему-то приняла их за молодоженов и не докучала. Изредка в небе погромыхивало, с веранды открывался прекрасный вид, мокрые сосны выглядели свежо, и мутно-серая клочкастая туча, не в силах подняться выше, обволокла вершину не такой уж высокой горы.

— Мне иногда кажется, что нас нет, — сказала она, — Я имею в виду не только нас, но и всю страну. Мы которую сотню лет где-то посередине. Нейтральные, никакие. Давно нет войны и разного рода противостояний, а мы — нейтральны. По отношению к кому? К чему? Даже в ООН мы соизволили вступить пятнадцать лет назад, когда оттягивать далее было бы просто глупо. И все равно остались никакими. Утешаем себя тем, что нашли-де идеальное решение — сидим себе на обочине, отгородившись от шума планеты...

Он ничего не сказал и не стал дискутировать, ему попросту не хотелось. А может быть, очень уж он привык отгонять и намертво блокировать в подсознании мысли, над которыми не считал нужным задумываться, — никто не виноват, что жизнь сложилась так, а не иначе.

— Из вещества того же, что и сон, мы сотканы... — процитировал он.

— Но ведь это очень глупый сон, — сказала она. — За нами стоят поколения предков, видевших смысл жизни в том, чтобы отсидеться и не вступать в какую бы то ни было драку — за что бы ни дрались. Ну, разумеется, что-то делали и мы — невозможно совсем уж ничего не делать, полностью отгородиться от планеты. И все же наш вклад в жизнь Земли был крайне невелик, все мало-мальски значительное делалось без нас. Мы... мы большей частью бессмысленны, как дождь над океаном. Нельзя все время стоять посередине.

Полковник накрыл ее руку своей, покрутил на ее безымянном пальце серебряный с чернью перстень. Совсем ему не хотелось думать, он был в отпуске и намеревался не думать обо всем, что сложнее вопроса, сколько будет дважды два.

— Что же, и мы с тобой бессмысленны? — спросил он чуточку лениво.

— Как знать, — сказала она. — Может быть, и мы. Особенно ты. Разведка, которую, чтобы не отстать от других, завел себе когда-то мирок на обочине...

Он пожалел, что нельзя рассказать, как Генерал однажды отыскал его в старинном университете и после долгих бесед, временами переходивших в споры, увел-таки за собой. Очень уж заманчивой показалась идея. Генерал мечтал, отталкиваясь от специфики работы нейтральной разведывательной службы, создать на базе разведки нечто среднее между футурологическим центром и новой наукой, объединяющей десятка два прежде разобщенных дисциплин — от эвристики до космологии... Схожие попытки предпринимались в других местах и в другое время, но Генерал размахом и фанатизмом превосходил всех своих предшественников. А Полковник не был тогда полковником и был гораздо моложе. С годами он смог понять, что Генералом в значительной мере двигало и желание преподнести миру плод своих трудов именно как откровение, родившееся не где-нибудь, а в том самом мирке на обочине, сторонившемся всяких схваток. Но не было уже дороги назад, хотя и не оказалось у них таких уж значительных достижений, и попытки удивить мир мудростью своих открытий, похоже, провалились...

Ничего этого Полковник не мог ей объяснить, а через месяц она ушла: не к кому-то другому — просто ушла.

И вот теперь Генерал торопится разыграть свой великолепный козырь. Четыре туза и джокер. Он готов разбиться в лепешку, но доказать, что инопланетный агрессор уничтожен лишь благодаря их усилиям. Но, может быть, ООН справилась бы лучше? И агрессор ли это?

«Мобили» ни на кого не нападали специально, они, если проанализировать, бесцельно рыскали по дорогам, и пострадали только те, кто неумышленно или нарочно оказывался поблизости...

Почему-то мы считаем, что странствия по космосу (которые нам пока недоступны) обязательно преследуют какую-то цель устанавливать контакты, собирать научную информацию, искать какие-нибудь паршивые полезные ископаемые, наконец, интересно

проводить отпуск. Но разве все наши поездки по Земле имеют цель? Разве нам никогда не случилось бесцельно мчаться неизвестно куда, чтобы потом выйти из машины, плюхнуться в траву на обочине и бессмысленно смотреть в небо. Наверняка, дикарю, впервые в жизни увидевшему автостраду с оживленным движением, непременно показалось бы, что все эти сверкающие машины имеют ясную и конкретную цель — а ведь многие гонят просто так, от скуки или от тоски, несутся вдаль только потому, что еще тоскливее стоять на месте...

Должно быть, так с ним и получилось — неперевоаемая в земные образы и слова тоска гнала его сквозь холодную черную пустоту, а потом, когда на его пути оказалась планета, он так же бесцельно носился по ее дорогам, и боль его, тоска его обладали такой силой, что передавались встречавшимся на пути, и те, кто был похож на него, становились его невольными жертвами? Может быть, это и есть разгадка? Что нам известно о нервном шоке или душевной болезни непостижимо нам инопланетного существа? Может быть, то, что он разделился на несколько объектов — и есть следствие болезни, стресса?

Так поступает птица — садится в муравейник, распластав крылья, стойко терпит укусы и улетает наконец, избавленная муравьями от всех ютившихся на ней паразитов. Исцеленная. Может быть, мы вылечили его? Ведь я же не пострадал, и Эвридика не пострадала, может быть, наступает улучшение?

Звуковой индикатор радара едва слышно засвиристел. Полковник отключил его и с удивившим его самого спокойствием смотрел, как алая линия на голубом экране становится широкой и четкой.

«Мобиль» был совсем рядом. Полковник открыл дверцу, спрыгнул на землю. И отошел от машины метров на десять. Светало, скоро должно было взойти солнце.

Черная округлая фигура двинулась ему навстречу, но он не пошевелился. Великан с округлыми бочкообразными боками, короткими толстыми ручищами, без шеи, с маленькой головой, ушедшей в покатые плечи. Голем какой-то, подумал Полковник. Есть у него какая-то изначальная форма, или нет?

Он не шевелился. Черный великан замер шагах в десяти...

«Я был прав?» — мысленно спросил Полковник. Почему-то он знал, что говорить вслух не нужно, достаточно подумать.

«Ты был прав. Ты похож на меня».

«Я более силен, я умею забывать».

«Как знать, как знать», — пришел ответ.

«Покажи мне твою тоску».

«Ты не поймешь».

«Все равно».

«Что ж...»

На Полковника обрушилось что-то, чему нельзя было найти названия, как нельзя было и осознать это, понять, сопережить. Словно все радиостанции мира вдруг обрушили свои передачи на крохотный транзистор, не способный справиться с этой лавиной. И все же угадываемая в океане чужих мыслей тоска, горе и боль сжали мозг ледяными ладонями.

«Я говорил — ты не поймешь».

«Детали — не спору, но суть...»

«Может быть, может быть...»

«Ты хотел убивать?»

«Нет».

«Но мы гибли».

«Не все мои... (Полковник не понял) одинаковы. Иногда они просто копировали поведение людей. Впрочем, их больше нет».

«Тебе лучше уйти».

«Действительно, — подумал Полковник, — а что с ним делать еще? Контакта не получится, потому что не нужны ему степенные беседы с седовласыми академиками, контакт с чужими не нужен, потому что он и своих-то покинул, быть может, навсегда.

Взявшись судить его по законам земной юриспруденции, мы угодим в жуткий лабиринт из сплошных тупиков. Контакт без контакта...»

«Тебе лучше уйти».

«Я знаю».

«Уходи».

«Мне нужно попасть на то место, где я приземлился. Мой (Полковник опять не понял) подействует только там».

Острое ледяное чувство опасности пронзило его, и Полковник обернулся рывком.

Из проема в борту фургона прямо на них смотрели дула спаренного пулемета, а над ними белело лицо Эвридики.

Полковник выхватил кольт, выстрелил навскидку и сжался, оцепенел, ожидая стального хлыста очереди. Нет. Мастерство не подвело его и на этот раз.

Деревяннo переставляя ноги, он подошел к машине и заглянул в кузов. Она уже не дышала. На пульте сиротливо горел один-единственный голубой огонек.

«Я же не хотел, — подумал Полковник. — Проклятый автоматизм реакций. Но стала ли бы она слушать мои объяснения, поняла бы, что черного великана нужно спасти? Ради того, чтобы во Вселенной произошло на одну трагедию меньше. Ради того, чтобы в реке крови из древних шотландских легенд оказалось на одну каплю меньше. Остановить наконец эту фантазмагорию, нелепую и жуткую пародию на „космическую оперу“. Пусть уходит восвояси — наилучший выход...»

Он уложил Эвридику рядом с Ясенем, тихо сказал:

— Прости...

И махнул рукой:

— Залезай!

Черный великан осторожно забрался в кузов и сел на пол, касаясь головой потолка. Полковник включил мотор.

«Хочешь, я помогу тебе *увидеть* ?»

И Полковник словно оказался в нескольких местах сразу.

Он вел машину в рассвет.

Он видел белокрылый лайнер, идущий на посадку, и женщину со светлыми волосами, в светлом плаще, нетерпеливо смотревшую в иллюминатор на буро-зеленую, рассеченную тоненькими полосками дорог землю, и знал, о чем она думает — что ошибалась тогда, что напрасно мучила его и себя.

Он увидел откуда-то сверху стайки мотоциклистов, целеустремленных, затянутых в кожу, с автоматами — они разъезжались из пункта сбора, и на руле каждого мотоцикла чернел сетчатый овал тэта-радар. Он увидел броневики. Он увидел Генерала, кутившего трубку в салоне длинной серой машины, окруженной теми же мотоциклистами..

Он знал и понимал, что кольцо сжимается, что шансов почти нет, что в него непременно будут стрелять. Шевельнулось даже желание бросить все к черту — ведь белокрылый лайнер уже гасил скорость на посадочной полосе.

Он отогнал эти мысли и прибавил газу. Потом сделал нечто удивившее его самого. Включил мощную рацию на передачу и, торопясь, стал рассказывать обо всем, что произошло, — так, как рассказывал бы ей, светловолосой, в светлом плаще, не скрывая своих сомнений, своей растерянности и того, что считал уже Генерала своим противником и ненавидел его теперь, что единственный выход, какой он видит, — отправить нежеланного гостя восвояси. Его наверняка слышали очень-очень многие.

...Отсюда, со скалы, местность великолепно просматривалась на несколько километров — извивавшаяся среди леса дорога, распадки, горы. Машину он оставил внизу, в укромном месте, а заметить его самого снизу было невозможно, если не искать специально. Но не было никаких признаков облавы — видимо, решили, что после гибели «Миража» деться Ланселоту из оцепленного района некуда и им можно будет заняться попозже, в спокойной обстановке. Тем более, что теперь его знали в лицо.

Ланселот снял пломбы с третьего футляра, похожего на тот, в каком музыканты носят саксофоны. Достал толстый цилиндр с литой стеклянной рукояткой, прикрепил к нему оптический прицел. Действие лучемета он наблюдал на полигоне, так что хорошо представлял себе страшную силу этой штуки. Итак, хоть что-то напоминающее старинные фильмы о космических баталиях — там эти игрушки болтались на поясе каждого уважающего себя звездного пирата, не говоря уж о галактических шерифах и странствующих вдоль Млечного Пути рыцарях.

Подпустить ближе и ударить лучом. За Малыша, за Леопарда, за всех, кто погиб в течение этих суток. То, что в машине и Полковник, ничего не меняет — он уже перестал быть человеком, стал инструментом этого чудовища, орудием, пешкой. Нажать кнопку и смотреть, как разлетится, разбрызнется снопом раскаленных осколков сине-черный фургон...

И все же что-то надоедливо путало весь расклад, сбивало мысли с торной дороги, беспокоило — то ли инопланетянин, неизвестно зачем ехавший в фургоне, то ли вся эта история, этот залетный гость, чересчур непонятный, чтобы ненавидеть его по-настоящему, слишком нелепый и беспомощный, чтобы стать мало-мальски серьезной угрозой для человечества, и такой чужой, что его следовало попытаться понять, не нужный никому, может быть, и самому себе...

Чем мы в таком случае отличаемся от древних, из трусливой предосторожности убивавших любого чужеземца, подумал Ланселот. Правда, он убивает нас. Но сознает ли он, что совершает преступление? Есть ли хоть какая-то, одна-единственная, точка соприкосновения наших и его этики и морали, или они так и останутся параллельными прямыми? Он виноват — и не виноват ни в чем. Как и мы в своих действиях по отношению к нему. Просто-напросто ничего подобного прежде не случалось, и мы исходим из привычных земных аксиом — око за око, зуб за зуб, если есть жертвы, обязательно должны отыскаться и виновные... А если их нет?

И тут заработала автонастройка — он услышал передачу, которую вел Полковник. Ланселот вывел верньер на максимум, слушал, и ему казалось, что он слышит эхо своих мыслей, рассуждений и сомнений. Со скороспелой гипотезой о слепом исполнителе воли «мобиля», кажется, следовало расстаться. Там, в фургоне, был человек, полностью сохранивший рассудок и волю. И этот человек был прав. Птица в муравейнике. Контакт без контакта. Бесконечно жаль, что нам выпал именно этот вариант, что именно с этой страницы пришлось читать книгу, но что случилось, то и случилось, и нужно оборвать фантазмагорию, не громоздить нелепость на нелепость. Пусть уходит — иного выхода нет. Иначе нам грозит опасность уподобиться древнему царю, высекавшему кнутами то ли реку, то ли океан. Тем двоим в фургоне нужно помочь — и ради них самих, и ради неких истин, что еще не открыты нами, но их приближение все же смутно ощущается. Дверь в большой космос распахнулась на минуту, и не стоит сводить это событие к примитивной драке с лазером в роли каменного топора. Кто знает, что мы приобретаем, дав ему уйти? По крайней мере, мы ничего больше не теряем, а это кое-что да значит...

Внизу по дороге мчался сине-черный фургон, и следом — настигающая его полицейская машина. Ланселот торопливо надел темные очки, левой ладонью охватил запястье правой, вытянул руки и поднял лучемет на уровень глаз. Нажал кнопку, досчитал до трех и отпустил. Мотнув головой, сбросил очки. Перед глазами плавали все же радужные пятна.

Дорогу перегородила глубокая оплавленная канава, из нее валил дым и пар. Машина косо стояла поперек дороги метрах в десяти от канавы. Вряд ли они скоро придут в себя ослеплены вспышкой и ошеломлены. Но остаются другие группы, другие патрули...

Спотыкаясь, падая, съезжая по осыпям, раздирая в кровь бока и спину, Ланселот как только мог быстро спускался к тому месту, где оставил машину.

...Мотоциклисты появились из сизого рассветного тумана, словно призраки Дикой

Охоты. Их было двое, они остановились, разомкнулись и вскинули коротенькие автоматы, но фургон уже пролетел меж ними, как метко пущенный в ворота футбольный мяч. Полковник окончательно смирился с мыслью, что охотятся уже и на него, что и он стал чужим.

— Дай вам сил, ох, дай вам сил, конногвардейцы,
сторожить нас в это утро под дождем...—

пробормотал он сквозь зубы. Он выжимал из машины все, на что она была способна, он больше не терзался сомнениями, знал, что успел прыгнуть в свой поезд и мчится в нем, неизвестно только, удастся ли сойти на своей станции, но главное сделано — он в своем поезде...

Снова мотоциклисты. Пули высекли искры из лобового бронестекла. Полковник два раза выстрелил левой, и в, передних колесах обоих мотоциклов жалобно зашипел уходящий из камер воздух.

...Ланселот мчался бок о бок с полицейской машиной той же марки, что и угнанная им. Четверо в ней смотрели недоуменно и зло, делали энергичные жесты, Означавшие только одно — приказ убраться с дороги, смыться с глаз. Двое держали наготове автоматы, но ни один ствол не повернулся пока в его сторону. Далеко впереди мчался сине-черный фургон.

Тот, что сидел рядом с шофером, наклонился к рации и внимательно слушал, настороженно косясь на Ланселота, словно опасался, что тот может подслушать. Вдруг его лицо стало жестким и хмурым, он что-то коротко приказал, и полицейский на заднем сиденье навел на Ланселота автомат. Должно быть, им кое-что рассказали о нем, но отвлекаться на попытку его задержать они не могли, продолжая махать руками — с дороги, иначе стреляем!

Ланселот положил лучемер на сгиб левой руки, державшей руль. Они, без сомнения, прекрасно знали, что это за штука — страшно побледнели, но шофер не свернул. Ланселот не мог их не уважать. К тому же, они не стреляли.

Он не мог нажать кнопку, но следовало что-то делать — прямой участок дороги скоро кончится. Швырнув лучемер на сиденье, Ланселот вцепился в руль. Он не хотел их убивать, а они упорно не желали затормозить, приказ гнал их вслед за фургоном. Скрежет и треск раздираемого металла, визжали тормоза, водитель полицейской машины был явно не из новичков и не из трусов и сопротивлялся как мог, искусно маневрируя; хрустнуло и разлетелось боковое стекло, и Ланселот с облегчением увидел в зеркальце, что полицейская машина вылетела на обочину, но не опрокинулась, упершись смятым бампером в облицованную яркой декоративной плиткой насыпь.

Но и его машину занесло, и она стала биться о бетонные столбики.

— ...Все. То самое место.

Полковник развернул фургон, нажал кнопку, поднимавшую заднюю дверь. Черное колесо с четырьмя толстыми спицами покатилося к лесу, туда, где Он, тоскующий, измученный непонятный болью, коснулся Земли сутки назад. Полковник дернул чеку, бросил гранату на сиденье и побежал прочь, бормоча: «Вот вам и пулеметы...» Взрыв толкнул его в спину тугой и горячей воздушной волной.

Желто-черное пламя перегородило дорогу, дым косой широкой лентой уходил в небо, колесо катилось и катилось. Полковник услышал шум моторов и побежал туда, на бегу выдергивая из кобуры кольт.

Мотоциклисты вылетели на взгорок, промчались по бездорожью, затормозили, взрывая дерн колесами, и передний вскинул автомат. Полковник выстрелил — в руку. Не промазал. Побежал к ним, махая рукой, крича что-то непонятное ему самому. Синяя трассирующая строчка брызнула ему навстречу, ноги подогнулись, в груди засело острое и горячее, и он, падая, увидел, как медленно распадается облако пыли, окутавшее стоящий у деревьев черный конус. Выстрел. И новая струйка трассирующих пуль в ответ. И свист, вой, ослепительный клубок огня, вертикально унесшийся в синее-синее, как ее глаза, небо.

Упираясь кулаками в бетон, Полковник попытался рывком, встать, потому что женщина в светлом плаще уже десятый раз набирала номер, стоя в стерильной безличности зала ожидания, а в ответ ей упрямо пищали длинные гудки — тире, тире, тире... Словно трассирующая очередь.

Но руки не держали, и он уткнулся щекой в холодную твердую бетонку. Она будет плакать, когда узнает, подумал Полковник, полной грудью вдыхая сквозь боль горьковатые запахи осени, но она все поймет. Перед глазами встало мрачное шотландское ущелье, по дну которого текла темно-красная река — человеческая кровь, пролитая во всех войнах, зловещая река; только Томас из Эрсилдуна, бард и предсказатель, сумел с помощью королевы фей пересечь ее, а потом и вернуться назад, и юное лицо королевы фей, она улыбалась Полковнику, порхающе вокруг золотистые искорки сгустились, заслонили все, ослепили, оглушили, обволокли...

Длинная серая машина косо встала поперек шоссе, мотоциклист распахнул дверцу, и Генерал грузно выбрался наружу. Сзади полукругом стояли притихшие офицеры, неподалеку чадили догорающие обломки фургона, над лесом из сизого туманного марева вставало отливающее золотым и розовым солнце.

Генерал смотрел на мертвого Полковника, выбросившего руки вперед так, словно он хотел заслонить что-то и не успел. Потом перевел взгляд к лесу, на выжженный круг, черневший возле самых деревьев. За его спиной осторожно переступали с ноги на ногу оперативники, бесстрастно стоял Икар.

— Нужно позвонить, — сказал он глухо. — Как полагается...

— У него же никого нет, Генерал, — сказал адъютант. — Нам просто некуда звонить.

— А как по-вашему, хорошо это или плохо?

Адъютант растерянно молчал. Он хотел пожать плечами, но вовремя спохватился — Генерал не выносил таких жестов.

Дребезжа дверцей, подъехала полицейская машина — с выбитыми стеклами, помятая, словно по ней долго и упорно колотила кувалдами орава спятивших луддитов. Человек, вылезший из нее, тоже выглядел так, словно его пропустили через какую-то шалую мясорубку — в мятой и рваной одежде, в пыли и подсохшей крови из многочисленных ссадин. Все смотрели на него, а он шел к ним, хромая, потом остановился и посмотрел Генералу в лицо. Глаза у него были синие, с дерзкой сумасшедшинкой.

— Ну что же, Генерал, — сказал Ланселот. — Как в глупом старинном фильме, право слово, — злодей и шериф медленно идут навстречу друг другу... Только какие из нас с вами ковбой? Одна видимость...

Генерал внимательно посмотрел на него, профессионально представив себе это лицо с аккуратной прической, без крови и грязи, перебрал в памяти пачку фотографий из досье, куда поступали материалы на вызывавших подозрения «внешних агентов». Спросил сухо:

— «Крыша» — научный обогреватель «Европейского еженедельника»?

— Да, — сказал Ланселот. — Резидент Совета Безопасности. Или, переводя на ваш жаргон, руководитель шпионской сети в вашей суверенной державе.

— Вы считаете, что такое определение вам не подходит?

— У меня нет намерения дискутировать на эту тему, — сказал Ланселот. — Можете называть меня как угодно, коли уж вы уверены, что вся планета идет не в ногу и постоянно лелеет черные замыслы касательно вас... Я просто-напросто хочу посмотреть вам в глаза и узнать, каково это — чувствовать себя спасителем человечества. Интересно, каково?

Елена Грушко
ГОЛУБОЙ КЕДР

Лебедев проснулся — ему послышался звонок. В дверь ли, телефонный ли — не понял. Полежал немного, прислушиваясь, — тишина. Может быть, вернулась мать? Но у нее есть ключ, к тому же, самолет из Свердловска прилетает днем, да и вообще, она собиралась

погостить у сестры еще неделю.

Звонков больше не было. Ох уж эти ночные призраки, всегда вскидываешься испуганно, сердце бросается вскачь со смутным ожиданием — чего?.. Ну, у каждого свое несбыточное.

Было тихо. За окнами стояла глубокая чернота — наверное, еще глухая ночь. Николай закрыл глаза, но сон, оказывается, исчез, а на смену ему пришли мысли о новом материале, который Лебедев взялся писать. В редакцию газеты, где он работал, обратился преподаватель местного университета. В краевой научной библиотеке, рассказал он, есть редкие книги, изданные в прошлом веке и более не выпускавшиеся, однако получить такую книгу даже для работы в читальном зале невозможно. Когда Лебедев позвонил директору библиотеки, открылась довольно грустная картина. Старые, уникальные издания в библиотеке действительно были — и действительно, доступа к ним не было никому, даже самим библиотекарям, потому что книги те не стояли в порядке на стеллажах, а лежали связанными в неподъемные и неразборные пачки: места для хранения их просто не было, новые поступления «выживали» старые издания. Лебедев, естественно, удивился и отправился в библиотеку «на экскурсию». Оказалось, что «гордость края», «хранилище богатств человеческой мудрости», «кладезь знаний» и проч. находилась в отчаянном состоянии, которое тем не менее, очень мало волновало «отцов города». Посмотрев по генеральному каталогу, какие богатства лежат мертвым, недоступным грузом в подвалах, Лебедев почувствовал, что у него губы пересохли от возмущения. Он вспомнил разговоры о критическом положении библиотеки Географического общества, хранилищ краеведческого музея?.. Картина складывалась типичная — а оттого еще более драматическая.

Он схватился за этот материал с особенным увлечением, и вот сейчас вся фактура была собрана, оставалось только сесть и написать.

Лебедев представил, как четко сформулированная мысль, воплотившись в горькое, взволнованное, порою язвительное — и этим особенно убедительное слово, ляжет на бумагу, — и у него стало тепло на сердце. Давно он такого не испытывал. Захотелось начать работать немедленно, и он встал. Тепло оделся, и в свитере, джинсах, шерстяных носках (отопительный сезон еще не начался, а похолодало резко, из незаклеенных окон несло сквозняком), пошел на кухню. Пил кофе, наслаждаясь его ароматом, потом услышал, что за дверью кто-то возится. Вот это да... Значит, все-таки был звонок?

— Кто там? — спросил Лебедев.

Сопело, урчало, царапалось.

— Кошка, что ли?

Хрипло мяукнуло.

Николай принес из холодильника кружок колбасы и открыл дверь. Серая толстая кошка проскочила в коридор квартиры так стремительно, словно за ней гналась стая собак. Ну надо же!.. Лебедев взял в ванной швабру и, сердито жуя колбасу, пошел выгонять непрошенную гостью.

Полазив за шкафами и диванами, потыкав шваброй во все углы, он наконец догадался, что кошка успела прошмыгнуть на кухню. Вошел туда — и чуть не ахнул: на табурете у стола сидел старик. Лебедев оглянулся — дверь на площадку все еще была отворена. «Значит, вошел, пока я гонялся за кошкой, — объяснил себе Лебедев неожиданное явление, — а она тем временем убежала».

— Потерял чего, мил-человек? — уютно усмехаясь, спросил старик.

Он был весь какой-то серый, точнее, сивый, будто бы покрытый пылью, в замусоленной рубашке в мелкий горошек. Белая борода его росла очень странно, словно бы по всему лицу. Старик протянул волосатые ладони к газовой горелке, будто к костру.

— Гораздо озяб на дворе! — пояснил он.

— Здравствуйте, — наконец вымолвил Николай. — Вы... кто?

— А соседка я, — пояснил гость. — Дедушка-соседушка.

— Вон что! — облегченно сказал Лебедев. — Вы извините, я в бегах, в разъездах, дома

мало бываю, да и тут все хлопоты... А вы с какого этажа? Из какой квартиры?

— Я суседка-то не твой милочек. Не твой... — Глаза старика смотрели из белесых зарослей на лице оценивающе: — Это ты, значит, Мэрген? По виду и не скажешь. Хлипок вроде. Или потайное оружие скрываешь?

«Мэрген — это что-то знакомое», — подумал Лебедев. Кажется, сказка есть нанайская: «Мэрген и его друзья». Или что-то в этом роде. Но при чем тут он?

В кухне вкусно пахло сеном. Николай невольно глянул в окно: форточка закрыта, да и осень, какое сено?

— Мэрген? Что вы имеете в виду?

— Вот и я говорю, слабоват. Однако дзе комо не должен был ошибиться...

«Фольклор!» — подумал Лебедев устало. Снова захотелось спать.

— Может, чайку? — предложил он зевнув, мечтая только об одном: чтобы волосатый гость ушел, как пришел.

— Какой тут чаек? — Старик поднялся, вмиг оказался рядом и своей мохнатой беловолосой рукой, напоминавшей скорее лапу какого-то зверька, вдруг мягко прикрыл лицо Лебедеву. — Не до чайку! — услышал еще Николай и задохнулся от резкого запаха сена.

Его разбудила песня. Сильный женский голос протяжно вел: «Ан-н-га!.. Ун-н-нга!..», то резко падая к низким, почти хриплым нотам, то снова взмывая, словно стремясь достичь небесной высоты.

Лебедев открыл глаза. Он лежал на низкой деревянной лавке, застеленной поверх грубо выделанной волчьей шкуры, кое-где вытертой до пролысин, еще и пестрым лоскутным, тощеньким одеяльцем. Сел, тупо разглядывая бревенчатые стены с аккуратно проконопаченными пазами, невысокий потолок, небольшое окошечко, — и, словно вырываясь из непонятного, пугающего сна, выбежал, сильно толкнув тяжелую, разбухшую дверь, на крыльцо.

Его взгляд разом охватил и призрачную синеву дальних сопок, и многоцветную осеннюю тайгу, и острую чистоту воды в узкой, но бурливой речке, которая скакала по камням... И еще он увидел женщину.

Женщина была совсем рядом, на другом берегу, Николай ясно видел ее лицо. Озноб охватил его.

Смуглое, круглое, суживающееся к подбородку, с маленьким насмешливым ртом и тонким носиком, оно было бы просто очень хорошеньким, если бы не властный размах густых бровей к вискам, не надменный взгляд узких глаз, затененных столь густыми ресницами, что казались непроглядно-черными, и это делало взор сумрачным, а милому лицу придавало выражение почти вызывающее от сознания собственной красоты. И вот что странно: черты этого удивительного лица показались знакомыми Лебедеву. Он вдруг вспомнил давно виденную в книге известного археолога фотографию: керамическая статуэтка периода неолита, найденная при раскопках неподалеку от одного из приамурских сел: не то поразительно прекрасная смертная женщина, не то богиня древнего народа... Но представшая пред ним сейчас красота была живой, она струилась и переливалась, как вода в горной речке, отсветы которой играли на складках одеяния женщины, перламутрового, как рыба чешуя, отделанная ракушками. В этой женщине было нечто, лишавшее рассудка и осторожности. Прыжком спуститься к речке, перебежать по ее камням, приблизиться, взглянуть в непроницаемую тьму глаз... Однако едва лицо приблизилось, как Лебедев, после мгновенного помрачения, вновь увидел себя на крыльце домика, уткнувшимся в пахнущую сырой древесиной дверь.

Оглянулся — поздно: женщина уже медленно поднималась по сопке, словно бы таяла, растворяясь в сумраке тайги.

Короткий хриловатый смешок заставил Николая повернуть голову.

Прямо на траве, уже тронутой первыми заморозками, сидели, прислонясь к стене избушки, два старика. Один — худощавый, круглолицый, с редкими седыми волосами, собранными в косицу, со множеством резких морщин на смуглом, будто прокопченном лице

с тяжелыми веками, почти закрывающими узкие глаза, — был одет в засаленный халат мутного, неразличимого цвета с черным орнаментом на подоле, в мягкие торбаса. Он то подносил к щелке сухого старческого рта тонкую трубку, то отводил ее в сторону, меланхолично выпуская струйки серого, словно бы тоже старого, седого дыма.

— Зачем дверь обнимаешь, а? — спросил он со всей серьезностью протяжным, скрипучим голосом. — Бабу обнимай лучше, зачем дверь? Елка холодная, сырая деревяшка. Ай-я-яй! Баба лучше!

Другой старик мелко перетряхивался от смеха. Лебедев с изумлением узнал своего недавнего гостя: старичка, пахнувшего сеном. И только тут до Николая начала доходить ситуация. Он вспомнил непонятное проникновение старика в дом, его странные речи, мохнатую ладонь, прижатую к своему лицу, усыпляющий запах сена, пробуждение бог знает где...

— Чудится мне, что ли? — пробормотал Лебедев.

— Прежде больше чудилось! — живо отозвался его знакомец. — Народ был православный, вот сатана-то и смущал.

— Сатана?!

— Ну, сила нечистая. Мы-то вот кто? Нечисть, нежить — одно слово!

— Вы?! — невежливо ткнул пальцем в «своего» старика Николай.

— Агаюшки, ага, — закивал тот. — Я и вот он, дзе комо. Слышь-ка, дзе комо, — обратился он к узкоглазому старичку, — твой Мэрген ничегошеньки не понимает, а?

— Не понимает, однако, — согласился тот уныло.

— Ты, внучонок, присядь покудова, — ласково пригласил первый старичок. — Мы с тобой никак промашку дали.

— Да в чем все-таки дело?! — потребовал объяснений Лебедев.

— Дело — оно простое. Деревенька, вишь ты, была тут в старину. — Он повел вокруг мохнатой лапкой, и Николай увидел, что и впрямь изба, на крылечке которой он сидел, была крайней в порядке покосившихся, почерневших, давно заброшенных домов и заросших жухлой травой огородов. — Деревеньку Завитинкой звали, а речку — Завитой. Прежде шире была, бурливей, а теперь — шагом перешагнешь, иссохла — с тоски, может? Жили, да... Помню, было время — чужаки желтоликие приходили, а то бандиты-разбойнички, так мужики за берданы брались, бабы — за вилы. И снова жили! Скотина велась. Лошадушки... Зверя били, шишковали, ягоду брали, грибы. А рыбы-то! Крепко, хорошо обжились. А потом парни да девки из родительских домов в другие края подались. В камнях нынче живут, родительских свычаев и обычаев не чтят. Старики — кто к детям, кто помер. Обветшали избешки, развалились. И никто доможила не кличет уж: «Дедушка домовой, выходи домой!» Брожу я ночами по домам опустелым, филинов да нетопырей пугаю криком-стоном... — И он залился мелким старческим плачем, утираясь то беловолосыми ладошками, то рукавом заношенной рубахи.

Лебедев облокотился спиной о прохладную дверь и задумался. Призвать на помощь здравый смысл мешало только одно: ведь каким-то же образом он здесь оказался! Не под гипнозом же доставили. Раньше, читая о всяких таких диковинных историях, он допускал их возможность с кем угодно, только не с собой. И сейчас в сознании прошла медленная мысль: «Не может быть...» А что делать, если быть не может, но продолжает быть? Крестное знамение сотворить? Он не умел.

— Ну, а я вам зачем понадобился? И почему вы называли меня Мэргеном?

Заговорил тот, другой, по прозвищу дзе комо:

— Тут недалеко еще стойбище было. Тайга большая, всем места много. Дедушка тигр живет, медведь живет — он как человек все равно, косуля живет, лесные люди — тоже. Люча, русские, пришли, и они жить стали. Тайга большая! Хорошо было... Ой, ой, ой, давно это было. Дзе комо в каждой юрте жил, в среднем столбе...

— Дзе комо — тоже домовой? — деловито перебил Лебедев, которого начал увлекать этот поток этнографических откровений.

— Дзе комо — душа дома, душа счастья. Комо большой — значит, хозяин его богатый, комо маленький — хозяин бедный. — Поймав оценивающий взгляд Лебедева, он кивнул: — Мой хозяин не шибко себе богатый человек был, однако ничего, хорошо жили. Ой, ой, ой, давно это было! — Голос его вздрагивал. — Молодые ушли. Заветы предков забыли. В каменных стойбищах, как и люча, жить стали. Тайга им чужая. Раньше как бывало? Человек в тайге живет — человек тайгу бережет. Теперь человек в тайге не живет — из тайги только забирает. Злой человек стал. Как росوماха все равно!

Вдруг он насторожился. Домовой тоже поднял голову, перестал всхлипывать. Старички поднялись, поддерживая друг друга. Дзе комо торопливо проговорил:

— Я камлал, в большой бубен бил, у костра плясал, как шаман все равно. Духи сказали: в каменном стойбище русский Мэрген-богатырь живет, он поможет. Душа у него чистая. Он увидит и поверит... Он сохранит дерево Омиа-мони от...

— Дзе комо, батюшка ты мой! — перебил его домовый голосом, похожим на испуганный птичий крик, — Едет! Уже близко!

— Мэрген!.. — простер было к Николаю руки дзе комо, но домовый дернул его за полу. Старички перескочили через речку и скрылись в тайге, оставив Лебедева еще более ошарашенным, чем прежде.

* * *

— Эй! — крикнул Николай. — Вы что? Вы куда? А я?! — И замолчал, услышав рокот автомобильного мотора, до такой степени чуждый звонкой тишине тайги, что Николай сразу и не сообразил, что это означает: привычное прошлое возвращалось к нему!

И вот, ныряя и проваливаясь на колдобинах давно заброшенной проселочной дороги, из-за ближнего домика вывернулась грязно-белая, выдавшая виды «Нива» с включенными обоими мостами и оттого неуклюжая с виду. Лебедеву показалось, что машина отпрянула как бы в изумлении, «увидев» его.

Мотор затих, но из кабины никто не выходил. Лебедев сделал несколько шагов и остановился, чувствуя себя неуютно перед этой словно бы насторожившейся, пахнущей усталой гарью механической зверюгой.

— Эй! — нерешительно позвал он.

Дверца распахнулась, и на траву ловко выскочил человек. Он стоял под прикрытием автомобиля, одной рукой придерживаясь за дверцу, другую уперев в бедро, и Лебедеву почему-то показалось, что сейчас он ковбойским, рассчитанным движением сорвет с ремня револьвер, но человек, присмотревшись к нему, вдруг свистнул:

— Привет, Николаша! Ты что, в егеря подался?

И тут Лебедев узнал в приезде, одетом со щегольской небрежностью, в ладно подогнанном обмундировании, равно пригодном и для охоты, и для рыбалки, и для долгих переходов по сопкам, Игоря Малахова, кинооператора со студии телевидения. Это был знакомый, живой, обыкновенный человек, не загадка тайги, не плод суеверий, не галлюцинация, и надо ли объяснять, как обрадовался ему Лебедев!

— Конкурирующая фирма? — усмехнулся Игорь. — Чего молвишь?

Первым побуждением правдивого Лебедева было рассказать все как есть, однако что-то удержало его — вероятнее всего, стыд показаться смешным, — и он брякнул первое, что пришло в голову:

— Приехали на охоту... я отошел... ну и заблудился.

— На охоту? Ты? Ты же стрелять не умеешь, я знаю.

— То есть это... за шишками... — запинаясь Лебедев.

— В домашних тапочках? — прищурился Игорь. — Ладно, не хочешь говорить — шут с тобой. — И он пошел было к избушке, где недавно проснулся Николай, но остановился, рассматривая что-то на земле. Поднял и насмешливо поглядел на Лебедева: — Эй, конспиратор! Так бы сразу и говорил! — И сунул на ладони чуть не к самому лицу Лебедева

затейливое украшение — подвеску из мелких перламутровых раковин. — Хорошенькая игрушечка! Поссорились?

Лебедев молчал, неловко стиснув пальцами украшение, которое он совсем недавно видел на груди той женщины. Оттого, что реальность снова оказалась расколотой призрачностью, он испытал приступ головокружения. Игорь же, посмеиваясь, выгрузил из машины огромный рюкзак, ружье, понес все это в дом, приговаривая:

— Знаем мы эти шишки! Шишкарь нашелся! Шишка твоя, выходит, с норовом? По газам — и домой, а ты тут кукуй или топай на своих двоих сутки, а то и двое до шоссе? Ого! За что она тебя так? Приревновала? Или не угодил?

Лебедев счел за благо сконфуженно отмолчаться, идя вслед за Игорем. Однако у крыльца он задержался, спрятал в карман подальше ракушечную подвеску и вошел в избу.

Игорь сидел на лавке и насмешливо смотрел на него.

— Коляшечка, давай сразу договоримся, — доверительно предложил он. — Не надо делать из меня дурачка, ладно? Ну ведь не было здесь бабы, это ясно. В избе, посмотри, все пылью заросло с тех пор, как я в прошлом году... Хм... ну ладно. Твои следы как на снегу, больше ничьих. Следов машины-то я ведь тоже не видел по пути. Откуда эта подвеска — не знаю, не говоришь — твое дело. Однако не наденет женщина такое, если едет в тайгу. И вообще — какая психопатка могла бы тебя тут бросить в домашних тапочках, без вещей? Короче — зачем ты здесь? Откуда?

— А ты зачем? — зло спросил Лебедев. Злился он, прежде всего, на себя: оказался в глупом положении и вынужден будет сейчас эту глупость обнародовать. А придется. Он зависит от Игоря. Возьмет и укатит — что тогда? На домового надеяться?

— Предположим, я на охоту приехал, — спокойно ответил Игорь, — Разрешение есть, сезон уже открыт, знаешь?

Лебедев покачал головой.

— Ну, где тебе! Ты же у нас гуманоид. А меня на все хватает, в том числе и на охоту. Кстати, будь благонадежен, скорее я бабу завезу в глушь и там оставлю, чем она меня, будь это хоть... Алла Пугачева. Понял, Коля?

Лебедев вздохнул. Приходилось говорить что есть.

— Ты в нечистую силу веришь, Супермен Васильевич?

— Ты о чем?

— О духах и домовых, — пояснил Лебедев.

— Спятил? Конечно, не верю!

— Может быть. И я так думал. До сегодняшней ночи. И вот именно сегодня ночью у меня в квартире возник домовый и притащил сюда.

— Да ты что? Ну и?..

— Ну и... я здесь проснулся, — Лебедев кивнул на лавку. — Вышел на улицу — домовый ждал меня у крыльца, там был с ним и... — Он не мог рассказать про женщину. — Еще один, дзе комо назвался.

— Кто такой?

— Тоже вроде домового, только нанайский. Они чего-то от меня хотели. Какой-то помощи. Но услышали шум твоей машины и убежали в тайгу. И все. Я ничего и не понял.

Игорь неторопливо распаковывал рюкзак.

— Подвеска тоже имеет к ним отношение?

Лебедев кивнул и несмело спросил:

— Ты мне веришь?

Игорь протер стол комком газеты и начал выкладывать из рюкзака свертки и консервные банки.

— Ну что же, — покладисто сказал он, — всякое в жизни бывает.

Лебедев ушам не поверил: «Уж не считает ли он меня за психа, которому опасно противоречить?!»

— Всякое бывает, — повторил Игорь, — особенно здесь.

— Почему? — насторожился Николай.

— Потому что... потому что... — Игорь замялся. — Потому, что обстановка здесь таинственная. Что, не так? Тайга, тишина, заброшенная деревня... Подходящая декорация хоть для детектива, хоть для всякой фантастики. Ну, иди к столу, Николаша. — Игорю явно не хотелось продолжать разговор. — Тут на десятерых хватит. Ты употребляешь? — Он вынул фляжку. — Коньяк. Но я не беру в рот. На всякий случай вожу с собой. И для гостей. А так — здоровье дороже. И реноме. Раньше, было дело, умел принять. А теперь — погореть на этом, не желаю. Так будешь? Нет? Ну и умница. Ты молодой, холостой, тебе о генетике думать надо. А поесть — поешь, и спать, — быстро говорил он. — Устал я сегодня. Устал. Да садись ты за стол!

Николай молча подчинился. Смеркалось. Словно не день прошел, а час...

* * *

Проснулся Лебедев оттого, что ему стало душно. Он слабо отмахнулся и открыл глаза.

Белая, круглая, холодная луна липла к мутному стеклу. Бледные, словно дымящиеся, полосы лежали на полу и на стенах.

На грудь навалилось что-то мягкое и теплое. Это была толстая кошка. Ее серая шерсть в лунном свете сверкала, словно каждая шерстинка была усыпана бриллиантовой пылью.

— Брысь! — шепнул Николай спросонок. — Брысь-ка!

— Мэргенушко, батюшко! — отозвался слабый старческий голосок. — Вся надежда на тебя. Оборони, заступись!

Лебедев резко сел. Кошка скатилась с его груди на колени, но он брезгливо дернулся, и она мягко упала на пол. Николай пнул было ее, но она увернулась, отскочила в угол, сливаясь с темнотой, и теперь только два желто-зеленых огонька выдавали ее присутствие.

— Какого черта! — Лебедев сам не ожидал, что может так яростно, воистину по-кошачьи шипеть. — Что вам от меня надо? Зачем вы меня сюда притащили? Чушь, чепуха! Брысь!

Огоньки погасли. Резко запахло сеном, и Николай, вспомнив, чему предшествовал этот запах в прошлый раз, подхватил тапочек и швырнул его в угол.

Зашипело, жалобно мяукнуло, легкий вихрь пронесся к двери, раздался скрип... Неяркая, низко стоящая звезда на миг заглянула в избушку, и дверь снова затворилась.

Сердце Лебедева колотилось от ярости, испуга, почему-то вдруг возникшей жалости... Нет!

— Нечисть! — зло сказал он, успокаиваясь от звука своего голоса.

— Ну, Николаша, ты страшен в гневе! — услышал он негромкий насмешливый голос.

Игорь лежал на своей лавке, приподнявшись на локте, ярко освещенный луной. Разноцветные пылинки плавали над ним. Было хорошо видно смугловатое твердое лицо, курчавые волосы казались подернутыми сединой.

— Теперь все в порядке, Николаша! — одобрительно сказал он. — Теперь спи спокойно, дорогой товарищ. Думаю, нынче ночью они уже сюда не сунутся. Ишь, тяжелую артиллерию в ход пустили. Кошка! А в первый раз, помню, как тут ночевал, так кикимора спать не давала, коклюшками стучала, кружево свое плела.

— Кто?! — ошеломленно переспросил Лебедев.

— Ну, кикимора, домаха то есть, тоже нечисть. Шишига, — серьезно пояснил Игорь. — Она в голбце живет. Не слыхал, не читал?... Тем более непонятно, почему они тебя так легко взяли. Хотя... чего ж тут непонятного. Ты о них не знаешь — значит, не готов к встрече с ними, не представляешь, какими они могут быть, то есть принимаешь их как реальность, а потому им легче подчинить тебя себе, — рассуждал Игорь, пока Николай не прервал его:

— Ты соображаешь, что говоришь?

Игорь хмыкнул:

— Да уж, дискуссия у нас... Тема, главное, остро актуальная: «Нечистая сила и степень

ее воздействия на верующего и неверующего». Ладно, что нам твои домовые! Утром мы отсюда уйдем — и все будет в порядке.

— Уедем? — поправил Лебедев.

— Уйдем, — повторил Игорь. — Туда, куда мне надо, можно только пешком. Извини, отвезти тебя в город я пока не могу. Не для того сюда рвался, чтобы возвращаться. Да и время боюсь упустить. Можно было бы оставить тебе здесь продуктов, но пока я буду идти туда и обратно, эти твари тебя так уделают, что и впрямь с ума сойдешь.

— Нет уж, я лучше с тобой, — согласился Лебедев. — А куда ты так рвешься?

Игорь помолчал, ложась поудобнее, потом в темноте раздался тихий смешок:

— Да ты не переживай. Я не старатель потайной, не браконьер. Ружье исключительно на всякий случай. Продуктов у меня видел сколько, без дичины обойдусь. А камера... — Он замолк на миг, но тут же воскликнул: — Ну не могу, не могу сказать! Дело такое, что поверишь... как бы не сглазить. Но, ей-богу, клянусь, все чисто, красиво и праведно. Знаешь, давай еще поспим. Путь долгий.

— Хоть скажи, куда пойдем, — устало попросил Лебедев.

— К кедру, — не сразу негромко ответил Игорь, и Николаю показалось, будто он произнес это слово с большой буквы.

* * *

Поднялись еще затемно. Игорь при свече проворно распределил содержимое своего рюкзака на две поклажи, соорудив для Лебедева из обыкновенного мешка заплечную торбу. Кстати пришелся и моток веревки, нашедшийся в его рюкзаке. Еще Игорь дал Лебедеву старую энцефалитку и поношенные, но еще крепкие кирзачи.

— Всегда беру с собой запас одежды, — пояснил он. — Мало ли что — дождь, заморозки? Да и ночью чем больше под себя подстелешь, тем здоровее утром встанешь, даже если и спальник есть.

Николай слушал его с почтительным вниманием и долей стыда. Он хоть и был дальневосточником в четвертом поколении, однако тайгу не очень любил. Чувствовал ее опасную красоту, преклонялся перед суровой загадочностью, но... тайга оставалась для него чужой и не менее экзотической, чем для любого москвича, рижанина или одессита. Он почему-то не верил людям, которые не боялись тайги. Не верил, что такое возможно. Но с охотой подчинялся всем указаниям Игоря, и вскоре, тотчас по восходу солнца, они уже поднимались на сопку, оставляя позади и заброшенную деревеньку, где в ветхой сараюшке была поставлена машина, и сверкающую под ранним солнцем речку, и пыльную избенку, и призраков прошлых ночей.

Не сказать, что мешок был тяжел, однако и легким его не назвать, и постепенно ощущение этого утомительного веса на спине поглотило внимание Лебедева. Если поначалу он еще пытался смотреть по сторонам, то потом все словно бы подернулось дымком усталости: ельники, кедрачи, дубняки, березняки, сквозь которые они продирались... Вернее, продирался-то прежде всего Игорь: он шел немного впереди, и чуть подлесок становился густым, сразу пускал в ход небольшой удобный топорик, так что Лебедеву передвигаться было легче. Тем не менее, после первого же привала он так разморился, что Игорь, недовольно покусывая губу, все-таки вынужден был позволить ему вздремнуть полчаса.

Едва Николай завел глаза, как поплыли перед ним скорбные лики домового и дзе комо, серая кошка металась в лунном луче, играя клубком, за ней гонялась неряшливая старуха, гремя деревянными палочками для плетения кружев — коклюшками. Мелькнули, словно молнии, чьи-то длинные черные глаза — и погасли.

Лебедев тихо надеялся, что где полчаса, там и час, однако, не помедлив ни минуты, Игорь разбудил его, навьючил — и снова стал первым на тропу. Солнце между тем затянулось серым маревом.

Наконец они забрались на седловину и начали спуск. Игорь обещал, что осталась еще

одна сопка, а там недалеко и до «кедра». К ночи доберутся!

Прыгать по склону приходилось боком, выворачивая ноги на пепельно-бронзовом курумнике, но вскоре пошла полоса молодого осинника, уже густо забронзовевшего, охотно сбрасывающего листву под порывами ветра. Почва была здесь пружинистая, серо-зеленый блеклый мох отдавал влагу. Осины драли рюкзак. Николай опять взмок.

Он шел и шел, и даже не заметил, как воспаленным лицом ткнулся в рюкзак Игоря. Игорь остановился и смотрел сквозь поредевшие деревья вниз. Там бежала по камушкам речка, а на другом берегу медленно таяли в приближающихся сумерках очертания какой-то избушки.

— Ого! — хрипло порадовался Лебедев. — Зимовье?

Игорь молчал. Потом он сбросил с плеч рюкзак, постоял несколько минут, разогнувшись и уперевшись ладонями в поясицу, которая, как видно, ныла у него не меньше, чем у Лебедева, и обернулся. Глаза его были угрюмы.

— Что, не узнаешь домик? А ты приглядиись, приглядиись!

Николай пригляделся. В очертаниях избушки было что-то знакомое. И этот огород, весь в будылье, и позади такие же ветхие дома... Все тихо, мрачно. Только речушка играет и переливается...

Это была та самая заброшенная деревня, откуда они ушли ранним утром.

...— Ну чем я виноват? — устало спросил Лебедев. Пуще усталости томила недоуменная обида.

— Это все из-за тебя, — проворчал Игорь, не оборачиваясь. Он был расстроен, как ребенок. — Это они нас водили. Твои приятели... Меня-то им с пути не свернуть, могли уж в прошлом году убедиться.

— Но ведь ты как раз и шел впереди! — воскликнул Лебедев.

— А им это без разницы, кто впереди.

— Но мы ведь шли по компасу...

Игорь нервно дернулся на лавке, но промолчал.

«О чем мы спорим! — ужаснулся Николай. — И ведь всерьез, всерьез! Удивительно, до чего не приспособлен мозг к рассуждениям о диовинном. Вроде и фантастику читаем, да и известно, что немало в жизни необъяснимого, а все-таки хочется каждое событие на полочку соответствующую положить, табличку повесить: вот так может быть, а вот этак — нет. Ну, попробуй, — усмехнулся Николай про себя. — Никуда ведь не денешься: вон избушка, вон Игорь... а что за порогом?»

Кости ломило с непривычки, усталость то валила Николая в крепкий сон, то навевала дремотные видения, и всю ночь чудилось шуршание нити, старушечий шепот, словно бы пересчитывающий петли... Смутная тень растрепанной головы мелькнула перед лунным окном, и явь расплести от кружева сна было уже невозможно.

Наконец он вырвался из мучительной темной дремоты. За окном уже слегка брезжило. Спросонок Лебедеву показалось, что в тайге плачет вспугнутая птица. Но через секунду его пробрала дрожь, он узнал это переливчатое пение!

Как был, Николай выскочил на крыльцо и слетел со ступенек.

Она стояла там же, где и позавчера. Увидев Лебедева, умолкла. «Звала? Меня звала?» — не поверил он смутной надежде.

Он шел к ней тихо, будто подкрадывался. Камни в речке казались раскаленными.

— Это ты? — спросил он недоверчиво. — Ты... Как тебя зовут?

— Омсон-мама. — Говор ее был как песня.

— Мама?! — радостно засмеялся Лебедев. — Ну какая же ты мама? Ты девушка. Ты как цветок. Можно, я буду звать тебя просто Омсон. Какое имя!

— Сегодня вы пойдете к Омиа-мони... — начала было она, но вдруг насторожилась, прислушиваясь. Блеск утренней звезды отразился в ее глазах, и у Лебедева перехватило дыхание. О чем она? Разве об этом нужно вести речь сейчас?

Он схватил ее за плечи. Перламутровое одеяние прошелестело что-то, будто

усмехнулось. Омсон упруго изогнулась в его руках. И тело ее словно бы вытекло из его рук, он очутился стоящим на коленях, прижимая к себе мокрый валун, а Омсон не было.

Лебедев поднялся, машинально отряхнул на коленях джинсы. Опустив взгляд, чуть не вскрикнул: он стоял босиком на заиндевевшей траве!

Голова еще кружилась. Он перемахнул речушку, быстро поднялся на крыльцо, только сейчас почувствовав, что замерз. Дернул дверь — и едва не уткнулся лицом в лицо Игоря.

Стало неловко, как нашкодившему мальчишке. «Видел он? Что он видел?»

— Душно, — предупреждая вопрос, выдавил Лебедев. — Не спится.

— Да, — Игорь опустил глаза. — Смотри-ка, заиндеVELO. Рано в этом году. Сколько по камням идти будет.

— По камням?

— Да, пойдем по руслу. Быстрее и надежнее. Уж реку-то они в сторону не свернут!

— А что же вчера там не пошли?

— Вчера! Откуда я знаю, почему вчера поперся в сопки? Будто в спину кто толкал!

Лебедев прошел в избу. Упреки ему уже порядком надоели.

— Ладно, слушай, — примирительно сказал вдруг Игорь. — Все дело в кедре...

В прошлом году мы делали передачу в одном старом нанайском селении Чистое стойбище! Там жила старая сказительница, вроде... ну, вроде какой-нибудь нанайской Арины Родионовны. Интересная бабуля. Старая, как мир. Но больная. Снимали мы каждый день понемногу, потому что она быстро уставала, начинала задыхаться... И вот однажды пришли мы к ней, а ее нет. Ночью ушла в тайгу. Зачем, когда вернется? Домашние молчат, кто-то обмолвился: «Лечиться ушла...» Траву, что ли, целебную искать? Не отвечают. День, другой мы ее прождали. Режиссер норовистый, обиделся: уезжаем, все! Звукооператор ему поддакивает. А мне что? Ехать так ехать. Теплоход наутро, решил я пока побродить по окрестностям, пощелкать на слайды. Тайга осенью... Ладно, пошел. И, понимаешь ты, заблудился! Вовек со мной такого не бывало! Дело к вечеру, а я все блуждаю. Будто водит кто-то, шутит. Набрел на знакомое место — ноги сами в другую сторону идут. Леший, думаю, нанайский играет со мной, что ли? Но, знаешь, не испугался, а разозлился. Да что, думаю, мне то село? Пойду куда глаза глядят, авось к реке выйду, и пусть хоть вся сила нечистая кругом бродит!

Так-то. И едва подумалэто, как... вспомнил дорогу назад. Вот знаю почему-то, что сопочку обогнуть надо, а там налево, через кедрч — и стойбище наше. Вот те на! Будто бы тайга испугалась моей решимости, — усмехнулся Игорь. — Насторожилась вся. Ветер стих. Тропка сама под ноги стелется. Но ломанул я назло в чащу. Бурелом — через бурелом. Овраг — через овраг. Еле оттуда вылез, надо сказать, и мелькнула-таки мысль вернуться, да вдруг слышу — тихий стон. Вгляделся — уже смеркалось — кто-то лежит. Уж я струхнул... Однако подошел осторожно. Смотрю — да ведь это наша бабуля-сказочница! Чуть живая. Волосы в какой-то белой паутине, вся горит и бормочет: «Омиа-мони... Омиа-мони...»

Сердце Лебедева дрогнуло.

— Бабуля, говорю, зачем же ты сюда потащилась? — продолжал Игорь. — А она опять: «Омиа-мони...» Я посмотрел — что такое? Солнце уже село, луна еще не взошла, а за деревьями голубое сияние разгорается. Я пошел туда и увидел...

Голос Игоря пресекся. Николай с изумлением смотрел на его побледневшее лицо, нервничающие руки.

— Его вершины не разглядишь. Высота — обалдение! А цвет... Он и правда голубой. И в то же время он — всякий, — сбивчиво говорил Игорь. — Птицы какие-то по нему порхают. Множество их. А зверья! Словно со всей тайги. Тигры — и рядом кабаны, как дрессированные. На меня ноль внимания. Я подошел ближе — и увидел еще одно дерево. Сначала показалось, что это цветущая яблоня, таким оно было белым. Но потом разглядел, что оно сплошь покрыто паутиной. Я смотрел, смотрел... И вдруг за моей спиной вскрикнула старуха. Ужасно вскрикнула! Я повернулся. Она стояла на коленях и грозила мне. Потом упала — и вытянулась.

Игорь опять замолчал.

— Ну! — нетерпеливо подтолкнул его Лебедев.

— Ну... я вынес ее из тайги. Мертвую. Почему-то мне кажется, что если бы я шел один, то уже не нашел бы пути назад. Не знаю, почему. Однако стойбище оказалось совсем рядом. Будто бы его кто-то на время переместил поближе к той поляне... Когда я передавал тело старухи, выбежавшей навстречу родне, что-то зацепилось за пуговицу моей куртки. В темноте не заметил, а потом увидел вот что. — Игорь вынул из кармана квадрат серого шелка и расстелил на столе, придвинув свечу.

Сначала Николаю показалось, что перед ним — причудливый узор. Но, присмотревшись, он понял, что это карта, искусно нарисованная не то тушью, не то черной краской. Он узнал извивы Амура, его притоки. Тонкими штрихами обозначались леса, легкими волнистыми линиями — сопки. На некотором расстоянии друг от друга — два треугольника. Между ними голубая линия.

— Что это значит? — спросил Лебедев.

— Я сверялся с очень подробной картой этого района, — рассказал Игорь. — Первый треугольник — то самое стойбище, где мы снимали. Другой — деревня, где мы сейчас с тобой. Впрочем, лоскут этот очень старый, возможно, еще и не деревня тут обозначена, а какое-нибудь иное древнее селение.

«Тут недалеко еще стойбище стояло. Тайга большая, всем места много...» — словно наяву услышал Николай протяжный голос дзе комо.

— И видишь, как раз между ними — голубой кедр, — пояснил Игорь. — История, которую я тебе рассказал, случилась два года назад. Нечего и говорить, что, едва разобравшись в этой карте, сверив ее с топографической, я снова приехал в стойбище и отправился к голубому кедр. Клянусь, всю тайгу обшарил, а поляны с кедром не нашел. А ведь видел ее своими глазами — уж своим-то глазам я верю! Тогда я решил пойти другим путем — от второй отметки, от этой деревушки. Уже в прошлом году вышел отсюда — и опять ничего. Кстати, тогда меня тут пытались поморочить домовушка и его супружница, кикимора. Да уж, ночка была!.. Словом, опять я не нашел кедр, хотя в карте уверен на все сто. Вернулся домой ни с чем. И вот как-то пришла мысль: а почему старуха так неожиданно отправилась в тайгу? Ведь сколько мы там, в стойбище, до этого были, не меньше десяти дней, и она все время себя худо чувствовала, а ничего, сидела себе. И вдруг — сорвалась. Не в том ли дело, что голубой кедр можно увидеть только в определенное время? Скажем, в один из дней конца сентября, как сейчас? Логика в этом есть — сейчас как раз время созревания кедровых шишек. Я прикинул числа... сегодня, Коля, ровно два года, как я был на той поляне. Еле удалось вырваться на эти дни с работы. Как всегда, план горит. Да пускай и сгорит! Хуже, что вчерашний день пропал. Так что придется нам с тобой сегодня идти, идти и идти. Еще один год потерять — это не по мне!

— Да что тебе этот кедр? — спросил Лебедев, — Посмотреть?

— Э, Коля! Думаешь, я только консервы да ружье несу? У меня полрюкзака кассет японской цветной пленки, да кинокамера, да «Кодак». Это же кедр уникальный, кедр-пра-пра-прадед. Тут можно снять кадры, которых никто не снимал и уже не снимет. Такой шанс не всякому выпадает. Единственный шанс! Ведь никто, кроме меня, этого кедр не видел и дороги к нему не найдет.

— Ну, а я увижу? Тебе не жалко?

— Раз уж ты свалился мне на голову, не могу же я допустить, чтоб ты так вот задарма страдал. А увидишь этот кедр — ни о чем другом больше и думать не сможешь, понял? И все твои статеечки о моральном и аморальном облике покажутся тебе жуткой жвачкой. Да мы с тобой вместе такую киношку сделаем!.. Говорят, я с камерой родился, а на бумаге двух слов не свяжу, хотя язык подвешен вроде бы. А как ты пишешь, мне нравится.

Комплимент был приятен, как и то, что вела Игоря в тайгу такая мечта. Одно оставалось неясным.

— Но почему же так волнуются эти... — Лебедев замылся, — ...местные привидения?

Игорь начал перематывать портянки — ровно, ловко, Лебедев даже позавидовал.

— Наверное, они вроде хранителей заповедника! — усмехнулся он.

И Лебедев рассмеялся, тоже начиная собираться в путь. Возникло на миг какое-то невнятное ощущение: раскаяния, потери, несостоявшегося прощания ли... да и ушло, как пришло. Он только спросил:

— Что значит Омиа-мони?

— В нанайских сказках так называется дерево душ, — после некоторой заминки ответил Игорь и приказал — Все, разговоры окончены. Пошли в темпе!

* * *

По руслу идти оказалось труднее, чем по сопкам: камни выскальзывали из-под ног, то и дело приходилось взбираться на кручи, к которым вплотную прижималась речка: она незаметно слилась с другой, широкой и скорой, так что перескакивать и тем более переходить ее вброд в поисках удобной дороги сделалось вовсе невозможно.

Миновали сплошь желтый лиственничник, и Николай, несмотря на напряжение пути, надолго замер, оглядывая мягко шелестящие заросли. Кое-где иголки уже осыпались, покрывая склон мягкой, прозрачной желтоватой кисеей. Похоже, будто выпал ранний снег неведомого, фантастического оттенка. Небо было серое, непогодное, но желтизна хвои смягчила его суровость, веселила глаз. Серая до черноты студеная река оставляла в извивах сугробы ноздреватой бело-желтой пены. Течение здесь было очень быстрое, глубокая стремнина рябила, отливала, как сталь, радужной, неожиданной синевой, чешуйчатая, гибкая, словно спина неведомого водяного зверя.

Лебедев смотрел, и сердце его щемило. Он и вообразить не мог, что неяркая желтизна лиственниц, нахмуренный серый денек бывают так притягательно прекрасны. Если бы мог, он бы обнял сейчас и этот желто-рябой от хвои курумник, и тонкие черные стволы, и дрожащую от наступающих холодов речку, уткнулся бы в них, чтобы всем сердцем, всем телом принять запахи и краски.

Озноб восторга заставил его счастливо рассмеяться. Что может быть прекраснее? Странно, неужели Игоря не привлекает все это? Гонится за своим кедром...

Тем временем Игорь уже взбирался на сопку, обходя завал на повороте реки. Видно, многие годы здесь застревали подмытые и унесенные течением стволы, и теперь все это напоминало кучу гигантского хвороста, небрежно брошенную каким-то великаном.

Лебедев смерил взглядом завал и сопку, по которой надо было его обойти. Игорь не оборачивался и ушел далеко вперед.

— Эй! Подожди! — крикнул Лебедев, но голос его был унесен ветром.

Игорь не обернулся, и Николай зашпешил. Он полез прямо на завал, рассчитывая так выиграть во времени и расстоянии; полез сперва робко, потом быстрее. Бревна, казалось, лежали крепко, сцепившись сучьями и корнями.

На вершине завала Лебедев распрямился, но тотчас потерял равновесие, ноги скользнули по еще не просохшей после инея коре, провалились в пустоту, он какое-то время висел на вывернутых веревками «рюкзака» руках, ему показалось, он чувствует, как натянулись мышцы, а потом руки с болью выскользнули из лямок, и Николай цепляясь о корявые выступы, ударяясь о стволы, соскользнул в узкий причудливый колодец, случайно образованный природой, и упал на каменистое сырое дно, онемев от боли и неожиданности.

* * *

Казалось, его заключили в сырую клетку. Высоко-высоко висели клочья мутного неба. Сквозь «стены» брезжил свет. Из-под мелкой гальки сочились вода.

Мгновение Лебедев смотрел вокруг растерянным взглядом. Вдруг показалось, что это корявое сплетение стволов, обглоданных течением, камнями, временем, валится прямо на

него!

Он закричал, попытался вскарабкаться по стволу, скользя и ломая ногти. Сорвался, перемазавшись квелой, разложившейся корой.

Вскочив, вцепился в ветки, как в прутья решетки, тряхнул, что было силы, и тут же отпрянул, испугавшись, что это жуткое сооружение рухнет и придавит его.

Съежился, пытаюсь успокоиться. Вскинулся и закричал, приныкая всем лицом к щели меж стволами:

— Игорь! И-иго-орь!..

Но голос глух, оставался в «клетке», давил со всех сторон, казалось, вытеснял воздух. Надо привлечь внимание Игоря по-другому...

Лебедев осторожно вытащил из «стены» толстый корявый сук и, сначала нерешительно, а потом все сильнее, заколотил по стволу. «Клетка» загудела: стук оглушал Лебедева, но он, зажмурясь, бил снова и снова, пока не уловил:

— Э-ге-гей!.. Ни-ко-ла-ай!..

— Я здесь!!! — заорал Лебедев что было мочи.

— Да куда ты запропастился?

— Сам не знаю! — уже радостно засмеялся Лебедев.

— Он еще смеется! Ты что, намерен там поселиться? Вылезай быстро!

— Ждал бы я твоего приказа. Да никак не могу выбраться. — Лебедев вглядывался в переплетение стволов. — Скользко, гладко, не за что уцепиться.

— Кой леший нес тебя на эту гору? — орал Игорь.

— Не знаю, — честно ответил Николай.

— Скажи спасибо твоим друзьям! — Игорь выругался, — Наверное, опять они подгадили.

— Да какая им от меня беда? — искренне удивился Николай.

— Балда. При чем тут ты? Им меня надо остановить.

— Тебя? Да что им до твоего фильма? Они что — и правда конкурирующая фирма?

— Может, подискутируем? — зло перебил Игорь, и с Лебедева сошло, все его истеричное веселье:

— Ладно, не злись. Спусти мне веревку.

— Веревку тебе? — крикнул Игорь, — Ремня тебе, а не веревку. Вот загремлю сам туда — кто вытягивать будет? Домовой? Или бабушку кикимору позовем?

Лебедев еще раз внимательно оглядел западню:

— А если попробовать сделать лаз?

— Чем?! — надсаживался Игорь. — Зубами? Ногтями? А ты навстречу будешь пробиваться?

— Не в земле лаз! Среди стволов!

— Что?! А вот как начну я топором колотить, да как завалит тебя совсем? А времени сколько уйдет, ты представляешь? — разъярился Игорь.

— Что же, ты век предлагаешь мне тут сидеть? — устало спросил Лебедев.

— Век не век... — ответил Игорь после паузы, — а сутки придется.

Лебедеву показалось, что он ослышался.

— Николай, ты пойми, — умоляюще проговорил Игорь. — Уже полдень скоро, а до кедра идти да идти... Понимаешь, а вдруг я угадал и его можно увидеть лишь сегодня? Если я провожусь с тобой, значит, опять год пропал. А мне сегодня надо светлое время застать. Вон и погода расходится... Ну сил моих нет, ты пойми, я этого дня два года ждал! Подожди, ради бога, ну умоляю тебя. Потерпи. Может, я еще до вечера управлюсь. Хотя вряд ли... Но, клянусь, ночью буду идти, а завтра вернусь. Вот, поешь я тебе пропихну, — суетливо говорил Игорь, и чуть ли не на голову Николаю свалилось полбулки хлеба, надетого на тонкий шест, просунутый меж «стен» завала.

— Черт, консервы не получается... Хотя у тебя и ножа-то нет. Коля, ты прости, пойми, сил моих нет! Слышишь?

— Слышу, — отозвался Николай, все еще не веря.
— Ты не сердись, брат, а? Сутки, только сутки!.. А потом набьешь мне морду, если захочешь. Договорились? Ну, держись. Не робей — я вернусь! Скоро вернусь!
— Игорь! — крикнул Лебедев. — Игорь!..
Он еще долго звал, пока не понял, что это бесполезно: Игорь ушел.

* * *

Комель одного ствола выступал из-под нагромождения остальных, и на это более чем неудобное сиденье устало опустился Лебедев. Прикрыл глаза, чувствуя, что больше всего на свете хочет сейчас лечь и уснуть — чтобы проснуться дома.

Интересно, что теперь в городе? Здесь он уже трое суток, если не больше. Сбился со счету. Конечно, его хватились. Но на помощь рассчитывать не приходится. Разве что в бреду может прийти кому-то озарение искать его здесь, в тайге, на этой забытой богом речушке, под завалом...

А вдруг вернется Игорь? Спыхватится — и вернется? И Лебедев со страхом подумал, что поведение Игоря он предсказать не может и решительно не знает, чего от него ожидать. А ведь знакомы уже несколько лет. Близкими друзьями никогда не были, но пуд соли точно съели в одних компаниях, поговорить любили, поспорить, в шахматы перекинуться. С Игорем было всегда интересно. В кругу приятелей его называли фонтаном, фейерверком. Был он удивительно начитан, скор на слово, до невероятности общителен — душа, что называется, любого общества. Называли его ласково и небрежно: Игорешка. Вот уж сколько лет... Николай считал его очень талантливым оператором, да и не он один так полагал. Пожалуй, это была самая талантливая камера на всем Дальнем Востоке. Особенно удавались Игорю крупные планы. Вместе с ним зритель словно бы заглядывал в душу человека на экране. Лебедев отчетливо помнил, как сжалось его сердце, когда в небольшом сюжете, отснятом Игорем для дежурной телепередачи о строителях ЛЭП, он увидел бульдозериста, машину которого тянула в себя марь...

Камера медленно поднималась по рычагам управления, и темные пальцы, стиснувшие их, казались продолжением металла, такое напряжение читалось в окаменевших суставах, надувшихся венах. Парень медленно проталкивал вперед рукоять, одновременно поднимаясь на сиденье, и казалось, за искусственно подобранными шумами слышен не только рык измученного мотора, но и треск клетчатой рубашки на напрягшемся плече, и сдавленная ругань, и даже першило в горле от синей гари, окутавшей машину, и вот уже разрослось на весь экран почерневшее лицо, и не то капля пота, не то слеза бессилия поползла по лицу, парень досадливо дернул щекой...

План сменился широкой панорамой просеки, утыканной вышками ЛЭП, и Лебедев спросил потом Игоря: «А тот парень — он выволок свой бульдозер?» Игорь поднял брови: «Да я откуда знаю? Я дальше поехал, на другой объект».

Иногда Лебедев завидовал Игорю. Казалось, тот всегда твердо знает, о чем хочет поведать зрителю, и знает даже больше, и всегда верит в высокий смысл своих фильмов и даже небольших сюжетов. А Лебедева как раз мучило то, что за всеми его «заметками» — этим презрительным словом он последнее время называл все, что писал, — нет ничего, кроме сообщения о факте. Ну, живут люди в далеком от Москвы краю... Ну и что? Гордиться экстремальными условиями? Нанизывать эпитеты? А чью душу это всколыхнет?

Иногда Лебедев заставлял себя писать с таким трудом, что ему казалось, будто он идет по некоему запретному пути. И там, в конце, что-то брезжило. Какая-то цель. Но какая? И какая цель была у Игоря Малахова? Да, он безумно влюблен в свою работу — сегодня это еще раз подтвердилось...

А ведь Игорешку недолюбливают, подумал Лебедев. Его считают недобрым. И не столько за меткое и порою неприятное словцо, которое он умел, да уж, умел отпустить, сколько за то, что, заботясь о сиюминутном эффекте, мог сказать о человеке что угодно. И

потом, сияя улыбкой, вскользь извиниться, словно речь шла о пустом, неважном. И тут же перевести разговор так, что вот уже и собеседник, только что сердечно обиженный на Игоря, смеется, слушая его с интересом, увлечен им, и самому оскорбление кажется пустяком... Но, несмотря на это, а может быть, как раз именно поэтому, Игоря не принимали всерьез очень многие. Лебедев знал: и сам Игорь это знает — все-таки умен мужик, что тут скажешь. «Вот были Москвин, Урусевский, Тимофей Лебешев — есть Павел Лебешев, Гантман, еще полно всяких — операторы. А Малахова упомянут где, сразу — „дальневосточный оператор“. Будто в границы замыкают, а дальше не могли или не по плечу. А мне по плечу. А я не хуже!» Лебедев понимал недовольство Игоря, считал, что тот окружен завистниками-провинциалами, смакующими его недостатки, и когда Игорь заводил разговоры об этом, советовал ему поехать в Москву. Игорь затихал. Говорил, что без Дальнего Востока пропадет, что здесь истоки его творчества... Но однажды зло бросил: «Тут я все-таки Малахов, а там буду — „и многие другие“». Понятно, что он так схватился за возможность сделать нечто поразительное, сенсационное, так рвался к этому кедру... Возможно, для него в этом спасение от какого-то творческого кризиса, как для Лебедева — конечно, масштабы не сравнить! — история с теми редкими книгами в научной библиотеке. Да ведь и правда, именно в тот момент, когда Лебедеву журналистика стала казаться скучной обязаловкой, работой-однодневкой, нашлась тема, которая поможет выйти на главное — связь времен. Предположим, что без этого все общество не может развиваться. А человек — как небольшая, но главная часть общества — разве может развиваться, не ощущая своей глубинной связи с прошлым? Не чувствуя своих корней? Николай усмехнулся: вот в какие глубины завели его подвалы «научки». А что, разве не так? Сиюминутное, важное именно сегодня — оно ведь тоже когда-нибудь станет прошлым, делами «давно минувших дней». Дни эти зачеркиваются, как нечто маловажное, но не значит ли это, что мы привыкаем зачеркивать, привыкаем легко забывать, и то, за что сегодня отдаем нервы, здоровье, жизнь, как за самое главное, основное, завтра будет сдано в архив с насмешливой небрежностью? И все это происходит от привычки жить важностью лишь сегодняшнего дня — с его лозунгами и проблемами — в лучшем случае, с робкой заглядкой в будущее, которого, как известно, не может знать никто...

«О чем я? — вскинулся Лебедев. — Нашел время и место для обдумывания таких проблем. Лучше поищи, нельзя ли выбраться отсюда самому! А то представь — собьется Игорь с пути. Тогда что? Сгинешь от голода или с ума сойдешь — и никто ничего не узнает. И не увидишь больше никого — разве что какой-нибудь призрак, нежить явится — голову поморочить».

Что бишь хотели от него домовой и дзе комо? Что-то говорили про Омиа-мони... Увидев Игоря и его машину, он забыл об их просьбе: увидеть, понять, спасти. Что? Что это значит? Почему к нему приходила Омсон? Не зря же, черт возьми, его уволокли из дому! А он сидит здесь. И вообще, очевидно, не оправдал возложенных на него надежд. Обидно.

Лебедев встал. В нем зарождалось нетерпение, заставляло двигаться, искать какого-то дела, выхода искать — любой ценой. Он готов был голыми руками расшвырять этот проклятый завал. Только бы выбраться! Эх, веревку бы! Но веревки нет. Однако...

Лебедев снял энцефалитку. Был бы нож! Он внимательно рассмотрел куртку и наконец увидел дырку, наверное, прожженную у костра. Рванул зубами... грубая ткань затрещала...

Не прошло и часу, как перед Лебедевым вместо энцефалитки лежал ворох ровных полосок, и он начал связывать их. Потом обернул в капюшон камень, вырытый из-под гальки. Надежно обвязал своей «веревкой». Тщательно прицелившись, бросил тяжелый ком вверх, стараясь если и не попасть в верхний проем, то максимально добросить до него и зацепить груз меж стволов. Камень сорвался и раз, и другой, и третий. Лебедев едва успевал отстраниться, чтобы не попасть под удар. И вот наконец-то!.. Не веря удаче, Николай потянул за «веревку», дернул сильнее — камень держался. Он даже растерялся на миг. Окинул взглядом свою недолгую тюрьму — и, упираясь ногами в деревья, стараясь контролировать натяжение «веревки», полез, вернее, пополз вверх.

«Колодец» был не так глубок, как казалось снизу, однако выбраться было труднее, чем он думал. То и дело ударялся головой. Скользили ноги. Особенно ужасно было то мгновение, когда, почти у самого верха, Лебедев увидел, что камень под его тяжестью вот-вот перевернется через сук, за который зацепился. Николай дернулся, пытаясь перехватить руки, но тут «веревка» снова натянулась, как будто кто-то прижал камень наверху. «Игорь вернулся!» — подумал Лебедев, сразу забывая обиду и страх. Он с наслаждением высунулся из щели — и чуть не сорвался опять: крепко упершись в черные стволы, ему протягивал руку не Игорь, а домовый.

* * *

Костерок тихо приплясывал на берегу. На рогульках висел небольшой котелок, в который, отгоняя летучие искры, озабоченно поглядывал домовый. На тряпице, раскинутой на камнях, лежали серые ноздреватые лепешки и крупно нарезанные куски кеты. Лепешки, по словам домового, который истово потчевал Лебедева, замешены на черемуховой муке, поэтому они и были так ароматны и сладки. Потом домовый достал из холщевой торбочки две берестяные чеплашки и осторожно налил в них из котелка чаю — черного, горьковатого от щедро брошенных туда лиан лимонника, его красных ягод да кисточки элеутерококка, колючие стебли которого торчали неподалеку. После каждого глотка у Лебедева прибавлялось сил.

— Спасибо, дедушка! — сказал он. — Теперь я хоть до завтрашнего вечера могу идти без отдыха.

Домовой увязывал свою торбочку:

— Вот-вот! Омсон-мама точнехонько так и говорила: мол, только подкрепить надо силы Мэргена, а там...

— Омсон? — перебил Лебедев. — Так вы ее видели?

— А чего бы мне ее не видеть? Частенько дорожки нас с ней, с простоволосой, сводят. Я ей другой раз так и скажу: «Не молоденькая, чай! Нет чтобы платком покрыться, ходишь, волосом светишься!» Мы, домовые, этого страсть как не любим, а у них, у таежных людей, обычай иной, вот и ходит, косами трясет, будто девица.

— Она и есть девица! — засмеялся Лебедев. — Ей и двадцати нет, мне кажется.

— Коли кому что кажется, так тот пушай крестится, — сурово ответил домовый. — Вот как на твой глаз — сколь мне годков?

Лебедев пригляделся.

— Ну, шестьдесят, ну, семьдесят... — сказал он не очень уверенно, но тут же вспомнил, с кем говорит. — Или больше? Неужто за сто?

— То-то и оно-то, что за сто! — важно сказал домовый. — Нашенский род исстари ведется. Домовушка должен быть по рождению тот же шишига, то есть дьявол. По крайности, прежде был шишигой, а теперь, видится, обрусел. Мне нынче никак не меньше, чем пять сотен, а то и поболее. Со счету давно сбился, многое позабывать стал. Но сколь помню себя, таким был, как сейчас. Разве что одежда попридержалась. Вот и Омсон такая — что хошь с ней делай, время не берет.

— Она колдунья? Шаманка? — пытался угадать Николай.

— Шаманка, скажет тоже. Подымай, брат, выше! Она — владычица Омиа-мони, только про это пускай себе мой дружечка разлюбезный дзе комо сказывает. У него складнее выходит. Ежели бы там про банника, про овинника, про дворового аль про русалок, девок зеленовласых, что по чащобам у нас на Расеюшке турятся, на прохожего-проезжего морок наводят, — про это дело я тебе такого набаю, что волоса дыбарем станут. А про таежное пушай таежные жители и сказывают. Ты мне лучше про себя поведай. Какого роду-племени? Как окрестили? Почто холостым живешь — я приметил... Чем на хлеб зарабатываешь? Не по купецкому делу?

— Нет, не по купецкому, — от души развеселился Лебедев. — Я пишу...

— Писарем, стал-быть? — почему-то обрадовался домовый. — Грамоте, счету обучен? Великое дело — наука! Вот кабы мне на роду не написано домовым быть, я бы непременно обучение прошел и в грамотки всю мудрость народную записывал. Таскался бы по селам-поселочкам: там сказку подслушаю, там — песню, там — поговорочку. Поговорка, знаешь ли, цветочек, а пословица — ягодка. Ох, брат ты мой, а крепко же иной русский мужик молвит! В пословице ходячий ум народный. Пословицы не обойти — не объехать. Живым словом победить можно. Одно слово, знаешь ли, меч обоюдоострый заменить может. Да где бы нам найти такое словцо, чтобы лиходея нашего насквозь пронзить? Уж и дружок-приятель у тебя, батюшко Мэрген! — попенял он. — Я спервоначалу думал, что на цветку он прибит, глуповат, стал-быть, однако умище есть, и страшный... А зверюгу белую, что чадом чадит, он где раздобыл? Это ж чисто Змей Горыныч: огонь жрет, жаром орет, а из ушей аж дым идет. Эх, а было времечко золотое: что богатырь, что супротивник его садились на добрых коней — да по раздолыцу, чисту полнюшку... А коняшки сытые, обихоженные! Мы, домовые, коней любим пуще всего на свете! Хынь-хынь, — вдруг завел он жалобно, — мне бы хоть махонькую, да пегонькую лошадушку! Разве же наше, домовушек, дело по чашобе шастать, злодея гонять? Домовой — он исстари не злой, не погубит, как русалка зеленовласая, не утопит, как дед водяной, узелком дорогу не завяжет, как злодей леший. Ну, ущипнуть там, синяков насажать; бабе простоволосой ночью косиц наплести — это наше дело. А тут...

Лебедев ласково слушал причитания домового. Так бы и погладил его по сивенькой головушке!

— Вот видишь ли, батюшко Мэрген... — продолжал тот, но Лебедев решил наконец прояснить дело:

— Ну какой я Мэрген? Меня зовут Николаем. А вас как?

— Власием отродясь прозывает домовушку народ. Волосом еще, Велесом. Как хошь, так и зови. Дедкой зови, суседкой. А ты — Никола, стал-быть. Славное имечко. Угодник тебе хороший достался. Добрый. Ты вон тоже добрый. Да вот беда: слабосильная твоя доброта, нету в ней ярости праведной. Тебе бы тоже домовым на свет народиться, а тебя вон в грамотеи, в Мэргены вынесло.

— Ну, предположим, вы меня туда сами записали, — возразил Лебедев.

— Не я, а дружечка мой — дзе комо. А видать, ошибся... Чего ему на тебя боги евонные указали? Я так понимаю, что на том месте, где нынче твоя изба, прежде стойбище было. Глядишь, там и жил-поживал какой Мэрген. Однако к старости что люди, что нежить забывчивы становятся. Вот и напутал дзе комо.

Николай даже обиду почувствовал, но решил продолжать разговор:

— А вы сами откуда? Как попали на Дальний Восток? — Уж сколько раз приходилось задавать такой вопрос! Мог ли он представить, что будет брать интервью у домового... Он попал в мир причудливых и странных существ, которые теперь мерещились за каждым кустом, подсматривали с каждой ветки, смеялись из ручья. Да, это было чудесно, невозможно! И в то же время в явлениях домового, дзе комо, прекрасной Омсон была непонимаемая, но глубоко чувствуемая им бесхитростная правда природы. Она требовала ответной правдивости.

— Мы сами с Орловщины, — рассказывал тем временем домовый. — Не считал, сколько годков прошло, как собрали Макар да Агриппина Ермоленки барахлишко, наскребли из-под печи, на лапоть насыпали, меня, доможила своего, кликнули: «Дедушка домовый, не оставайся тут, а иди с нашей семьей!» Понимаешь, — доверительно объяснил он Николаю, — если хозяин при переезде суседку своего не позовет, то и скотина водиться не будет, и не будет ни в чем ладу. Я серой кошкой... — он покосился лукаво на Лебедева, — обернулся — и скок в корзинку! Старуха моя, кикимора, коклюшки, клубки, плетенье свое прихватила — из голбца за мной шмыгнула. Тряслись наши хозяева из России на Амур и год, и более. Из корзинки, бывало, нос высунешь — и все тебе леса, леса, леса... Уставать стали мы с домахой моей. А пришли-таки! Места — куда тебе с добром! Лес, рыба, зверь

богатый. Сперва людишки землянки рыли, потом избы ставили. Лес валили нетронутый. Мы уж со старухой серчать стали, что долго нас из корзинки не выпускают, ан зря: скоро нас в дом новый зазвали. В тот самый, где ты был. И-эх... — Он всхлипнул было, но тут же встряхнулся: — Да что!.. Не вернешь. А вон и дзе комо поджидает, вон он, батюшка мой!

* * *

За разговором Лебедев не заметил пути. Почему-то не цеплялись сучья за одежду, ветки не рвали волосы, замшелые трухлявые бревна — умершие деревья — не лезли под ноги, тайга не мучила бесконечным чередованием сопок. Нет, шли — будто кто стезжку под ноги стелил. А солнце все брезжило в полудне.

— А что? — усмехнулся домовой, словно подслушав мысли Николая. — Ведь на правое дело!

Круглое лицо дзе комо было настороженным. Он прижал палец к губам и осторожно поманил домового и Николая за собой. Они сделали несколько шагов и увидели дерево среди поляны.

...Кедр и правда казался голубым. Пушистые пучки его длинных игл отливали то живой синевой, то чистотой изумрудной зелени, то окутывались лиловым туманом. Кора состояла из множества многоцветных чешуек, они мягко пересверкивали, и свет, словно оживший ветер, плыл по стволу и ветвям. Ветви мерно подрагивали, словно переговаривались с ветром, а по ним, распушив хвосты, перелетали серые и рыжие веселые белки, сновали серьезные бурундучки, отмеченные по спинкам следами пяти медвежьих когтей. Узкая хитроватая мордочка белогрудого гималайского медвежонка высунулась из-за толстого сука. Оглядевшись, он начал ловко карабкаться вверх, будто по ступенькам поднимался, шаловливо тянулся короткими лапами к белкам. И еще множество зверюшек, названия которым и не знал Лебедев, сновало по ветвям. И птицы сидели то там, то здесь, будто притянутые негаснущим, не боящимся близкой зимы теплом.

Вершины кедра было не разглядеть, и то одно, то другое облачко цеплялось за ветку и, рассеянное в дымку, растворялось на фоне серого неба. Пробившийся сквозь пелену неверный одинокий луч лениво дремал в развилке, но свет ярче солнечного шел от золотистых, крепких, истекающих ароматом шишек; волны голубого сияния исходили от игл, ветвей, ствола... Да нет же, разглядел Лебедев, шишки были вовсе не шишками, а... диковинными птицами. Казалось, они растут на ветках дерева.

У подножия голубого кедра мирно подремывали, свернувшись клубком или безмятежно раскинувшись, тигры и медведи, рыси и кабаны. Бродили косули, изюбры, волки... Мирно было, спокойно, будто старое мудрое дерево хранило мир и покой всей тайги. Лебедеву вдруг тоже захотелось прилечь там, на траве, приткнувшись к мягкому и теплему звериному боку, но в это время он заметил неподалеку, на той же поляне, другое дерево — и вспомнил слова Игоря: «Будто яблоня в цвету». Нет, это дерево меньше всего походило на яблоню: оно было сплошь белым из-за облака паутины. Торчали кое-где черными углами высохшие ветки, а те ветви голубого кедра, которые были ближе к нему, тоже засохли. Здесь не порхали птицы, не прыгали белки. Белое дерево спало непробудным сном.

Из-за ствола голубого кедра показался Игорь. В руках у него была кинокамера, на груди — два фотоаппарата. Он, не отрываясь от объектива, медленно обходил поляну.

Со смешанным чувством смотрел на него Лебедев, стоя под прикрытием раскидистого куста шиповника, похожего на догорающий костер из переспелых ягод и увядающих листьев. Обида боролась с радостью вновь встретить живого, настоящего, реального человека, почти товарища, поступившего, конечно, по-свински, но... теперь, когда Лебедев увидел кедр, понял его притягательную силу, почувствовал, как самозабвенно увлечен Игорь съемкой, обида начала таять. Да, для этого человека главное в жизни — искусство, ему подчинена вся жизнь.

— Охоньки!.. Оюшки!.. — чуть слышно причитал рядом домовой. — Ну, лихоимец! Ну, супостат!

— Да что вы так? — тихо молвил Лебедев. — Он же ничего плохого. Он же фильм, понимаете?.. на пленку хочет кедр снять — и все! — путался он в непривычных для домового словах и понятиях.

— Даже место вокруг Омиа-мони священо, его нельзя осквернять, — сурово произнес дзе комо, не спуская глаз со сверкающего ствола. — Сюда бабы приходят, чтобы ребятишек родить. Придет — съест орешек — а вместе с зернышком в нее птичка чоко перепорхнет. Чоко — души не рожденных еще людей. Вон, видишь, растут они на дереве Омиа-мони? — указал дзе комо на диковинных птичек. — Да разве только души людей там растут? Тигрицы, зайчихи, медведицы, изюбрихи сюда приходят. Даже росوماхи. Даже змеи. Тайга всех родила, всем жизнь дала. Женщина зернышко съест — человек родится. Тигрица проглотит — тигр родится. Орлица склюет — орел родится. Понимаешь, Мэрген? Но только раз в году Омиа-мони себя людям показывает...

— Почему? — Лебедев подумал, что не зря спешил Игорь, как чувствовал он!

Дзе комо махнул рукой. Казалось, ему трудно говорить от волнения. Морщины резко обозначились на его усохшем лице. Сочувственно поглядев на друга, за него ответил домовой:

— Потому, батюшко Мэрген, что веры в людях не осталось.

— Какой веры? — не понял Лебедев. — В бога?

— Э, бог ваш... — протянул домовой. — Бога звон только когда вы себе выдумали, а с Омиа-мони почитай вся тайга пошла, от гада ползучего до лесных людей. Где ж тут богу одному управиться? Живое из мертвого не сотворишь, живое от живого идет. В старину и на Руси так было, покуда этого бедолагу люди на крест не прибили да не стали ему поклоны класть. Эх, и не чаял поди!.. А веры... веры не стало, Никола, в добро. Одним днем живете! Чудом, верой в сказку человек жил искони. Не зря добрым молодцам звери, птицы да чудодействия всякие помогали: умели те добры молодцы лесу поверить, реке в пояс поклониться, небу руку протянуть. Вот, не в добрый час сказать, ухайдакаемся мы с дзе комо аль на пулю напоремся охотницкую — только этим нас и можно взять, ну и самострелом еще, на зверя настороженным, — и все, след наш травой зарастет. Кто ж тогда помстится человеку темной ночью? Кто душу человеческую переполошит? Кто тайгу лицом к нему повернет, к сердцу ее тропку проложит? А тропка та не через буреломы да овраги — через песни-сказки лежит. По ней идти следует не с разинутым ртом, не с руками загребущими, а с поклоном, бережением! Это ж, Никола, ума большого не надо, когда в дверь твою стукнут аль звонком позвонят, — не надо, говорю, ума большого, чтоб и головы не повернуть: блазнится, мол! Ан нет... Ты с постельки-то пуховенькой на резвые ноженьки встань, не поленись двери отворить: что там, за порогом? Нет, обленилась душенька народная! Всякому, как тебе, и хорошо хорошо, и плохо не плохо. А у которого лени мало, так тот норовит на чуде лишний гривенник загрести, продать чудо норовит, вон как лиходей наш.

— Тише! — перебил дзе комо, в тревоге простирая руки.

Лебедев и домовой осторожно выглянули из-за куста.

Игорь стоял на коленях и перезаряжал пленку. То ли стрекот кинокамеры, то ли его мельтешенье по поляне разбудили дремавших зверей, и они решили познакомиться с пришельцем. Прекрасная, как женщина, тигрица, словно переливаясь всем своим шелковистым телом, сделала к нему несколько шагов.

Игорь отшатнулся, роняя камеру, схватил лежащее рядом ружье. Это недоброе движение насторожило зверей. Зашевелились кабаны, медведи. Вскочила на тонкие ножки маленькая косуля. Изюбр выжидательно наклонил корону рогов. Однако все они смотрели на Игоря пока без вражды. Да, но... и один-то взгляд звериный трудно вынести, а тут столько непонятных глаз устремлено. И когда тигрица вновь двинулась к нему, нервы Игоря не выдержали. Он вскочил, взметнув карабин, и выстрелил. Раз, другой... Лебедев, домовой и дзе комо припали к земле, и словно вихрь пронесся над ними. Приподнявшись, увидел

Лебедев, что поляна у священного дерева почти пуста.

Звери разбежались, птицы разлетелись. На поляне лежала только убитая тигрица, и неожиданно выглянувшее, будто на шум, солнце играло на ее золотистой шерсти. А рядом, то припадая к еще теплему боку матери, то поднимая голову, топтался тигренок-сеголеток. Он переступал широкими передними лапами, не решаясь нападать, играя в наступление. Был он лобастый и ушастый, а на круглой голове еще не сложились четкие, крепкие полосы — только темные пятнышки, похожие на очень крупные веснушки, лежали над глазами. И шерсть его пока не приобрела яркого оранжевого оттенка — была песочно-желтой, мягкой.

Из розовой, замшевой пасти тигренка рвался не рев, а обиженный слабенький рык:

— А-гг-рр-х-ха! А-гг-рр-х-ха!

Секунду Игорь стоял неподвижно, словно любуясь тигренком, а потом вскинул карабин. Раздался выстрел, но пулю принял домовый, который успел выскочить из-за куста и прикрыть собой тигриного малыша. Тот скрылся в зарослях, а следующая пуля, посланная ему вслед, пошла вверх, потому что теперь уже Лебедев оторвался от спасительного куста и, метнувшись через поляну, изловчился ударить Игоря под локоть. Рывок сменился мгновенной растерянностью, но этого мига хватило Игорю, чтобы развернуться и точным ударом сбить Лебедева с ног.

* * *

Боль парализовала все тело, и что-то случилось с глазами, потому что Николай с трудом различал твердое, почерневшее лицо Игоря, который озадаченно смотрел на него, будто не верил, что это — Лебедев. Потом Игорь приподнял его, посадил, прислоняя к чему-то твердому, прохладному. Затылком Лебедев почувствовал чешуйки, коры и понял, что это кедр. Он ощутил резкий запах смолы, и этот живой запах прояснил мысли, согнал пелену с глаз.

Игорь тем временем нагнулся над неподвижно лежащим домовым и пробормотал:

— Вот это здорово! Кто бы мог подумать, что эту пакость можно прикончить одним выстрелом!

«Хынь, хынь, хынь... Мне бы хоть маленькую, да пегонькую!..» — вспомнилось Николаю, и он невольно застонал.

— А, Лебедушка, Николашечка! — повернулся к нему Игорь, — Не усидел в своей тюрьме? С помощью нечистой силы решил выбраться? Зря ты жилы рвал. Я же не бросил бы тебя, на обратном пути вытащил бы, как обещал. Спешил ради этого. А теперь... — Он поднял карабин, но, заметив невольную судорогу, пробежавшую по лицу Лебедева, с наслаждением рассмеялся: — Нет, нет!..

— Стреляй, стреляй! — вырывалось из горла, и Николай краешком сознания удивился, что этот хрип — его голос, что именно он произносит такие слова. — Я ж тебе жизни не дам теперь!

— Сдурел? — удивился Игорь, наклоня к нему разгоряченное лицо. — Что это тебя так разбирает?! Из-за дружка своего переживаешь? Да ну, не смейся: благодаря ему тебе вон какие стрессы переносить приходится. Сидел бы дома, писал бы заметочки... — Он усмехнулся. — Или ты за природу вдруг разболелся душой? Ну что ж, это сейчас в моде. Тема — верняк. Вообразил уже, как изобразишь кинооператора — истребителя тигров? Но, во-первых, то была необходимая оборона, а во-вторых, твоим байкам обо мне никто не поверит. Помнишь, как обо мне говорили: «Игорь, мол, Малахов родился с кинокамерой!» Я ведь не только стрелял, но и снимал. Это не камера — чудо! Качество гарантируется! Фирма! Вот и ты — тоже запечатлен. И убитый амба тоже здесь. И разор на поляне, и перепуганные звери, и вспугнутые птицы... Лента будет на «бис»!

Легкая тень мелькнула в зарослях. Одна, другая, третья... Николаю почудились силуэты зверей.

Игорь склонился над камерой и ничего не замечал. Звери таились в кустах, сжимая

кольцо вокруг поляны. Вот сейчас они бросятся на людей... Николай хотел крикнуть, но почему-то не мог. Он был не в силах отвести глаз от вздрагивающих ветвей.

Игорь словно почувствовал что-то. Обернулся — и в это время ближайшие кусты раздвинулись. Угрожающе нагнув голову, из них показался медведь. С воплем Игорь бросил на траву зажигалку.

Огонь стремительно побежал по сухой траве, заключая поляну в кольцо, ударил зверя в морду. Рев прокатился по тайге, и Лебедеву почудилось, что эхом отозвался медведю дзе комо.

Николай уперся локтями в ствол и вскочил. Стянул свитер и принялся хлопать им по веселому пламени. На траве оставались черные пятна ожогов.

Он хлестал по огню, бил его руками, топтал его, готов был давить его всем телом. Раздирал горло в кашле, задыхался, а Игорь... не мешал ему, нет, он бегал следом с кинокамерой и иступленно снимал. И ничего, кроме вдохновенной радости художника, не было на его лице. Это и казалось самым страшным. Страшнее разговоров об убийстве. Страшнее огня.

Когда обессиленный Николай упал на колени, приткнувшись лицом к еще не сожженной траве, Игорь опомнился.

— Колька! — прохрипел он. — Таких кадров не снимал еще никто! Никто! Ни... — Его воспаленные от дыма глаза источали счастье, как гной. — Теперь я их... Они меня узнают... Эх, сейчас бы грозу! Жаль, что осень. Молнию бы в этот кедр, чтоб его никто и никогда больше не увидел. И только моя пленка...

Лебедев закинул голову и увидел нависшую над ним ветвь с голубыми иглами. Дерево душ. Дерево начала жизни. Души людей, не рожденных еще людей! Для них тайга на всю жизнь оставалась бы родным домом, как для их предков, и дети учились бы дорожить ею, беречь и любить ее. И тысячи, десятки тысяч птиц и зверей в течение столетий находили возле этого кедра приют, пищу и защиту. Свои щедрые семена сеял он на восток и на запад, на север и юг, чтобы не скудела жизнь в тайге и всем было в ней привольно, и просторно, и сытно — от серенькой летяги до насупленного клыкача.

Рядом с таким деревом человек не может не стать тем, кто он есть по своей сути. Это случилось с Игорем. Вот чем объясняется его перевоплощение! Вернется он домой — и опять будет «душа-человек», «первая камера», принесет себе удачу в виде голубого кедра, запечатленного на кинопленке и слайдах... А сам Лебедев? Он чувствовал, что прозревает, освобождается от странной духовной подчиненности Игорю. Исчезает вечное недоверие к себе, свободными стали не только поступки, но и мысли.

Но... может быть, он просто завидовал Игорю? Не сам напал на золотую жилу, не сам поведал о чуде, к другому придет слава первооткрывателя — опять к другому! А ведь всегда мечтал написать что-то такое, что могло бы всколыхнуть души людей. Он почему-то вспомнил о старых книгах в сырых подвалах библиотеки. Они сокрыты от людей, как этот кедр... Лебедев путался в мыслях. Об этом должны узнать люди, да! Рассказ мог бы заставить задуматься многих. Кедр вдруг представился Лебедеву неким средоточием всей приамурской земли. Сколько поколений русских удобрили ее потом и полили кровью! А иные из их потомков все еще считают себя здесь временными жителями. Нет, Лебедев не судил их строго. Эта земля, на которую когда-то пришли их предки, для многих оставалась лишь местом заработка, быстрой карьеры, недолгого пристанища или вообще чуть ли не высылками. Из чего же должна складываться любовь к земле, ощущение ее родиной? Из смиренного сознания, что именно здесь появился на свет? Да, но не только. Из тех бед и радостей, которые познал в этих краях? Да, но не только! Надо чувствовать в этой земле свои корни. А многих влекло отсюда на Рязанщину или Орловщину, в Поволжье, на Урал ли, где когда-то коренилась их родова. О ней жила память души, то, что громко можно назвать исторической памятью. Но сколь мало, трагически мало знали земляки Лебедева о тех, кто первыми пришел в Приамурье, строил здесь первые села, защищал эту землю уже как свою! Непредсказуемая, как погода, конъюнктура общественных веяний прихотливо вычеркивала

со страниц книг всякое упоминание об Албазине, южных границах, ссорах с великим сопредельным народом, тоже предъявлявшим права на эту землю. А тем, кто искони жил здесь и как раз был истинным хозяином тайги и Амура, отводилась роль всего лишь благодарственная за возрождение. Да, животворная кровь влилась в жилы старых племен. Однако возвращение физического здоровья порою влекло за собой утрату здоровья нравственного. Менялся уклад жизни — менялось и его отражение — искусство. Новые прививки не всегда шли впрок могучему старому дереву. Некоторые ветви его отмирали, да и молодая поросль порою принимала странные, даже уродливые формы. Листья и ветви могучего дерева становились модным украшением и яркой рекламой, а древняя сила его, прилежно изучаемая только специалистами, по-прежнему оставалась скучной тайной для множества людей.

Открыть им связь с этой древней землей, внушить преклонение перед ней! Да, о ее тайнах, о ее глубокой мудрости нельзя молчать. Нельзя прикрываться рассуждениями о неприкосновенности источников, иначе зарастут они травой, исчезнут. Найти бы Слово, то самое, которым победить можно, как говорил домовый. Найти слово — чистое, могучее, не запятнанное жаждой наживы или почестей! Оно должно быть свободно от всего этого, должно возникнуть из желания сказать правду о духовной жизни народа, возвеличить ее красоту, а не из стремления поймать прихотливую удачу там, где ее еще никто не ловил, как об этом мечтает Игорь.

Два человека лежали на поляне, чуть живые от усталости, и перед каждым стояла своя дума. Дума одного шумела, словно прибой аплодисментов. Дума другого звалась прозрением и говорила, что когда творец начинает заботиться не о том, как отзовется в душе и сердце его творение, а о том, чтобы кого-то обойти, обогнать, опередить любой ценой, он становится похож на карьериста-анонимщика, на убийцу, который подкарауливает за углом человека, мешающего достичь желанной цели... И еще Лебедев подумал, что когда искусство всеядно и неразборчиво в средствах, оно напоминает обожравшегося людоеда, И не создать тогда художнику ничего значительного, великого или просто — необходимого людям.

Лебедев поднялся. Игорь лежал неподвижно, словно дремал. Николай осторожно вынул из его усталых рук камеру и хряснул ею по стволу кедра. Полетели осколки пластмассы. Он еще успел выхватить из рюкзака кассеты с отснятой пленкой и выпустить ее тугую спираль на свет, когда Игорь прыгнул на него, словно рысь. Они катались по траве, ненавистно хрипя в лицо друг другу, и Николай вдруг ослабел, увидев слезы в глазах своего врага. В ту же минуту Игорь, изловчившись, стукнул его по горлу ребром ладони. Удар получился вполсилы, но Николаю показалось, что из его легких разом выдернули весь воздух.

* * *

...Он открыл глаза и вяло удивился: оказывается, он уже много, много дней лежит на этой поляне — вот и осень минула, пришла зима, метет метель... Почему же не холодно? Присмотрелся — и не поверил глазам своим.

Омиа-мони был почти на высоту человеческого роста обложен сухими ветками. Игорь, видимо, опасался за сушняком заходить в тайгу, а потому срубал их маленьким охотничьим топориком с белого дерева и таскал к кедру. То, что Лебедев принял за хлопья снега, оказалось клочьями паутины, реявшими в воздухе, цеплявшимися за ветви кедра, траву, облепившими волосы и одежду Игоря. Легкие нити медленно летели за полосу сожженной травы, к настороженной тайге.

Николай дернулся, пытаясь встать, и почувствовал, что его руки связаны ремнем. Видно, Игорь решил больше не рисковать.

— Игорь, — крикнул Николай, — что ты делаешь?!

Тот не остановился, лишь скользнул по нему взглядом. Его потное лицо, покрытое паутиной, напоминало звериную морду.

— Хватит, — невнятно сказал он. — Не я... так пусть его никто не увидит. Еще год? А потом не найти? — Он говорил то громко, то тихо, пропуская слова. — Еще кто-то увидит... Поналезут. Нет уж. Проклятое!.. Душу вынуло. Два года, два года мечтал!.. Нет. Никому не дам.

Николай догадался, что Игорь решил поджечь сушняк и уничтожить кедр. Может быть, злоба помутила его разум? Ох, что же делать?!

И вдруг Игорь запнулся. Он запнулся на ровном месте и упал на колени. Ткнулся в охапку веток, выпавшую из его рук, — да так и замер.

Шли минуты — он не шевелился.

Николай повернулся на бок, оттолкнулся от земли и с трудом сел. Не скоро ему удалось встать и подойти к Игорю. Наклонился, тронул его плечом. Игорь мягко повалился наземь. Его глаза были открыты, лицо спокойно. Лебедев смотрел, смотрел в это лицо, пока не догадался, что Игорь мертв.

Николай поднял голову. Те ветви кедра, которые покрыла белая паутина, на глазах засыхали, словно смерть касалась их своей рукой. Посмотрел на побелевшую от паутины голову Игоря — и вспомнил его рассказ о старухе-сказительнице, которая умерла неподалеку от этой поляны и голова которой тоже была покрыта белой паутиной. Вовсе не лечебную траву искать, как решил Игорь, ушла в тайгу старуха. Родные сказали, что она пошла лечиться, но ведь уничтожить хворь могут не только целебные травы, но и смерть... Да, там, где растет дерево начала жизни, должно расти и дерево ее предела. Вот оно, дерево смерти! И его паутина уже окутала кедр...

Николаю показалось, что ветви кедра вздымаются, словно руки в мольбе. Сквозь кору Омиа-мони проступили очертания человеческого тела. Это была женщина... лицо ее смутно виднелось сквозь белую пелену паутины.

Николай вскочил и принялся ногами отшвыривать от кедра сухие ветви. Их было много, и паутина взвилась густым белым облаком от его резких движений. Лебедев остановился. Он бессилен один справиться со смертью! Оглянулся. Тишина тайги смотрела на него. Если бы Лебедев знал какие-нибудь заклинания, он просил бы сейчас помощи у зверей, птиц, облаков!

Вдруг он почувствовал, что ремень, стягивающий его руки, расстегнулся. Дело пошло лучше. Он оттащил ветки обратно к дереву смерти и принялся обирать паутину с ветвей и ствола кедра. Это оказалось трудным делом — паутина была очень липкая. Она забивала ноздри, мешала дышать, склеивала ресницы. Он как-то вдруг страшно устал, пальцы бессильно скребли кору, а паутина не снималась... Лебедев прижался к стволу Омиа-мони, обнял его, но ноги не держали. Он медленно сполз на землю и почувствовал, что больше ему не встать.

Стало так тихо, словно паутина приглушила все звуки. И в этой белой тишине Лебедев увидел дзе комо, стоявшего у края поляны. Казалось, он не может решиться ступить на полосу выжженной травы. Но вот комо сделал шаг, другой... перешел ее... и Лебедеву показалось, что вокруг его худенькой фигуры раскалился и заколебался воздух. Кружась, словно в танце, дзе комо начал обходить поляну, и от его плавных движений вздымался ветер. Быстрее кружился дзе комо — и ветер усиливался. Он срывал с ветвей, ствола голубого кедра, с лица и одежды Лебедева паутину, и она кружилась вокруг дзе комо. И вот уже белый смерч несясь вокруг поляны. Внезапно вспыхнуло легкое голубоватое пламя — Лебедев вспомнил, как мальчишки поджигают в июне тополиный снег... Вспыхнуло — и в тот же миг не стало на поляне ни белой паутины, ни дзе комо. Наверное, теперь он снова встретился со своим другом — домовым...

* * *

Воздух на поляне вновь стал чист и свеж, волны голубого сияния окутали кедр, и Лебедев увидел, что из его ствола вышла Омсон.

Она помогла Николаю встать, и, опираясь на ее руку, он медленно сделал несколько шагов, чувствуя, как покидают тело усталость, боль и страх.

— Куда мы идем? — спросил он.

Ее лицо было совсем рядом.

— Ты пойдешь теперь сам. Тебе другой путь.

И он вспомнил, что у каждой сказки бывает конец. Огляделся — и удивленно спросил:

— Где Игорь?!

— Ты еще встретишься с ним, и не раз. Но теперь ты знаешь...

— Он жив? Значит, все это... наваждение?

— Все правда, — твердо сказала Омсон. — Все было. Два человека смотрели друг другу в глаза: один убивал жизнь тайги, а другой закрывал ее собой. И так будет еще не раз. Каждый идет своим путем.

— А где же домовый и дзе комо?

Улыбка легла на ее губы:

— Не спрашивай о том, что невозможно объяснить.

И тут Лебедев увидел в черных волосах Омсон красную прядь, похожую на рану, и невольно коснулся ее. Легкий пепел остался на его ладони.

— Что это?

Омсон слабо улыбнулась:

— Тайга горела. Трава, кусты — мои волосы...

Ему было больно говорить, но он заставил себя произнести:

— Я не увижу тебя больше?

Омсон смотрела на него. Ее лицо приблизилось к его лицу, щека слегка коснулась щеки. Они стояли так, и Лебедев слышал, как ветер брел сквозь тайгу, неподалеку звенела вода в каменном русле, а за облаками кричали неведомые птицы. Потом Омсон отстранилась.

— Посмотри, — сказала она. — С тобой хочет проститься и он...

Лебедев опустил глаза и увидел, что к коленям Омсон жметесь тигренок. Тот самый! Николай присел на корточки и заглянул ему в глаза. Они были не злыми, не испуганными, а просто растерянными: светлые-светлые, зелено-желтые, совсем детские глаза. В них играли солнечные зайчики, как на мелководе, а черные зрачки хранили настороженный вопрос.

Николай потянулся погладить тигренка и...

...чуть не упал с выступающего ствола, на котором притулился и задремал.

Сырость пробирала его до костей. Лебедев оглядел «стены» завала: за ними слабо светился день.

Сон — только сон! Но как сжимается сердце!.. Надо спешить, словно бы шепнул кто-то на ухо, и Николай стянул энцефалитку, уже зная, что и как надо делать.

Вот дырочка, наверное, прожженная у костра. Вот готова «веревка». Вот полетел вверх обернутый в капюшон камень. Сорвался — не беда, еще раз бросит. Есть!..

Окинув взглядом свою недолгую тюрьму, Николай, упираясь ногами в скользкие стволы, полез, вернее, пополз вверх.

Когда он был у самого верха, та увидел, что камень под его тяжестью вот-вот перевалится через сук. Однако Лебедев не испугался. Он не сомневался, что «веревка» сейчас снова натянется. Так и случилось, но... Николай вдруг замер. Кто ждет его наверху? Домовой, как во сне? А что, если — Игорь? Какой выбор поставит перед ним явь?

Он высунулся из щели и...

Что-то резко, громко зазвенело. Лебедев вскинулся, ничего не понимая.

Было тихо. За окном стояла глухая чернота. Наверное, еще глубокая ночь! Николай закрыл глаза, унимая всполошенное сердце.

Звонков больше не было. Лебедев подождал немного... Потом спустил на ледяной пол ноги, подошел к входной двери и открыл ее.

Андрей Дмитрук **КОФЕ В ЧАС ВОЛКА**

Автор приносит благодарность за помощь Анатолию Кириллову

Под утро художнику-оформителю приснился сон — один из тех поразительно счастливых снов, где сверкают улыбка и приключение. Не успеваешь проснуться, и вот уже испарились события, и остается только щемящая сладость иной раз надолго, надолго...

Он лежал, не желая разнимать накрепко спаянные веки. Ловил последние вздохи приснившегося леса, глубину и свежесть, великий покой, подчеркнутый резким щебетом пичуг и гнусавым звоном насекомых. Скрипнули в вышине сучья, синицы обменялись короткими возгласами. И вдруг, сламывая и смешивая дрему, над самым ухом пробили главные часы страны, и вагонами покатались сообщения. Дикторов было двое — мужчина и женщина. Судя по категорически-бодрым голосам, они успели отменно выспаться.

Еще не в силах протянуть руку, чтобы выключить радио, он продолжал лежать, а на него уже наваливались все прелести ясного сознания. И прежде всего жгучее чувство стыда. Надо же так набраться, чтобы не помнить, как выпроводил «толпу», чтобы лечь спать при работающем динамике... У корня языка гнездилась ноющая боль, словно от царапины. Конечно, стакан воды он себе не поставил, и чайник пуст, и сейчас придется плестись к этому отвратительному крану, пахнувшему ржаво и затхло. А потом — обратно на диван, еще хотя бы на пару часов.

В «Последних известиях» мелькнула пауза, и он — уже вполне трезвым ухом — успел принять короткую морзянку дятла и понял, что ни гул ветвей, ни лесная шелестящая благодать не исчезли.

После крепкого массажа пальцами удалось разлепить веки. И тотчас, поймав боковым зрением яркий свет, зелень и трепет, он повернулся и вскочил так резко, что застоявшаяся кровь больно ударила изнутри в череп.

Посреди истоптанных, закапанных краской половиц лежал оазис густой зелени, выпуклый, как бок спящего медведя. Как если бы некто из вчерашней «толпы», решив подшутить над пьяненьким хозяином, ночью втихомолку вынул часть досок и на место их аккуратно погрузил вырезанную где-то на поляне шапку крылатого орляка, цветов и цепких трехлистных ежевики. Все это увенчивал куст шиповника, осыпанный алыми лакированными бусинами. Но, во-первых, велик был остров, как раз человеку лечь, раскинув руки и ноги — для подобной шутки нужен грузовик и целая бригада рабочих. Во-вторых, вообще не мог существовать в Северном полушарии, ибо за окном полуподвала серел грязным снегом анемичный ранний апрель. И в-третьих и в главных — не только на островке стояло иное время года, что было с чудовищной натяжкой допустимо при наличии теплиц. Нет — кругом гудел, щебетал и похрустывал, своими вздохами тревожил застойную табачную муть незримый лес. Трава была освещена совершенно иначе, нежели хмурая комната, — щедрым полным солнцем. Остров исходил жаркими золотыми столбами, немного не достигавшими потолка. В солнечных колоннах сновали, вспыхивая, мошки, солидно перепархивал иссиня-багровый мотылек. Внезапно легкие отвесные тени, топчась и приплясывая, столкнулись над островом — и стало понятно, что лучи падают сквозь колеблемые ветром кроны.

Как положено при оглушительном впечатлении, после первой темноты в глазах и толчка во всем теле, подобного резкой остановке автомобиля, наступило равновесие. Перестроившись на новые условия игры, сознание наконец почувствовало себя дома. Уже почти спокойно ступил он на изрядно нагретый пол. Рука сама нащупала сигареты и зажигалку.

С весельем очарованного внимания присел наш герой перед островком, рядом с крайними стеблями.

Вещь была неоспорима. Нагретой землей, муравейником и грибницей пахло в комнате. Ласковое тепло прикоснулось ко лбу, голым коленям и рукам. Тепло живое и осязаемое, как

огромная кошка, во всеоружии соблазнов лета, безделья и загара, особенно манящих для души, издерганной полугодовыми холодами. Захотелось броситься с размаху прямо в солнечный туман, всем телом подмять папоротник.

И он чуть было не сделал это. Уже напряг мышцы ног — но внезапно заметил, как сизая струя, выпущенная после очередной затяжки, растекается по невидимой преграде. Как будто за стеклом золотился маленький рай... Веще чутье заставило встать и отойти от греха.

Нестерпимый по контрасту, изо всех углов прыгнул на него сырой озноб. Бегом ворвавшись в первую комнату, он занял дощатый закуток — самодельную ванную — и подставил голову под кран. Фыркал, плевался, тер зубы пальцем, намазанным мятной пастой — черт унес куда-то щетку. В зеркале осматрел разинутый рот и подъязычье — ничего, никаких повреждений. Голова, опять напомнила о себе при небрежном повороте, и он дал клятву держать в мастерской анальгин.

«О чем это я думаю?!» — одернул он себя, возмущившись, будто совершил святотатство. Причесываясь и подстригая бородку все перед тем же зеркалом для бритья, представил себе Крымова — бригадира, старшего партнера по мастерской. Беспардонного Крылова, который мог явиться в любую минуту. Разумеется, не так рано, однако, безусловно, мог. То ли доделывать эскиз пенопластового фриза для Дворца культуры «Строитель», то ли с очередной подружкой, разомлевшей от его колоритного брюха и безудержного шутовства. Но Крымов ли страшнее всех? Еще не догадываясь, что за диво поселилось под его крышей, — хотя интуиция нашептывала что-то знакомое, — наш герой уже ревновал зеленую тайну, опасался санитарных комиссий, испытывающих охотничью страсть к мастерским; пожарных и милицейских чинов, тоже нередко жаловавших в гости и глубоко убежденных, что государство зря предоставляет отдельным, причем не лучшим своим гражданам некую площадь, помимо квартир.

Вообразив обморок должностного лица, вслед за этим — волокиту письменных объяснений, дикое любопытство города и, как триумф справедливости, ледяной блеск научных приборов, — вообразив все это, он мрачно вернулся во вторую комнату. И успел заметить огромную, больше вороны, серо-коричневую птицу, скользнувшую, распластав маховые перья, над самыми головками лиловых колокольчиков. Птицу, бесшумно возникшую из ничего и исчезнувшую за краем солнечного потока.

Его словно обварило. Ноги задрожали так, что пришлось опять сесть на диван. Наконец-то он постиг свою судьбу в случае подчинения соблазнам островка — то есть чем обернулся бы желанный отдых на солнышке.

Слава богу, «Теорию относительности для миллионов» он в школьные годы штудировал; фантастику тоже пожирал, только давай... Пересеклись две независимо существующих Вселенных. Та, другая, вливается в точку пересечения звуками, запахами и ветром; зноем, уже заметно нагретым комнату, и наивной пестротой лесных цветов. Реальность этой *встречи* сложна и мало доступна рассудку. Во всяком случае, проникновение неравномерно. Возможно даже, односторонне. Если до сих пор еще мелькала шальная мысль, — а что же возникло *там* на месте подлеска, неужели кусок замызганного пола? — то теперь ее стерло новым, жутковатым пониманием. Островок странным образом существовал в *обоих*, мирах, никуда не пропав из родного леса. Причем, очевидно, мастерская оставалась неощутимой *оттуда*. Птицы пролетали сквозь нее, и невидимые дебри, вероятно, расстилались там на месте города. Землянин, ступив через границу островка — если это возможно, — оказался бы среди трав и стволов, под небом иного бытия. Относительно Земли это было бы все равно, что умереть.

...Что делать дальше? Разориться на червонец-другой, заказать ребятам из выставочного цеха складную брезентовую ширму? Толку нет. Все равно солнце будет проникать *оттуда*, и скоро полуподвал накалится так, что придется работать при открытом окне. От чужих глаз никуда не денешься. Тем более что и время суток в двух мирах не совпадает — значит, станет сиять на весь двор среди ночи... Ах, черт бы тебя побрал! (Он

курил машинально, чувствуя отвратительный вкус во рту). Опускай глухую штору на ночь, приходи в банную жару... Да, это сейчас жарко, а потом? Если *там* кончится лето? Вычерпывать ведрами ноябрьский ливень? Мерзнуть, зарабатывать воспаление легких, когда в комнате валит снег?

Страх сменился яростной досадой. Он уже едва не плакал, глядя на островок. Он горько сожалел, что не может забить окно досками, навесить амбарный замок и навеки не показываться на этой улице. Работа. Крымов. Кроме того, даже если бы удалось скрыться — грозовой потоп, подмывающий дом; удар молнии, лесной пожар. Страшные сюрпризы, после которых уже никому ничего не докажешь.

...Наконец он окончательно осознал, что и с чудом, и с мастерской придется распрощаться. Вот так-таки пойти и доложить. В ту же самую милицию. Видимо, и досада-то, и ярость происходили от глухого изначального чувства неизбежной утраты. Несмотря на все грозящие неудобства — ох, как же не хотелось снова смотреть на загаженные половицы!.. Успел отогреться, прильнуть душой к маленькому раю. Ведь не было, не было в его жизни до сих пор ни волшебства, ни тайн. Куда там! Училище, провал на экзаменах в художественный, армия; и вот уже восемь лет, как навязчивый мотив, — рекламный комбинат. Крымов, Лана, похмелья, денежные заботы: «сделать потолок»; «втереть очки» худсовету, выдав дешевую работу за более дорогую; сорвать щедрый «левый» заказ, и так далее....

Пока не натикало семь, он курил и со всей осторожностью, как минер, бродил вокруг оазиса. В общем, уголок был вполне земной, среднеполосный, хотя поручиться за полное совпадение он не смог бы из-за постыдного незнания ботаники. Определенно был знаком орляк, с его грубыми перьями на голых рыжих стеблях — плебей среди папоротников. Ну, лопух, изгрызенный жуком или червем... та же на нем паутина, тот же лиловый отлив мясистых черенков. Белые лепестки ежевики начинают осыпаться, обнажая кулачки будущих ягод, — август? Привычные скромные звездочки багряных гвоздик, лепешки тысячелистника. А такая штука есть в наших лесах? Ажурный сизо-голубоватый шар, на вид жесткий, как сталь, с торчащими шипами. Плохо быть невеждой в делах природы, выхолощенным горожанином...

Натягивая водолазку, джинсы, проверяя содержимое карманов пиджака и пальто — удостоверение, платок, деньги, талоны на транспорт, — он ощущал, как растет сердцебиение. Дико, невообразимо. Не упасть бы на улице, как записные инфарктники. Однако никуда не денешься — надо идти, ждут...

От порога он обернулся на слабый, вкрадчивый шум, подобный топоту крошечных человечков. Редкие капли постукивали по ягодам, скатывались по ложбинкам листьев... но через минуту стало ясно, что дождь не состоится. В последний раз кивнул ушибленный каплей колокольчик, и вновь брызнул полдень, заплясали огненные мошки.

Выйдя на темную подвальную площадку, он привычно нагнулся и сунул было ключ под резиновый коврик. (Недавно у них с Крымовым было два ключа, затем Лана посеяла один из них.) Итак, наш герой уже отогнул край коврика, но, повинаясь все тому же вещему голосу, вдруг отпустил его. И положил ключ в карман...

...Выпив в гастрономе бутылку пива, он отправился колесить по городу. Ездил целый день, и день не удался. Даже погода была под стать событиям. Промозглый ветер катился из улицы, в улицу, хозяйничал как в аэродинамической трубе, залеплял водой ветровое стекло такси, и «дворники» противно взвизгивали, размазывая грязь...

...Строго говоря, наш герой вообще не любил бывать там, где уже окончил работу. Восемь лет оформительской лямки сделали его мудрым. Заказчик всегда егозит, когда договаривается с тобой, он прямо-таки излучает предупредительность. Заказчик верит, что твой стенд (витрина, рельеф, щит, набор знаков для торгового зала) сделает эпоху в рекламе. И вот — слаб человек! — ты сам начинаешь верить, что создашь *нечто*, разорвешь будничный круг... Ах, не разорвешь ты его никогда! По мере выполнения убеждаешься, что работенка будет рядовая, и дай бог, чтобы приняли ее и свои, и чужие; и прощаешься с

заказчиком скомканно, отводя глаза, а он, деликатная душа, молчит.

...Торгово-экономический институт — здесь он оформил кабинет общественных наук... Худсовет работу принял, как вполне ординарную. Декан, обидно заметив — «на твердую троечку», все же обещал подписать приемо-сдаточный акт. Что ж, и то хлеб... Следовало побывать у трех заказчиков, а также в бухгалтерии художественного комбината...

И опять надсадно трубил ветер проспектов, и сбивались под низким грязным небом автомобильные пробки, и постовые в опущенных капюшонах шествовали угрюмо, как чернецы.

Из дневной круговерти он выпал около шести вечера, вконец издерганный, голодный и преследуемый дразнящим видением, которое, безусловно, было связано с походом в расчетную часть комбината, где усталые женщины копошились в месиве бланков. Представилась ему груда лимонно-желтых, кирпичных и кровавых листьев. Когда там наступит осень, опавший груз невидимых, где-то за перекрытиями бормочущих крон затопит островок. Печальный и пряный запах будет в мастерской, и шелест, похожий на жалобу леса.

Почувствовав, что на глазах выступают слезы, он опрометью свернул в какой-то мокрый, зябкий палисадник и стоял там один над ноздреватыми сугробами, пока не отхлынула горечь. Вспомнились давние, наивные надежды, похороненные под цинизмом и суматохой. Как мальчишкой тщательно срисовывал эти самые осенние листья, любовно отобранные в парке; как старался не пропустить ни одной жилки, ни одного зубчика... Как, чуть повзрослев, строил натюрморты: кружка, яйцо, фарфоровый слоник... Грезилась ему тогда жизнь живописца, вольная и ясная, точно игра детей за уэллсовской «дверью в стене», и в то же время вдохновенно-аскетическая, подчиненная одному лишь пафосу творения. Дивные полотна складывались на пороге сна, поражая гармонией и смыслом. Вот цель его земных дней... Не будет суетной погони за удовольствиями, мелких расчетов; темные порывы инстинктов не одолеют его... В четырнадцать лет он засыпал счастливым, с холстом и красками у постели, чувствуя себя посвященным в рыцари и готовым на подвиг.

...А не оборвать ли все одним ударом? Заявление на стол, и в аэропорт. Вещмешок, этюдник... Много ли ему надо?

Струсил. Сцепив зубы, втиснулся в очередной троллейбус и поехал в центр.

Наступило тягчайшее из испытаний.

Кофейня, расположенная в холодном и прокуренном подземном переходе на центральной площади, встретила дежурным набором лиц. Мальчики за тридцать и мальчики за сорок, вершившие свой крестный путь на стыке нескольких искусств, не прикасаясь ни к одному из них, заказывали «двойные» без очереди. Буфетчица была своя. Следовало только вовремя возвращать ей чашки, вынесенные из круглой стеклянной кофейни в подземный переход, туда, где можно курить. Здесь витийствовали поэты, которых не публиковали, и трясли невымытыми кудрями художники, коих не выставляли. Жажда самоутверждения, густая, как табачный дым, накапливалась в переходе, метко прозванном «трубой». Все вылетало здесь в трубу — время, молодость, крохи способностей, ясный ум. Здесь проводили дни и годы, старели, повинаясь расслабляющему влиянию бесчисленных «двойных» и бесконечной болтовни. Здесь было единственное место на земном шаре, где местные мыслители могли собрать аудиторию. Возникали микрокумиры, калифы на час. Женщины с помятыми лицами и голодными глазами по-кошачьи бродили в толпе, жадно вдыхая дым и сплетни. Здесь знали все про всех, ворошили чужое белье страстно и самозабвенно, поскольку занять мозги было нечем. Порою в «трубе» складывались брачные союзы; чаще происходили скандалы с мордобоем, дававшие новую пищу языкам женщин-кошек.

Войдя в толчею «трубы», наш герой пожал несколько рук и привычно отмахнулся от предложений послушать стихи, купить фотокопию буддийского гороскопа, выяснить отношения по поводу общей знакомой и т. п. Но если от «трубных» знакомых можно было легко отделаться, то Крымов, прочно занимавший место на подоконнике внутри кофейни, был настоящей проблемой.

Никита, напоминавший чудовищного бутуза-переростка из «Пищи богов», покоем среди болтливой мелюзги, как танкер на рейде, окруженный снующими катерами. Привычным ветерком оведали его пустословные споры с немедленным переходом на личность, неуклюжие пикировки; улыбка, раз и навсегда растянувшая огромные губы, не покидала клоунского лица. Он бывал подчас ужасен в своей улыбочивой беззаботности. Лево́й рукой Крымов пригибал плечи курносой толстушки в клеенчатом плаще; правой, в которой была чашка кофе, завладела шустрая смуглянка с заячьими передними зубами, треща́вшая быстро и возбужденно. Девочки тянулись к Никите, поскольку он совмещал в одном лице и младенца, и огромного, как бык, мужчину.

— А кто это к нам пришел? — засюсюкал Крымов, увидев младшего совладельца мастерской. — А кто это бабушку зарезал? — Голос у него, как у многих непомерно грузных людей, был пронзительный и какой-то спертый, сдавленный до визга. Белянка-толстушка уже переглядывалась с подругой, предвкушая очередную потеху.

— Ник, мне с тобой поговорить надо. Выйди, а?

— Ого! — выкаченные глаза бригадира чуть было не покинули орбит. — Держите его, он еще не очнулся со вчерашнего! — Он сделал вид, что прячется за девичьи спины. — Убьет ведь меня сейчас, изуродует! Смотрите — глаза, как у Раскольниковца!

— Пожалуйста, выйди! — устало и терпеливо повторил наш герой. Еще раз всплеснув подушками ладоней, но уже понимая, что представления не получится, Крымов нехотя поднялся, поставил чашку и вышел в переход, к лестнице, ведущей наверх.

— Охота тебе шута корчить, Никита? Сколько можно?

— А кого мне корчить? — резонно ответил тот, поднимая воротник стеганой ярко-желтой куртки. — Роденовского мыслителя, как ты? Так это еще смешнее... Ты что, вытаскивал меня сюда, чтобы читать проповеди?

— Нет, — покорно улыбнулся наш герой, уже готовый признать вину. Душа его качалась сегодня маятником — от мрачной нервозности к радостному умилению. В конце концов детское преобладало в Крымове, и он мог бы после надлежащей подготовки принять тайну. — Видишь ли... У меня кое-то случилось... одна вещь... странная такая, не знаю, как тебе объяснить...

Он оборвал себя. Шутовская маска на лице Крымова озарилась грубым, хитрым торжеством. Конечно же, Ник истолковал услышанное в худшую сторону, разом уничтожив доверие и порыв. Можно было понять, что событие, взволновавшее друга, носит в его глазах низменный, срамной характер. Можно ли было отдать ему прозрачные тени на золоте, кровь ягод и звон жуков, пролетающих из ничего в ничто?..

— В общем... ты не приходи сегодня в мастерскую. Ладно?

— Так. — Крымов расплылся в нарочито подобострастной гримасе. — А завтра можно, начальник?

— Не знаю. Завтра встретимся, скажу.

— Может быть, ты в одиночку и «Строитель» уболаговоришь? — Крымов все еще держал придурковатую ухмылку, но глаза нехорошо сузились.

— Это ненадолго... прошу тебя... день, два... там все равно сейчас нельзя работать... я так редко тебя, о чем-нибудь прошу, — заторопился он, сознавая, впрочем, что вопиет в пустыне. Беззаботность Крымова было нелегко поколебать. Но кому это удавалось, тот раскаивался.

— Ты что же это, парень? — с угрожающей мягкостью осведомился Никита, и с младенчески-круглых щек его сбежал румянец. — Кому ты пудришь мозги? Что я, тебя не знаю, что ли? Седина в бороду, а бес в ребро? Курсисточку завел? Вот я Лане скажу, не обрадуешься...

— Какую курсисточку? — пролепетал наш герой, смешавшись и теряя нить мысли.

— А такую! Не женитесь на курсистках! — Никита зашелся показным хохотом.

— С ума ты спятил! Да что у меня, дома своего нет, что ли?

— Тоже мне, дом! За стенкой мама с папой, которым давно хочется нянчить внуков...

от Ланы.

Крымов явно издевался, шел на скандал, и обе его приятельницы давно прильнули к столику, лица выражали испуг пополам с жадным любопытством.

— Раз в жизни... раз в жизни попросил тебя о чем-то важном. — Собрав все свое небогатое мужество для следующей фразы, наш герой выпрямился, застегнул пальто на все пуговицы и отчеканил:

— В общем, имей в виду: сегодня я тебя не пущу. Как хочешь. Я предупредил.

— Э, да ты не шутишь! — вдруг совсем другим, торопливым и мнимо-бесстрастным тоном сказал Никита. Так говорят перед тем, как ударить. — Что в мастерской? Потолок обвалился? Пожар? Ну?!

— Ник... — прошептал наш герой, пятась, точно от наезжающего танка.

— Ключ, — все так же сказал Крымов и лихорадочно облизнул губы. — Где ключ?

— У меня.

— Дай-ка его сюда.

— Нет.

— Быстро! — Надвигаясь животом, Никита оттягивал ручищу, сгибая и разгибая пальцы. — Давай, а то я и без милиции справлюсь!

— Не подходи!

Голос сорвался каким-то щенячьим писком. В носу предательски щипало. Мало, мало мы меняемся с детства, зря представляем себе возмужание, как полную метаморфозу, выход, мотылька из куколки... Вот и дрогнули, расплылись выложенные плиткой стены подземного перехода.

Крикнув что-то впрямь оскорбительное, Крымов вцепился в левый рукав нашего героя. Изо всех сил ударив кулаком правой, злосчастный хранитель тайны освободился и побежал, не оглядываясь, вверх, на центральный проспект.

Обида, жгучая, как жар на переломе болезни, не помешала трезво оценить положение. Следовало тотчас взять такси. Он был уверен, что Крымов, наоравшись вволю перед девочками, сделает то же самое.

Запереться. Выдержать осаду. Ник дверь не выломает, побоится. Но вот милицию, пожалуй, приведет. А что, если сразу явится с участковым? Нет, в это не верилось. Хотя и открылся сегодня Крымов с неожиданной стороны, но не совсем же он чужой, восемь лет что-нибудь да значат...

Прошлепав низким сводчатым подъездом, соединявшим старые дворы-колодцы, наш герой вошел в свое парадное. Сырая тьма встретила его. Только на одном из верхних этажей желтел тусклый свет. Надо же так опуститься — за полгода не сменить перегоревшую лампочку на своей площадке...

Он удержал ногу над ступенями. Показалось, что кто-то притаился за дверью мастерской; смотрит, как выбивается из замочной скважины тоненький сизый лучик. Нет — ничего. Только тихая холодная нить подмигивает, словно в комнате работает телевизор. Дополняя впечатление, младенцем завопила ночная птица; ей ответил далекий вой хищника.

Он все еще медлил спускаться, когда из какой-то квартиры просочился, вызывая голодную слюну, запах тушеного с пряностями мяса. Сбегать бы в гастроном. Ведь ничего с утра во рту не было, кроме бутылки пива и двух пирожков на ходу... Нельзя. Крымов. Сейчас ворвется. Квартиры извергали лязг кухонной посуды, дробь детской беготни, возгласы женщин. Потом словно трамвай потащился по битому стеклу — в девятой врубили музейный магнитофон. На первом этаже завопились с замком, выходя. Ему не оставалось ничего иного, как вставить ключ. Хоть какую-то пользу принес островок — не надо было ощупью искать скважину...

На пороге мастерской будто опостылевший груз упал с его плеч. Зато ноги сразу обмякли, как у путника, одолевшего безмерные пространства. Он протащился во вторую комнату и рухнул на диван с благодарным чувством возвращения.

Фосфорический циферблат будильника показывал восемь с четвертью; следовательно,

там могло быть около двух часов ночи. По счету Древнего Востока — час Волка.

Ночное светило, царившее в чужом небе, было, очевидно, непохоже на наш вечный спутник. Его сиренево-желтый, осязаемо плотный свет казался ярче лунного. Сияние размытым куполом струилось над островком, точно обозначив объем взаимопроникновения миров. Вершина полусферы почти достигала потолка, края касались альбомов на полке и бесстрастно, разоблачительно освещали до последней царапины все убожество рельефа.

Потеряв дневную пестроту, растения были очерчены электрическим контуром. Зубцы, черенки, соцветия и усики горели хрупкой голубизной; вязь теней была черна, как узорный чугун. Чуть волнуясь, трава показывала мнимую глубину.

Он увидел дрожащие искры на лопухе, потеки на полу — и понял, что дождь все-таки прошел, и пожалел, что нет микроскопа, который позволил бы в капле рассмотреть лицо сиреновой луны.

Поднявшись, он вышел в первую комнату — за ведром и тряпкой.

Тут как раз постучали в дверь, и довольно настойчиво. Наш герой только улыбнулся — значительно улыбнулся лесной ночи, как заговорщик, как равный. Душа оттаяла бесповоротно. Будем достойными своей божественной сущности. Конечно же, он впустит Крымова, и потешится над его неминуемым столбняком, и поделится своим толкованием чуда. Возможно, Никита предложит какое-нибудь реальное объяснение, чем перекресток четырехмерных континиумов. А потом, налюбовавшись... Один из них все-таки пойдет в райотдел. Ибо нет в государстве спецслужбы, ведающей взаимопроникновением миров...

Открывая, он заранее задрал голову, зная, на какой высоте увидит яростные зрачки Крымова, и был просто ошарашен, уткнувшись взглядом в темноту. Маленькая щуплая гостья зябко передернула плечами:

— Что это у тебя тут делается? Ящик купил, что ли? (Ящиком Лана именovala телевизор.) Или напрокат взял? Умные люди берут напрокат на несколько лет, так дешевле... А почему ключа нет на месте? Я весь газ сожгла в зажигалке... Да пусть же!

— Лана, — сказал он, и во рту пересохло, точь-в-точь как утром, и виски снова тронула изнутри боль. — Лана, я сейчас пушу тебя, но прежде...

— Ты не один? Кто у тебя, признавайся?

Она сказала это нарочно громко — и уже пыталась из-за спины хозяина рассмотреть источник сиреневого, поразительно интимного ореола. Наш герой знал способность Ланы ревновать и взбеленяться из-за пустяков, подчас оскорбляя ни в чем не повинных женщин, оказавшихся рядом с ним случайно или по делу. Вот и сейчас — острый носик под краем вязаного берета так и вытянулся... Он не сдержал смешка, и Лана, мгновенно разъярившись, сильно толкнула его и вбежала в мастерскую...

Полминуты спустя она уже сидела на диване и замороженно слушала. У Ланы были прекрасные, глубокие темные глаза на впалом личике; сосредоточенность обнаружила легкое косоглазие.

Сердечная подруга освоилась быстро, ибо ожидала чуда, пожалуй, более постоянно и доверчиво, чем наш герой. Безоговорочно приняла его версию о пересечении Вселенных. Ее мало смущали загадки и даже явные нелепости островка: почему тепло и свет, звуки и запахи проникают оттуда к нам, а обратно, по-видимому, нет? Что за невидимая преграда между мирами? Отчего дождевые капли, цветочная пыльца или пух свободно странствуют по комнате, а более крупные предметы, лист или птица, не покидают своих измерений?

Он подивился, как никогда, способности женщин осваиваться со сказкой, принимать ее в ряд житейских реалий. Что это? Тысячелетний фатализм — или, наоборот, неиссякаемая вера в достижимость идеала? Вот сидит Лана — в потертых вельветовых брючках, заправленных в сапоги; сидит, обмотав шею длинным шарфом, подперши подбородок острыми кулачками, и в смоляных распахнутых глазах — сиреневые точки. Сидит, коротко остриженная, прокуренная, будто бедовый мальчишка, и смотрит в нежное сияние, как сотни веков назад вглядывались пещерные мечтательницы в игру пламени. А потом нашептывали детям первые на планете сказки, рисовали на каменном своде пляшущих духов.

И не существует для Ланы ничего, кроме лунного потопа, сонного шепота крон и пьянящего ночного аромата, похожего на запах душистого табака, но еще более сладкого и дурманного.

— Никита уже видел? — приглушенно, как в музее, спросила она.

Он объяснил ситуацию с Никитой и добавил:

— Кстати, понять не могу, почему он до сих пор не здесь.

— Ему же лучше. Пусть только попробует скандалить. Вышибу отсюда, никакой участковый не поможет.

— Ну ты и грозная у меня...

Теперь они оба смотрели, как перепархивает по ветвям шиповника пара жемчужно-розовых бражников с круглыми «глазками» на крыльях. Где-то захрустел хворост под осторожной звериной лапой. Нервно звякнул торопливый будильник, скрипом ответила ему со двора дверь мусорника. Диковинный коктейль звуков и впечатлений. Поздний городской вечер — и час Волка в глухом лесу.

— Знаешь, о чем я сегодня думал?

— О чем?

— Ведь я, по сути, никогда не бывал в таких уголках... Здесь, у нас, на Земле. Разве что в пионерском лагере. А то еще с училищем... выезжали «на шашлыки». Шум, гам, у кого-нибудь обязательно транзистор... вина нахлещемся... тоже мне, общение с природой!

— Давай в мае сорвемся куда-нибудь. В деревню. Я возьму дней пять за свой счет; мне дадут.

— Не в этом дело, Лана. Я отравлен, понимаешь? «Труба» эта проклятушая, суета, дразги, торговля собой... Мне скоро тридцать, а я до сих пор ни черта не сделал, нигде не побывал. Тяжелый какой-то стал, старый, вялый... В Сибирь куда-нибудь... в Норильск, Хатангу... Поехала бы со мной, а?

Лана ответила матерински-терпеливо:

— Кто-то ведь должен быть и оформителем, лапушка.

— Да, должен. Но, наверное, только тот, для кого эта работа — одна на свете... дело жизни! Вообще, я думаю плохих работ нет, а есть люди не на своем месте. Как я. Вот посмотри... — Он с трудом заставил Лану отвернуться от оазиса, глянуть на рельефы — сухой, скучный рисунок подъемных кранов и солнц, похожих на шестерни. — Ведь есть же на свете человек, который сделал бы это гениально... а главное, сделал бы с удовольствием! А мне противно. Я себя буквально заставляю браться за нож, за краскопульт... Значит, не мое дело!

— А какое твое?

— Когда-то думал — писать маслом... Не вышло! Во всяком случае, сейчас мне было бы легче валить сосны где-нибудь в тайге... плотничать, столярничать... Перед собой честнее.

— Тогда свари кофе, — неожиданно лукаво покосилась Лана. — Вполне честная работа. Все равно ведь, не уснем!

— Сахара нет.

— Тем лучше. Шелтон советует поменьше сладкого.

В отрешенном состоянии, шагая сквозь призрачные фиолетовые сумерки, он отыскал медную «турку», выдул из нее пыль и понес под кран — набирать воду. Он чувствовал себя участником спектакля, который вот-вот оборвется.

Однако, стоя за дощатой перегородкой, наш герой внезапно постиг, что нынешний акт спектакля довольно-таки мрачен. Час Волка. Самая темная предрассветная стража, когда человек особенно слаб и безволен, нервы его пропитаны ядами усталости. Потому-то и приходит Волк. Человек в этот час — легкая добыча. Кто может выйти на поляну в другой Вселенной? Пусть не убить, но одним своим появлением смешать строй души, внедрить в память тот гибельный ужас — один на всю жизнь, — которого помнится, ждал наш герой в детстве, ночью на пустой улице, торопясь мимо витрины с манекеном. А вдруг подмигнет

манекен? Двинет рукой?.. Он представил себе, как закричала бы Лана.

И она закричала. Сперва коротко, сдавленно ахнула; потом завопила, что называется дурным голосом. «Турка» брякнулась на дно умывальника. С мокрыми руками он выскочил из-за перегородки.

То ли оступилась сердечная подруга, решив поближе рассмотреть цветы или ягоды, то ли намеренно сделала лишний шаг — осталось неизвестным. Властно, как бич на цирковой арене, хватил по ушам гром; ливень повалил на островок. Сразу вымокшая до нитки, дрожащая Лана топталась в орляке, втянув голову и обхватив руками плечи. Волосы прилипли к ее щекам, блестели зрачки и зубы. Она вертелась на месте, подобно щенку под ногами прохожих, и звала нашего героя по имени. И он отвечал, и бегал, разбрызгивая воду, вокруг островка, — но тщетно. Лана была слепа и глуха к оставленному миру. Мокла одна-одинешенька в запредельной чаще, под гнетом внезапно разгулявшейся грозы. Может быть, потому и разъярились стихии, что из мира иного метеоритом, бухнулась Лана?..

Блеск неба был мутен и зловещ, ручьи щупальцами протянулись через мастерскую. Вода вынесла из-под щита с проволокой для резки плит целую гору окурков.

Вспышка — иссиня-белая, зеленоватая, беспощадная, как дуговая сварка. Треск исполинского бича — ненужный, чрезмерный для загнанного существа, пытающегося спрятаться на озаренной молниями арене. Запах озона и гари.

Не колеблясь более, он ринулся напролом. Лбом и выброшенными вперед кулаками пробил горячий упругий барьер, и увидел кольцевую колонаду стволов вокруг черной прогалины, стволов красной меди с косматыми бледными кронами; и кипящие тучи, и молнию между ними — широкую извилистую реку пламени; и сиреневую крылатую корону с черным ядром — то, что он считал луной...

Но очередной гром, вместо того, чтобы разmozжить и расплющить двоих дерзких, вдруг затрепетал, загадочно дробясь, изошел каким-то обиженным басовым воем. Словно замедлила ход и «поплыла» магнитная запись.

Больше не было островка. Кто знает, какие катаклизмы увечили теперь тот мир! Герой наш стоял на коленях посреди обширной лужи на полу и прижимал к себе измокшую, накрепко зажмурившуюся Лану. Кто-то сверху, возмущенный буйством грома, ложкой колотил по стояку отопления; во входную дверь тарабанил и орал Крымов. Но наш герой только смеялся счастливым смехом, шепча в маленькое ухо подруги утешительную бессмыслицу: «Уедем. Я начну все сначала. Ты веришь мне, Лана?»

Феликс Дымов **ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ**

1

В конце концов, он сам виноват в том, что его винтороллер оказался в хвосте этой параболической очереди. Оправдывало одно: сначала он решил вообще не летать, передумал в последнюю секунду, когда уже весь мелкий городской транспорт заполнил небо и сгрудился над точками приземления. Заполненные винтороллеры опускались медленно, в месте перегиба на миг застывали, выпускали, пассажиров на эстакаду и взмывали так быстро, что подъемная ветка казалась просторнее спусковой. Закрадывалось даже сомнение, не исчезает ли часть транспорта под мостовыми. С эстакады гуляющие добираются до Невы независимо, каждый своим путем. На самом деле уличные диспетчеры заранее проложили нитки предпочтительных пеших маршрутов и неназойливо регулируют густоту потоков...

С половины спуска Багир увидел, что он уже далеко не последний в очереди. Мысль показалась несущественной, и он выбросил ее из головы. Он и так слишком часто теперь прислушивается к себе. А ведь все гладко, все в норме. Работа, дом, искусство, друзья — времени только-только хватает на медицинский минимум. Багира уже дважды предупреждали, что, если не прекратятся злоупотребления здоровьем, он будет отстранен от

работы. Смешно! Словно так уж легко в этом случае подобрать себе занятия еще на пять часов ежедневно! Пора бы уж медикам понять, что и обращенные к себе вопросы, и непрерывное ожидание, и бесконечное самокопание в ощущениях, — все это не от недостатка, а скорее уж от избытка покоя...

Виктороллер лег брюхом на асфальт, отдернул призрачные стенки, и Багир, нимало о нем не позаботясь, ступил на глазурованный тротуар. Поскользнулся, но подошвы тотчас изменили сцепление, перестроились на режим прогулочной ходьбы.

Впереди и сзади шли люди, много людей. Багир чувствовал себя чуть неудобно, как если бы неглиже появился в институт читать своим студентам палеотехнологию. Но он поборол себя, вписался в ряды толпы. Никто не спешил. Два потока лились в обоих направлениях по набережной — две стены взглядов, не сцепляясь, скользили одна по другой. Разрыв между потоками был ровный, будто бы края их в своем, якобы бесцельном, хаотическом движении шли по необозначенной линеечке. Внутри потоков гуляющие бессознательно разбирались аккуратными шеренгами по десять человек. Если какая-нибудь компания хотела выделиться, то держала слева и справа интервал в одного человека. У некоторых в руках были гитаролы, но никто не пел, потому что до объявленного открытия гуляния оставалось сорок две минуты. Белая ночь тихо кралась по городу. Нева иногда свинцово бухала в свой гранитный берег, но люди не отшатывались, если брызги взлетали выше парашета.

Багир пересек по диагонали попутный поток и все оборачивался посмотреть, как люди без удивления расступаются перед ним, а потом спокойно смыкаются, гася его след в толпе. Впрочем, называть эту вареную, негромко гудящую, однообразную массу толпой не поворачивался язык — в памяти со студенческих лет сохранился иной ее вид: нечто разноголосое, взбалмошное, сумбурное... Непонятно, что изменилось за эти годы, об этом мало кто задумывался. И все же Багир предпочел бы сейчас, чтобы его не очень дружески пихнули локтем в бок или на худой конец огладили сложным эпитетом. Но перед ним, спешащим, безмолвно очищали дорогу. И как ни в чем не бывало смыкали ряд.

На Исаакиевской площади к Багиру протянулись несколько рук и буквально выдернули за угол дома, где образовался тихий островок. Багир переходил из объятий в объятия, радостно и вместе с тем сдержанно, как и другие, вскрикивал, мягко хлопал по плечам в ответ на такие же преданные хлопки. Наконец высвободился, пересчитал тех, кто пришел на этот раз. Нода. Стасик. Эмерс. Розите. Откололся Ницкий. Пожалуй, следующая встреча через год вряд ли состоится — такой потери, как Ницкий, их компании не пережить. Амба, как говорили, кажется, древние греки.

— Привет, большо-ой привет и два приветов утром! — пропел Багир.

Засмеялись. Не забыли старого анекдота.

— А что, разве Ницкого не будет? — спросил он почти не заинтересованным тоном, не надеясь на ответ.

— У Юры завтра защита, — виновато пояснила Розите.

— Как, вторая диссертация?

— Бери выше, малый ученый совет. Проект модернизации озера Красавица. Юра предлагает возвести над зеркалом воды второй, этаж — в прозрачной, не отбирающей солнца чаще. Опорные колонны-гидрообменники тоже будут полыми и прозрачными и не помешают свободному перетоку воды и движению рыб.

Багир представил себе мираж с водорослями и береговой каймой пляжа, поднятые к облакам на четырех застывших водяных смерчах. И позабавовал. Красиво, черт возьми! Есть еще люди, мыслящие в таких резких ландшафтных образах.

— Ты неплохо осведомлена, Розиточка, а?

— Так он же заходил недавно. Рассказывал.

Эх, Ницкий, Ницкий! Когда-то ни защита, ни свидание не могли отнять его от друзей, компания была выше других дел. Впрочем, чем ученый совет не повод? Ничуть не хуже других.

— Жаль-жаль. Кто же сегодня поиграет?

Да. Тут Ницкий со своей гитаролой был бог. И это понимал Стас, говоря:

— Я вообще-то захватил диафон. В его памяти все наши песни набраны.

— Чудненько. Пресса не имеет возражений против замены человека машиной? — бодро поинтересовался Багир, потирая руки.

— Пресса не имеет возражений против любых замен, — серьезно подтвердил Эмерс. Его чувства юмора хватало всегда лишь на повтор с малыми вариациями.

Трудно поверить, что с внешностью этого неулыбчивого гиганта (Нибелунг!) можно быть талантливым журналистом. В компании Эмерс не с самого начала, его шесть лет назад привела Нода. С тех пор он неизменно здесь. И даже когда она отколется, он останется последним, соблюдающим традицию, в которую позволил себе включиться.

Ну вот. Теперь только поздороваться с Нодой — и все. Она оживленно болтает с Розите, но Багира не проведешь: он-то ее знает получше других, как-никак дважды пытались составить семью. Увы, быстро расходились, не чувствуя друг в друге крайней потребности. А без этого люди не вправе любить. Нельзя принимать, если нечего отдавать взамен.

— Здравствуй, милая. — Багир легко чмокнул Ноду в щечку. — Персональный поклон и сто кулон восхищения. Будь радостной!

— Спасибо. Ты все мужаешь?

В принципе, это было не совсем справедливо по отношению к его по-мальчишески тонкой и гибкой фигуре. Но слова не имели значения.

— Сорок три, да? — Нода, придерживая локоть Багира, откинулась на длину вытянутой руки, покачала головой: — Боже мой, сорок три...

Слова не имели значения и говорились громким веселым голосом. Зато Нода ревниво следила за его взглядом, стараясь по глазам понять, сильно ли постарела за год. От нее пахло слегка увядшей сиренью, и время боялось тронуть ее кожу — тугую и блестящую, как яблочная кожа. Багир наклонился к ней, продекламировал:

У тебя такие глаза,
Что хватило б на два лица.

Нода не смутилась:

— Бессовестный комплиментчик! Ты не палеотехнолог, ты палеопэот.

— Прости, это не я, это Жак Превер, француз, двадцатый век. Мое очередное хобби, сорок минут в день.

Друзья вышли из своего затишка, влились в поток. Стас включил диафон. О первой песне никогда не договаривались, она, как и сейчас, пришла сама. После вступительных аккордов звучной гитаролой запел прошлогодним голосом и сам Ницкий. Голос у него был несильный и не столько приятный, сколько правильно поставленный.

Звезды, вечный пепел Вселенной,
Сыплются в мой стакан с чаем.
Далекое солнца, чужие земли
И даже галактики он вмещает.
Мешаю в стакане ложечкой пленной —
И вбираю в себя невзначай
Припорошенный пеплом Вселенной
Обжигающе-терпкий чай.

На втором куплете к диафону присоединилась не только их пятерка, но и другие ряды. Багир взял под руку Стаса:

— Стас, как у тебя с Лилей? Все благополучно?

Стас хотел ответить привычно-беззаботно, во всяком случае, оптимистично. Но вдруг

неожиданно для себя и для Багира, уже отвыкшего от откровенности, сморщил нос и отвернулся. Теперь надо было лезть человеку в душу. Или делать вид, что ничего не произошло. Багир предпочел первое:

— Не ладите?

— Ну, почему? Ты нашел верное слово: благополучно. А если по правде, ужасная тоска!

Дальше спрашивать опасно. Да и незачем. Со Стасом и Лилией они дружили домами, наносили друг другу видеовизиты. Современная техника и стандарт на жилища удобно соединяют с помощью экранов гостиные в разных точках города. Щелчок — и, не вставая с дивана, оказываешься в гостях у соседей, а хочешь — в иной части света, по собственному выбору. Точно так же сам принимаешь гостей. Два часа в неделю чистого времени — и никаких тебе транспортных затрат. Комфорт!

И все же где-то подспудно вызревала странная мысль: в утонченном рациональном мире не предусмотрено места человеку. Каждый имеет любимую работу и счастливый досуг. Однако бежит от себя, прячется в посекундный график отдыха и труда. Лишь бы не задуматься, не остаться с собой наедине. Мир потихоньку постигает та же участь, что уже постигла любовь: к ней теряешь интерес, когда все слишком доступно и незатруднительно. Вот идут они сейчас пятером (пятеро из восемнадцати!), поют одну и ту же песню. Но и вместе одиноки, каждый продолжает думать свою думу. Даже традиции по-своему насильственны и нелепы: призванные соединять, они силятся соединить равнодушных. Все цепляются за традиции, видя в них последний рубеж перед окончательным одиночеством. Поэтому Розите и Стас, например, здесь, а ее Вадим и его Лиля совсем в других компаниях, образованных в беспечные школьно-студенческие годы. И никому не приходит в голову плюнуть на все и объединиться так, как хочется!

Багир выхватил у Стаса диафон, притушил звук.

— Послушайте, любезные сограждане, давно хочу спросить: что же такое творится вокруг? Наберемся смелости, ответим себе: туда ли мы пришли?

Гуляющие безразлично обходили внезапно затормозившую пятерку, а обойдя, привычно смыкали снова строй и песни.

Нода укоризненно подняла бровь. Но это лишь подстегнуло в Багире какую-то бесшабашность. Багир не думал о правоте и неправоте, он просто экстраполировал свои ощущения на всю пятерку, на всех, кого мог заразить беспокойством, и ему удалось смутить друзей, хоть на минуту уравнять, пренести на других свои сомнения. Мимоходом порадовался в душе, что его еще может вот так занести.

— Эмерс, дорогой, из нас у тебя самое конкретное воображение. — Багир обернулся к журналисту, требовательно схватил за руку: — Объясни мне, откуда это повальное равнодушие?

Гигант журналист нахмурился, помолчал.

— Обратная связь, друг Багир. Маленькая месть природы гордецу царю, своему повелителю. — Эмерс тактично высвободился. — Когда под силиконовой пленкой обретает вечное хранение Медный всадник — это да, это здорово. Вон он, гляди, какой златоновенький, блестящий. А человек в тех же условиях принужден созерцать собственный пуп, закукливается и наращивает кожу. Диалектика, друг Багир. Ты же, как преподаватель, обязан о таких вещах догадываться...

— Но ведь у нас есть и потоньше люди! Кому догадываться положено по должности.

— Интересная закономерность, — Эмерс вскинул руки, зацепил торчащую из сквера ветку на такой высоте, что Багиру до нее прыгать и прыгать, покрутил застрявший между пальцами тополевы́й лист. — Стараются-стараются вы, технари, шлифуете, полируете, совершенствуете окружающую среду, а заодно и само общество, пока не заведете человечество в очередной тупик. Но что самое удивительное — первые же бьете тревогу тогда, когда нам, гуманитариям, все видится неомрачимым и безоблачным. Затем наступает наш черед. И уж то-то мы потеем над объяснениями, то-то маемся в поисках противоядия!

— Очерк из серии «Журналист меняет профессию», — едко прокомментировал выступление Эмерса Багир. — Или новая, одиннадцатая заповедь: «Не взыскуй с ближнего своего как не взыскуешь с самого себя». Тоже мне, философ-теоретик! Давай ближе к телу, как говорили, кажется, древние конферансье...

— Бросьте спорить, мальчишки! — Розите тряхнула косичками. — Оцените лучше, какую я за неделю чечетку освоила.

Она развернула диафон на груди Стаса, что-то шепнула в микрофонное ушко. И под внезапную испанскую мелодию ударила об асфальт сразу затвердевшими, бубенцово звонкими каблучками. Вокруг задерживались, хлопали в такт, притопывали. Но большинство обтекало с двух сторон без внимания. В двадцать третьем веке, который называли веком гармонического развития личности, трудно удивить кого бы то ни было просто мастерским, а не гениальным исполнением. Кроме того, на взгляд Багира, Розите для фламенко не хватало темперамента: в пределах бешеного ритма она двигалась чересчур мягко и плавно. Поэтому Багир спокойно дождался, пока отстучали кастаньеты, обнял Розите за талию:

— Мы ослеплены, королева сапатеадо, что, между прочим, означает по-испански «королева каблучков» Даже не подумаешь, что в свободное от многочисленных хобби время ты конструируешь нужные всем биополимерные фабрики, где слынешь, говорят, крупнейшим специалистом. И все же потерпи, девочка, не пытайся нас отвлечь.

Багир снова повернулся к Эмерсу:

— По-моему, Нибелунг, ты как раз добрался до сути?

Из ряда взошел на Дворцовый мост. Эмерс под каждый шаг ударял ладонью гулкую чугунную балясину перил. На вопрос Багира он лизнул палец, мазнул внутри чугунного завитка — в естественной пазухе для грязи — поднес палец к Багирову носу:

— Во: ни ржавчинки!

Затем выхватил из кармашка бобочки декоративный белоснежный платочек, без усилия переломился в поясе («Ух ты, усложненный комплекс для разрядников!») — уважительно отметил Багир) и провел по асфальту:

— И тут не пылинки. Дошло?

— Нет, я, наверно, из тугодумов, — возразил Багир.

— Я и говорю, что вам, технарям, недосуг позаботиться о последствиях ваших собственных действий. Уж ежели чего придумаете, то ляпаете без разбору направо и налево. Вы ведь со своими пленками и на живое замахнулись, не так, скажешь?

Эмерс протянул Багиру сорванный двадцать минут назад лист. За короткое время зеленая пластина размякла и выцвела. По краям проступили пятна прозрачности.

— Ничего особенного. — Багир пожал плечами. — Отпав от ветки, лист обязан раствориться в воздухе. И быстро: городу мусор не нужен.

— Разумеется, логика у вас всегда безукоризненна. Дело, однако, в том, что листва, по-моему, начинает задыхаться и отмирать еще там, наверху. Это я к вопросу о толстокожести.

Журналист неопределенно поводил рукой.

Багир не мог не признать за Эмерсом некоторого нового поворота во взгляде на знакомые явления. Ему были привычны и обеспыливающая глазурь асфальта, и налет дематериализующих аэрозолей на деревьях, и новые бездымные сигареты, и технологический круговорот промышленных предприятий. Он не прослеживал связи между безвредными новшествами и растущим равнодушием людей. Но спорить — по-настоящему спорить — еще не был готов. Равнодушие не носило характера социального, скорее были маленькие личные беды, то есть настолько маленькие и настолько личные, что выходить с ними на люди не позволяло воспитание. Пожалуй, причины самозамыкания горожан (да только ли горожан?) следовало искать не в технике, а в морали. Множество приспособлений облегчает жизнь человеку, но помочь людям могут только люди. Хомо хомини. Человек человеку.

Нода не приняла нудного, с перерывами, разговора, затеянного Багиром во имя спасения от одиночества. Слова витали между ними в виде бесконечно падающих, без

остатка растворенных в воздухе листьев. Лишь когда зажегся сигнал в центре моста. Нода оживилась:

— Мальчики, мальчики, сейчас разведут!

Пронзительно-мелодично зазвучала сирена, крылья моста дрогнули, разомкнутыми ладонями начали вздыматься в обесцвеченное небо. У ног разверзлась метровая щель, обрыв в воду, прикрытый, правда, с недавнего времени силовым барьером. А в студенческие годы храбрецы разбегались, перемахивали через щель и, толкнувшись ногами во вздыбленное крыло моста, прыгали обратно.

Багир с Нодой взяли за руки, перегнулись через перила.

— Мы с тобой двадцать шестой раз здесь, — шепнул он.

Она благодарно стиснула его пальцы.

Внизу пыхтел длинный лесовоз. Дальше ждали очереди подводный танкер и буксир с караваном барж.

Багир точно знал, что в действительности по реке проплывают пустые оболочки, управляемые с берега. В век пневматических грузопотоков и синергических межконтинентальных трасс речные суда — сплошной анахронизм. Кого угодно, только не инженера можно обмануть раскрашенной псевдометаллической коробкой, надписями на бортах, мощной ритмичной имитацией работающих двигателей. Разве сравнишь эту музыкально облагороженную чечетку с чиханьем и чавканьем нефтяных моторов прошлого? Бутафория для незнаек на одну ночь в году. Но, признаться, прекрасная бутафория. Вон как симпатично надрывается впереди каравана нарядно-чумазый буксир...

— Харьков попросил разрешения Всемирного Совета на организацию у себя белых ночей, — ни к кому особенно не обращаясь, сказал Стас.

Багир обиделся на харьковчан. Ладно, будьте патриотами своего города, но не завидуйте другим! Не жаль энергии для поддержания где-то долгой зари, жаль Ленинграда, у которого, независимо от нынешнего решения Совета, могут когда-нибудь отнять неповторимые пушкинские белые ночи. Или, скажем, так: не отнять, а скопировать, разбавить повторением. Но все равно обидно. Нельзя множить диво, нельзя ставить чудо на поток. Точно так же никому нельзя навязывать даже праздник. Настроение вконец упало. Чтобы не портить его остальным, Багир, как мог естественнее, произнес:

— Нога разболелась. Пойду я...

Для убедительности он вызвал из памяти боль от ожога, полученного в позапрошлом году: студенты под его руководством пытались воспроизвести на музейном оборудовании процесс фрезерования. Великий Гефест, покровитель ремесел! И как предки управлялись с таким примитивным инструментом? Раскаленная стружка пробила Багиру брюки ниже колена, прокатилась по голени и свалилась на плюсну. Бр-р! Страшно вспомнить.

В эмоциях он, видно перестарался: запылал глазок в браслете медикона. Токер за ухом воззвал голосом районного кибер-врача:

— Прошу немедленно вернуться домой или обратиться в ближайшую поликлинику. Вам необходим повторный сеанс Т-процедур. Пока даю летучую анестезию.

По голени растеклась легкая щекотка. Багир сморщился, чтобы не рассмеяться.

— Я тебя провожу, — поспешно предложила Нода.

— Вот еще! Здесь до стоянки рукой подать. Доберусь.

— Может, вызвать аварийку?

Лица у Стаса и Розиты такие испуганные, что Багиру стало стыдно:

— У меня же ничего страшного. Гуляйте, ребята. Не обращайтесь внимания.

Он перецеловал всех подряд. И, не дожидаясь, пока мост опустится донизу, ступил на крутое крыло.

На Стрелке Васильевского острова было тесно. Два людских водоворота завихрялись у Ростральных колонн. Через маленькую дверцу люди забирались внутрь кирпичного столба, брались за руки и по ужасной винтовой лестнице, в крошечной темноте ползли вверх. Навстречу, прижимаясь к противоположной круглой стене, катилась вереница уже

побывавших наверху. Однажды Багир уронил там свернутый кулечком дождевик, решил, что искать бесполезно. Как вдруг внизу начался негромкий гул, и с однообразным: «Передайте владельцу» — с рук на руки поплыл поднятый кем-то сверток. Плыл-плыл. Доплыл до владельца. По инерции Багир едва не передал его с той же фразой дальше. Но, слава наукам, узнал на ощупь. И послал по цепочке: «Спасибо!» «Спсс... спсс... спсс...» — язвительно зашелестело по спирали вниз, пока не задохнулось на дне винтового оштукатуренного колодца...

Багир порадовался символической связи с человечеством через теплоту и соприкосновение во мраке незнакомых рук. Традиционные маршруты белых ночей наверняка выверены во времени так, что внутри колонны непременно встречаешься с одними и теми же соседями сверху и снизу. Значит, и связь с человечеством постоянна и нерушима. Следовательно, неизменна и чужда новизне. Именно поэтому, назло разработанному самой судьбой графику встреч, внутрь не хотелось. И мрак уже там давно не тот, что в дерзкие юные годы. Да и подошвы с датчиками, как бы ни шалили нервочки, ставят ногу на щербатую ступеньку плотно, уверенно, делают ступню зрячей, начисто лишают человека иллюзий опасности и тайны...

Народ бесцельно кружил вокруг цоколя колонны. В низкую, заглубленную в асфальт дверь ныряли одиночки. Но иногда втекали умеренной длины змейками, похожими на разорванный хоровод.

Багир раскачал ногой провисшую меж гранитных тумб цепь ограждения. Со скрипом заходила вперед-назад чугунная гирлянда. На середину ее тотчас вскочила девчушка лет тринадцати. И, не потрудясь вынуть рук из карманов полихромных шортиков, не дрогнув ни одним мускулом хорошенького личика, ухитряясь держать в пространстве голову и плечи неподвижными, изобразила собой чуткий гуттаперчевый маятник.

С вершины Ростральной колонны крикнули. Багир отодвинулся к парапету, поднял голову. Выше обзорной площадки, на краю чаши для факела, кто-то махал руками. Когда-то в чаше по праздникам жгли нефть, потом газ, теперь над ней бушует низкотемпературная плазма — безопасная имитация огня. На всякий случай автомат откачнул псевдопламя от нарушителя. Он стоял над людьми и над городом в ореоле выгнутого полукругом огня (издалека ведь не разглядишь, что это не совсем огонь), несдержанно жестикулировал. Снизу было не понять, чего он хочет. Багир догадался выщелкнуть из браслета экран карманного видео — на ладони расцвело стереоизображение. Вокруг тоже, включили аппараты, площадь замерцала от множества экранов, все экраны заполнило тревожное лицо юноши. Пересекая кадр, на той же видеоволне изредка пробежал сигнал SOS.

Замер слабый фон помех, все глубже растекалась радиотишина. Сигнал SOS не перевалил аварийного порога, за которым отключается всякая передача и идет самонастройка на единственную частоту. SOS пока был крошечный, так сказать, семейного порядка. Юноша на ладони Багира и там, на верхушке колонны, вздохнул и продолжил речь:

— Я, наверное, чего-то не понимаю, сограждане. Мне скучно жить. Я боюсь жить. Я не могу жить в мире, где люди среди людей более одиноки, чем наедине с собой, где любить — больно, где пламя — холодное, деревья — сонные, а корабли на реке — ненастоящие. Помогите, сограждане. SOS!

Вероятно, не докричавшись, он оступился. Багир не мог заставить себя поверить в иное, хотя от таких вот, дерзких и юных, можно ждать чего угодно. Они излучают беспокойство, ищут перемен, мешают психологически уравновешенным землякам основательно подумать, исследовать и классифицировать то, что подлежит изменению. Они намеренно превращают себя в колокол громкого боя, в уши, которыми общество прислушивается к себе, в пальцы, улавливающие пульс. И все-таки наверняка юноша оступился. Не может быть, не должно быть ничего иного!

Прежде, чем кто-нибудь что-либо понял, даже прежде, чем прозвучали последние слова, расталкивая всех, сдергивая на бегу плащ, к подножию колонны кинулся крепыш, смутно показавшийся Багиру знакомым. Широко расставив ноги, он далеко вперед вынес

плащ под то место, куда должно было врезаться рефлекторно вытянувшееся, как для прыжка в воду, тело. Метрах в пяти от земли юноша чиркнул грудью о невидимый минимум, взлетел, завис на миг над цепью ограждения. И спрыгнул наземь. Площадь дружно перевела дух: оказывается, и у Ростральных колонн выстелили силовые подушки. Первым, отбросив плащ подбежал несостоявшийся спасатель, цепко и профессионально ощупал с головы до ног:

— Цел? Ну и ладно. И нечего паниковать. И чтоб теперь без фокусов, понял? Как звать?

— Даня. То есть Дамиан.

— Так вот, Даня. Сейчас ко мне. И не спорь. А завтра в двадцать один тридцать быть на восемьдесят шестом километре Приморского шоссе. Ясно?

— Зачем? — удивился юноша.

— Там поймешь. Кстати, это касается всех. Всех-всех, граждане, слышите? Приглашаю. С собой каждому прихватить полено.

— Полено? — нерешительно переспросила толпа. Люди переглядывались, пожимали плечами.

— Да, полено, дровяное! — жестоко подтвердил незнакомец, нетерпеливо махнул рукой, бережно обнял Дамиана и увлек за собой.

И опять Багиру показалось, что где-то он видел это худое, окостеневшее лицо, слышал резкий властный говор, запомнил скользящую, как при ходьбе на магнитных полах, походку.

2

Багир приземлил винтороллер на поляне, огляделся и зашагал по растрескавшемуся, заброшенному асфальту шоссе. У металлического столбика с цифрой 86 на проржавевшей таблице налево вдаль ручья сворачивала тропинка. Багир уверенно ступил на нее, включил токер. Эфир наполнили близкие радиоголоса. Ракушка за ухом отсеивала их один от другого:

— Нашел?

— Не-а. Синтезировал на тинг-реакторе. А ты?

— Мне повезло, выпросил в этнографическом музее. Там ужасно веселились. Но дали.

— Я свое вымачивал в ароматических эссенциях.

— А я, наоборот, выпаривал токами высокой частоты. Послушай, как оно поет. Это же музыкальное дерево!

— Это все ерунда, парни. У меня сухая ветка из икебаны...

— Марина? Узнаю твой разряженный токер, золотце. Когда же ты его заменишь?

— А-а, Радюш? Имей в виду, я с тобой сегодня не знаюсь.

— Футы-нуты! погоди, увидишь, какие узорчики я выжег на своем полене, ахнешь!

— Мамочка, ты же обещала не прилетать...

— Почему, если я тоже отыскала «дров»? Он такой забавный, как олений рог. И покрыт черным лаком.

— Гринь, на мою долю тащишь?

— Я же обещал. А что?

— Приземлимся — узнаешь. Ой, что было...

Багир отключил радиокутерму — впереди уже гулом и свежестью дышал залив. В голове на все лады звучали почерпнутые из инфора напоминания:

«Дровни» — архаическое — сани для перевозки дров.

«Наломать дров» — аллегорическое — сделать что-либо неудачно, не попад.

«Чем дальше в лес, тем больше дров» — древняя пословица, смысл которой нынче утерян.

«Откуда дровишки? Из леса, вестимо» — поэтическая вольность, означает приблизительно «вести из леса», постоянная в прошлом радиопередача о природе.

На запрос Багира инфор мгновенно выдал всю серию серьезных и юмористических

ответов, перемещенную, видимо, в ближнюю память, поскольку многие неожиданно заинтересовались значением устаревшего слова. И наверняка не один человек перекатывал в этот момент на языке неуклюжую скороговорку: «На дворе трава, на траве дрова. Раз дрова. Два дрова. Три дрова». Во всяком случае, для себя Багир выяснил: дровами когда-то считался любой деревянный предмет, предпочтительно сухой. Поэтому сам он нес резную коллекционную ступку, точную копию найденной в Бенинском раскопе. Споткнувшись, он не удержал ее в руке, ступка ударилась о корневище, дала трещину. Годится ли она теперь на дрова, Багир не знал и мысленно выругал ослепшие подошвы. Они до того взбесились на природе, что их пришлось отключить: почему-то скользили по мху, мертво вцеплялись в поваленный ствол, который требовалось перешагнуть, а то вдруг совсем размягчались на россыпи гравия, и камешки остро кололи разутую ступню.

Последний поворот тропинки явил глазам Багира естественный, открытый в сторону залива амфитеатр с песчаными склонами, с торчащими валунами, с оголенными и причудливо изогнутыми корнями окружающих площадку сосен. Кое-где на склонах уже сидели люди, но немного. До назначенного срока оставалось двенадцать минут, а двадцать третий век приучил к точности. Внизу, у маленькой выемки в почве, дополнительно углубленной и выровненной, стояли Дамиан и его спаситель.

Как всегда на людях, пришло чувство неловкости. В перекрестье взглядов, оступаясь и съезжая вместе с частью тропинки по песку, Багир медленно брел к центру площадки и назло себе не опускал глаз.

Незнакомец казался очень похожим на Дамиана и был ненамного старше. На груди его комбинезона слабо мерцала пятиконечная звезда. Но не такая строгая и вечная, как на Спасской башне Кремля, а красиво деформированная, с разной длины лучами — эмблема космического флота.

«Полторы сотни лет», — мелькнула сначала вот такая выхваченная из сознания отдельная мысль, и только потом Багир узнал Владимира Кузьмина, знаменитого астролетчика-релятивиста. Лишь несколько недель тому назад вернулся он из полета, а главное — прямиком из двадцать первого века. Полторы сотни земных лет за три года межзвездного полета! Сейчас Кузьмину тридцать пять биологических. Или сто восемьдесят четыре абсолютных земных... Юный дедушка. Пра-пра-пра-и-так-далее-предок моложе любого из их компании!

— Здравствуй...те... — сказал Багир, протягивая ступку. И примолк, не зная, как общаться с иновременником. Ровесника он бы просто обнял. Знакомого поцеловал. А как быть с этим, из истории?

Кузьмин принял ступку и не глядя швырнул в яму. Потом крепко стиснул и отпустил не успевшую отодвинуться Багирову ладонь.

Багир удивился. Но припомнил: в позапрошлом веке был такой обычай среди друзей. Что-то в этом рукопожатии был от той цепочки взявшихся за руки людей, которые шагали сквозь мрак Ростральной колонны.

— Рад приветствовать! — отрывисто сказал Кузьмин. — Располагайтесь.

Он показал рукой на склон.

Багир отыскал местечко, где луч от красно-медной ленивой волны, растопившей жар уходящего солнца, не бил в глаза. Впрочем, светило уже коснулось воды, вот-вот вновь наступит белая ночь. Устроился Багир на удобной петле корневища. И смотрел, как прибывали другие; несли чудом сохранившиеся дрова — кто ножку от журнального столика, кто панель мореного дуба, кто даже длинный чубук старинной турецкой трубки.

Астролетчик был в меру гостеприимен — люди подходили, здоровались, молча удивлялись и отходили, бережно неся перед собой покрасневшую от стального пожатия руку. Куча дров в яме заметно росла.

— Может, хватит, Володя? — спросил Дамиан.

Кузьмин осмотрел из-под сложенной козырьком ладони горизонт, раскаленные облака на остывшем небе. И кивнул. Потом стал на колени, быстро сложил из палочек шалашик,

подсунул под него что-то белое, чиркнул зажигалкой. Плеснуло стружкой пламени, вспыхнуло белое, от белого загорелся шалашик, потихоньку занялось все случайное творение из дров. Огонь охватил добычу, пальнул искрой, с гудением взметнулся выше дерева, зажег воздух.

Уютно запахло костром.

Живой, горячий первобытный огонь что-то делал с людьми — с горсткой людей, поверивших зову предков. В огне были те самые непостоянство и изменчивость, непредсказуемость вариантов, которых так не хватало сейчас обществу. Он быстро соединил из всех здесь молчаливым теплом. Растревоженные, потерявшие себя, утратившие в себе искру, люди не понимали пламени. Но не могли оторвать от него глаз.

Вокруг по контрасту стало черно.

Потому что была ночь.

Правда, белая ночь. Ненастоящая.

Но все равно ночь.

Искры из костра смешивались со звездами в небе. Трещали поленья. Сосны протягивали растопорщенные лапы поближе к огоньку — погреться. Заливались удивленные птицы...

Багир почувствовал, как кто-то рядом шевелится, примащивается, приваливается спиной к его боку, Затихает у него на плече. После костра в темноте ничего не было видно. Но он все равно бы догадался, даже если б не били в глаза слепящие огненные кудри, не было отуманивающего, чуть тронутого увяданием запаха сирени. Даже если б это вообще была не Нода.

Костер жег лица. Но никто не отворачивался.

Хорошо, что нашелся человек, умеющий бесценные обломки дерева превратить в обыкновенные дрова.

Раз дрова, два дрова, три дрова. И никаких слов.

Дамиан выхватил из костра тлеющую головню. Багир крепче прижал к себе хрупкие плечики Ноды.

Это неважно, что их тут пока совсем мало. Ни винтороллеры, ни видео, ни глазурированный асфальт, ни тающие листья — ничто не должно перечеркивать живого огня, отгораживать от него человека. Костер должен быть обязательно. Костер — а не имитация его из низкотемпературной плазмы.

Важно, чтобы каждый нашел в жизни свое место у костра.

Пусть Багиру когда-нибудь доведется зажечь для потомков свой костер.

Огонек в ночи.

Даже если ночь — белая.

Владимир Клименко **КОНЕЦ КАРМАННОГО ОРАКУЛА**

— Не смей лазить в гнездо! — испуганно кричала Мария Николаевна мужу.

— Еще чего выдумала, не смей, — одышливо огрызнулся тот, волоча расшатанную приставную лестницу к старой березе. — Еще как посмею! Воровка!

Последнее слово относилось уже не к Марии Николаевне. Чуть выше гнезда, похожего на лохматую кавказскую папаху, нервно стрекотала гладкая черно-белая сорока. Она возбужденно подпрыгивала на ветке и с ненавистью смотрела на Петра Егоровича, пытающегося поустойчивее прислонить длинную лестницу к стволу.

— Я тебе покажу, как чужие вещи таскать! — пыхтел почтенный муж, при каждом шаге наверх задевая объемистым животом за очередную перекладину. — Разорю все к чертовой матери!

Сорока стала сущим наказанием. Поселилась она на дачном участке, видимо, еще

зимой и в марте радостным стрекотом встретила первых приезжающих. Свои преступные наклонности проявила сразу же, перетаскав у задумавшего весенний ремонт Петра Егоровича половину новеньких гвоздей из ящика с инструментами. Затем начались кражи похуже.

И вот сегодня, когда в ожидании гостей Мария Николаевна решила замесить тесто для вареников с клубникой и, сняв обручальное кольцо, чтобы не мешало, положила его на подоконник, сорока снова оказалась тут как тут. Ликующе треща крыльями, она взмыла над домом, не обращая внимания на причитания хозяйки, повертелась, красуясь, на коньке крыши, дабы бегущие внизу недотепы смогли полнее осознать горечь потери, а потом преспокойно перелетела в свое воровское гнездо, и долгое время из него торчал лишь ее хвост.

Очевидно, она старалась понадежнее припрятать новое приобретение.

Вот тут терпение у Петра Егоровича лопнуло окончательно. Он потрусил к сараю за лестницей, а следом за ним, пытаясь отговорить мужа от опрометчивого шага, засеменила и Мария Николаевна, машинально на бегу вытирая мучные руки о полосатый фартук.

Сейчас она стояла у березы и умоляла Петра Егоровича быть поосторожнее. Как это часто бывает у супругов, проживавших вместе немало лет, была она похожа на мужа не только комплекцией, но и чертами лица.

— Петя! — робко, но настойчиво предостерегала она, обняв основание лестницы, как некогда обнимали ноги коня провожающие на войну мужей казачки, — Петечка!

Петя, не отвечая, сопел наверху. Он стоял на самой последней перекладине. Обхватив одной рукой ствол березы, другой — пытался нашарить в гнезде злополучное кольцо. На лысину ему сыпался мусор, золотистые конфетные фантики и мелкие гвозди.

Нащупав наконец среди скопившегося за несколько месяцев хлама тонкий ободок кольца и еще что-то круглое и гладкое, он резко дернул рукой, отчего в гнезде образовалась дыра и сквозь нее на землю ручейком потекли различные предметы. Петр Егорович, сжимая в кулаке отвоеванное кольцо, пересчитал животом в обратном порядке все поперечины и очутился в объятиях Марии Николаевны.

Разжав потные пальцы, он обнаружил на ладони кроме кольца еще и маленький шарик, наподобие тех стеклянных, которыми ему довелось играть в детстве. Петр Егорович совсем уж собрался швырнуть его в траву, на кучку другого мелкого барахла, вывалившегося из гнезда, но неожиданно передумал и засунул шарик в карман, кольцо же бережно передал супруге, не забыв напомнить, что такими вещами не бросаются.

На этом инцидент можно было считать исчерпанным, если бы тем же вечером не произошло нечто, живо напомнившее Петру Егоровичу о вылазке во вражеское гнездо.

Гостей набиралось немного. Да и гости все были свои. Дочка с зятем и с внучкой должны были приехать на собственных «Жигулях». Для них в основном и затевались вареники с клубникой. Иначе их и на дачу не вытащишь. Да еще сосед по участку, он же сослуживец по НИИ, он же сосед по лестничной площадке Аверьян Михайлович Долгов с супругой. В Аверьяне Михайловиче ценно было именно то, что в одном лице он соединял три таких разных понятия, как работа, дом и отдых. Очень удобное, на взгляд Петра Егоровича, совпадение.

Вообще, следует заметить, Петр Егорович был весьма практичным человеком, и Аверьян Михайлович был для него сущей находкой. Подумать только, ну в ком еще могли совпасть три таких важных качества. Всегда под рукой, всегда готовый к услугам, Аверьян Михайлович был не столь меркантилен, как Петр Егорович, и это было главным его достоинством.

Дочка с зятем и внучкой, конечно, не приехали. Этого и следовало ожидать — своих гостей, наверное, полон дом. А вот худой и уса́тый Аверьян Михайлович с женой — полной жизнерадостной блондинкой, которая, в отличие от Марии Николаевны, была значительно моложе мужа, — явились вовремя.

К этому часу тарелка с варениками уже стояла на столе. Над ней вился дрожащий на

сквозняке веранды парок, багрово просвечивали сквозь желтоватое тесто крупные ягоды, готовые брызнуть сладким соком при первом же укусе. По краю тарелки ползала полосатая, как матрос в тельняшке, оса и недовольно брюзжала. Сунуться к горячим вареникам она пока не решалась.

За легким летним обедом, за чаем, из настоящего самовара — Петр Егорович любил, чтобы кипяток чуть припахивал дымком — время пролетело незаметно. Темы беседы были привычны, потому и речи лились свободно, без внезапных пауз, как иногда случается, когда встречаются люди малознакомые. Поговорили о молодежи, о работе, женщины обменялись несколькими кулинарными рецептами, условились на следующий день пойти по грибы. По словам опытных грибников, уже пошел первый слой белых. После этого решения речь неизбежно зашла о погоде.

— Прекрасное завтра будет утро, — добродушно обронил Аверьян Михайлович. — С туманцем, самое грибное.

— Дождя бы только не было, — немедленно отреагировала на максимализм мужа его половина.

— Думаю, дождя не будет, — поддержал приятеля Петр Егорович, но на всякий случай вынес на веранду транзистор. В семь часов должны передавать сводку о погоде.

Дождались сообщения метеорологов.

— Завтра, — безразличным голосом начала вещать диктор, — ожидается сухая солнечная погода на протяжении всего дня. Ветер юго-западный, 1–2 метра в секунду. Температура...

— Я же говорил, — довольно усмехнулся Аверьян Михайлович. — Ну, а теперь пора и честь знать. Спасибо за угощение.

Все, словом, было, как обычно. И лишь перед самым сном, приуготовив к завтрашнему дню грибную корзинку и поставив у самых дверей сапоги (по утрам трава в росе), Петр Егорович очередной раз взглянул на небо и засомневался в прогнозе. Малиновый закат был расчерчен темно-синими полосками облаков.

Все еще сомневаясь и думая о завтрашнем утре, он подошел к столу, на который аккуратно перед тем выложил всякую мелочь из карманов, чтобы не вывалилась на пол, когда он повесит брюки на спинку стула, и не пришлось бы ему ползать по щелявым крашеным половицам в поисках закатившегося неизвестно куда пятака. На столе, среди привычных предметов, лежал и маленький шарик, вынутый Петром Егоровичем утром из гнезда. Машинально он взял его в руку, покатал между пальцами — и тут раздался голос. Нет, вернее, не голос. Это в голове у Петра Егоровича что-то щелкнуло, как в телефоне при соединении абонентов, и он ясно услышал:

— Погода завтра будет дрянь. Дождь, ветер, холодно и все такое. Так что спи спокойно, Петр Егорович, не дергайся.

Фамильярный тон голоса был оскорбителен. Но не это взволновало незадачливого грибника.

— Кто это?! — вскричал Петр Егорович, испуганно озираясь. — Маша, что ты сказала?

— Ничего, ничего, Петечка. Что с тобой? — отозвалась не менее испуганная непонятным поведением мужа Мария Николаевна. Она уже приготовилась спать и сейчас подняла с подушки блестящее от крема лицо.

— Нет-нет, кто-то сейчас говорил со мной, — продолжал оглядывать темные углы Петр Егорович. — Вот только сейчас. Погода, говорит, будет дрянь.

— Это не я. Петечка. Это тебе померещилось. Господи, да ты приляг! Давай я тебе помогу.

Обеспокоенная Мария Николаевна помогла мужу раздеться, обращаясь с ним, как с ребенком или тяжелобольным.

— Ты спи, спи. Это у тебя от жары, на солнце, наверное, перегрелся. Это пройдет.

Немного успокоенный, Петр Егорович прилег на постель и вскоре, несмотря на

потрясение, забылся крепким сном. Здоровье у будущего пенсионера было отличное.

В шесть утра пронзительно заверещал будильник. Петр Егорович подошел к окну. Погода была дрянь.

Возвращаясь вечером домой в переполненной электричке, в которой по случаю мокрой погоды пахло псиной, и стоя плечом к плечу с Аверьяном Михайловичем, Петр Егорович, еще не полностью отошедший после услышанного вчера непонятного голоса, попытался рассказать обо всем соседу. Но вышло глупо.

— А мне ведь, это, Аверьян, как тебе сказать, голос вчера вечером был.

— Да ну? — простодушно отозвался сосед, борясь с приступом дремоты. Дачники в полузабытьи покачивались в такт ходу поезда. Тренированные любители отдыха на свежем воздухе умели спать в любой обстановке.

— Вот именно, — продолжал Петр Егорович. — Перед сном вдруг слышу: погода завтра будет, дождливая, холодно и все такое. Как ты считаешь, что это?

— Это, Петр, называете предчувствие, — приоткрыл сонные глаза Аверьян Михайлович. — Мне вот тоже как-то был голос, мол, не едь в августе в отпуск на море, намаешься. А я потащился, уж очень жена просила, — тут он покосился на покачивающуюся рядом с ним супругу. — Что из этого вышло — кошмар!

Больше говорить о голосе Петр Егорович ни с кем не стал. От Марии Николаевны, предлагавшей завтра же пойти к невропатологу, отмахнулся и решил во всем разобраться сам, логически.

Водки Петр Егорович не пил, куревом не баловался, образ жизни вел трезвый и расчетливый. Трудился себе тихо-мирно в НИИ на должности старшего экономиста, хотя за плечами и был-то всего диплом об окончании финансово-бухгалтерского техникума. Откуда же при такой жизни взяться нервному расстройству?

С другой стороны, завидовал Петр Егорович много. Это было. Это он и сам про себя знал. Очень уж пожить хотелось как следует и без хлопот. Но вот ведь парадокс — работой он себя не перегружал, а в институте его лентяем все же не считали. Сотрудник он был покладистый, ни с кем никогда не спорил, со всеми соглашался. Скажут, к примеру, надо то-то и то-то. Петр Егорович отвечает: «Пожалуйста»! И продолжает ничего не делать. После нескольких напоминаний о задании забывалось, так как подходила очередь новой работы. Через полгода Петру Егоровичу пора на пенсию, на заслуженный, так сказать, отдых. И к этому отдыху ему хотелось бы подойти в хорошей форме.

И вдруг — голос.

Дома Петр Егорович, переодеваясь, вновь вытащил из брючного кармана дачный хлам и вновь увидел шарик. На сей раз он не отложил его автоматически в сторону, а поднес к самому носу, ибо был близорук, чтобы рассмотреть получше.

Шарик как шарик. Может, от детского бильярда, может, еще от чего. На вид стеклянный, очень гладкий, зеленовато-черный. Петр Егорович подержал его в руке и подумал: «Вот ведь как бывает. Живет человек, на здоровье не жалуется, пенсии ждет. А тут ему вдруг является голос и говорит — помрешь ты скоро, Петр Егорович, и пенсией своей не попользуешься, потому что лентяем был всю жизнь, ничего хорошего людям не сделал и, наверное, уже не сделаешь. Хватит тебе небо коптить да свою никчемность прятать. Пожил и хватит».

И тут в его голове снова что-то щелкнуло и он отчетливо услышал:

— Ну, об этом тебе еще рано думать. Ты еще лет...

— Стой, стой, стой! — возопил Петр Егорович. Ему стало жутко от мысли, что он сейчас узнает, сколько еще годков ему отпущено гулять на белом свете. — Стой, проклятый! Кто ты?! — Последние слова он крикнул уже презрительно замолчавшему шарiku на его дрожащей ладони.

Тишина была ответом Петру Егоровичу. Да и не нуждался он уже в ответе, потому что понял, откуда идет голос. Из шарика этого сорочьего и идет, будь он неладен. Черт его дернул вынуть стекляшку из гнезда и сунуть в карман, а потом таскать с собой повсюду, как

нужную вещь. Ох уж эта плюшкинская привычка подбирать все, что может когда-либо пригодиться.

Жене Петр Егорович о своей догадке не сказал ни слова. Она и так с испугом на него посматривала. Говорящий шарик выбросить все же не посмел, упрятал его в серванте, засунув в никогда не использовавшийся соусник, и сделал вид, что забыл о нем. Но стал Петр Егорович задумчив и все что-то соображал, подходил иногда к серванту и останавливался около в нерешительности. Так прошел месяц.

Выйдя как-то на свою застекленную лоджию, Петр Егорович увидел, что четыре синих пластмассовых ящика для стеклотары почти полны бутылок. Минеральную воду он и супруга пили исправно, каждый день, так как это весьма полезно для здоровья, поэтому проблема сдачи пустой тары была для Петра Егоровича не нова. А попробуй сдай. К каждому пункту приема посуды всегда стоит, как минимум, часовая очередь. А то бывает и еще хуже. Висит вывеска «Тары нет», а это означает одно — тащи свои бутылки в другое место или домой. Иной раз день угробишь, чтобы получить назад свои кровные.

Петр Егорович эту проблему для себя решил раз и навсегда. В «Универсаме» работал знакомый приемщик Амир, южный человек, на время откочевывавший в холодные края для успешной деятельности на ниве бытового обслуживания. Вот к нему-то и направился в тот же день Петр Егорович.

Быстро условившись, что завтра он привезет бутылки и сдаст без очереди, за что Амиру полагаются некоторые комиссионные за быстроту и качество обслуживания, Петр Егорович пришел домой и созвонился с зятем, владельцем «Жигулей», чтобы тот приехал и помог сдать бутылки за некоторые отчисления на бензин. От приличной по идее суммы в результате этих «налогов» Петру Егоровичу оставалось немного, но, будучи практиком, он знал, что мало — лучше, чем ничего.

Вечер был душный и влажный. На душе у Петра Егоровича, несмотря на успешно разработанную операцию, было почему-то тревожно. Опять вспомнился говорящий шарик, бесполезно позвякивающий в соуснике вместе с посудой, когда мимо проезжал трамвай.

Марии Николаевны в квартире не было, она ушла за продуктами в магазин, и Петр Егорович вдруг решился. Он воровато, как будто и не у себя дома, подошел к серванту, вытащил соусник и заглянул в него. На дне лежал черно-зеленый шарик.

Петр Егорович не знал еще, о чем его спросить. В голове смутно мелькали обрывки мыслей о зяте с «Жигулями», пустых бутылках и прочей неопределенной дряни, он взял шарик, осторожно зажав его между большим и указательным пальцами.

Шарик включился сразу же, как будто только и ждал этого момента.

— Не ездил бы ты завтра сдавать бутылки, — сказал он загадочно. — Понапрасну время потеряешь.

— То есть как? — глупо спросил застигнутый врасплох Петр Егорович.

— Не ездил бы, не ездил бы, не ездил...

Внутри шарика, казалось, что-то заклинило...

Петр Егорович, так и не спросив его больше ни о чем, с отвращением сунул соусник обратно в сервант и сел смотреть телевизор. Но вечер все равно был испорчен.

На другой день выяснилось, что предостережение оказалось не напрасным. У Петра Егоровича нехорошо засосало под ложечкой еще только он увидел обитую толстым железом дверь приемного пункта, на которой было вывешено коряво написанное объявление — «Учет».

— Как же так, учет, — бормотнул Петр Егорович, виновато взглянув на зятя. — Я же договаривался.

Ему очень хотелось сказать: «Разворачивай, милый, и давай отсюда», но вместо этого он на негнущихся ногах подошел к металлической двери и тихонько постучал. Дверь открыли сразу же, как будто только и ждали этого тихого стука.

— Вам кого, гражданин? — высунулся из-за двери уверенный молодой человек в штатском.

— Мне? — переспросил растерявшийся Петр Егорович. — Это... мне... бутылки сдать.

— Вы же видите — «Учет». А может, вам Амир нужен? — Молодой человек пристально посмотрел Петру Егоровичу прямо в глаза. — Может, вы насчет чего договаривались?

— Не договаривался я! — крикнул Петр Егорович и почти побежал назад к машине, чувствуя на своем затылке колющий взгляд.

Он плюхнулся на сиденье и коротко скомандовал зятю:

— Гони!

Зять послушно рванул машину с места и только уже на улице, в потоке других автомобилей, спросил:

— А что, собственно говоря, случилось? Может, в другом месте сдадим.

— Нет, домой, домой, — приговаривал Петр Егорович, вращая подъемник стекла, словно пытаясь отгородиться от всего, что оставалось вне кабины. — Домой!

Отпустив зятя с пустыми бутылками мотаться по городу в поисках другого приемного пункта, Петр Егорович решительно подошел к серванту и вытащил шарик из соусника. Потом он прошел в совмещенный санузел, присел на край ванной и покатал шарик по ладони.

Голая электрическая лампочка ярко отражалась в розовой лысине Петра Егоровича и на темно-зеленой поверхности шарика. Петр Егорович еще раз глубоко вздохнул, прокашлялся, как на сцене перед микрофоном, и ровным голосом, чуть не по слогам — так разговаривают с плохо понимающим иностранцем — спросил:

— У меня полугодовой отчет не готов. Что мне за это будет?

— Премия тебе за это будет, — с готовностью отозвался шарик. — Отчет делает Аверьян Михайлович и через две недели уйдет на пенсию.

— Правильно отвечаешь, — задумчиво произнес Петр Егорович. — Это ты правильно говоришь.

Он еще раз близоруко рассмотрел шарик. С виду ничего особенного. Гладкий. Хоть бы надпись какая была, типа «Мэйд ин...»

«Отечественный, что ли? — подумал Петр Егорович. — Не может быть».

Шарик молчал.

— А вот скажи, — вновь прокашлялся Петр Егорович, — что Аверьяну Михайловичу подарят при выходе на заслуженный отдых?

— Цветной телевизор подарят как старейшему работнику и активному общественнику по профсоюзной линии и еще как наставнику молодежи.

— Ну это ты врешь! — рассердился Петр Егорович. — Про телевизор я бы знал.

Он помолчал немного, ожидая возражений, но не дождался.

— Так-то, — внушительно обратился он к шарiku. — А то — те-ле-ви-зор!

Петр Егорович привычно водворил говорящий шарик на место в сервант и, немного успокоившись, пошел на кухню посмотреть, что Мария Николаевна готовит на обед.

После этого дня сомнений насчет шарика у Петра Егоровича не оставалось. Точно, говорящий. И даже иногда правду. Последнее предсказание насчет телевизора позволяло все же сомневаться в том, что прогноз на то или иное событие бывал верным, но в основном шарик не врал. Теперь, когда Петр Егорович уверился, что по случайному капризу судьбы он стал обладателем редкого сокровища, он перестал мучиться раздумьями о собственном неблагополучном здоровье, а занялся составлением обширной программы вопросов, ответы на которые могли бы принести ему ощутимую пользу. Мучило, правда, то, что шарiku не всегда можно полностью верить, но это, размышлял Петр Егорович, в принципе не так уж важно. Главное, сделать вовремя поправку плюс-минус, а остальное — дело техники. Не давало покоя и еще одно обстоятельство, откуда такой говорящий шарик мог вообще взяться в нашем реальном мире, отучившемся верить в чудеса. Но здесь ни к какому разумному выводу Петр Егорович так и не пришел, и на время закрыл для себя этот вопрос, как бесперспективный.

Теперь Петр Егорович не торопился. То, о чем он собирался спросить, требовало правильного расчета, так как предсказывающий будущее шарик все же не волшебная палочка. Он не достанет по мановению руки престижную машину «ГАЗ-32», не выдаст крупную сумму на мелкие расходы, но при верном подходе к делу из предсказаний можно будет извлечь немалую пользу.

Каждый вечер, а иногда и утром, перед уходом на работу, Петр Егорович проверял теперь, на месте ли его карманный оракул. Таскать шарик с собой Петр Егорович не решался из-за боязни его потерять. Стал он почему-то подозрителен и суеверен, на жену, не понимающую внезапной перемены в поведении мужа, поглядывал с недоверием. Мария Николаевна болезненно воспринимала его постоянную теперь раздражительность и потихоньку бегала к соседям (Аверьяну Михайловичу и его супруге) жаловаться на Петра Егоровича, отчего настроение последнего отнюдь не улучшалось.

Аверьян Михайлович воспринял перемену в Петре Егоровиче чисто по-мужски.

— Петр, — начал он как-то на работе, когда никого из сослуживцев рядом не было, — ты только не подумай чего, я тебя понимаю. Но вот посмотри на меня, я тоже когда-то думал так же. Даже женился на ней, молодой... Да... А теперь видишь тут, — он провел руками по ввалившемуся животу, — и тут, — он указал на мешки под глазами. — Ночами ведь не сплю, все думаю, чем ей еще угодить. Измучился весь и все боюсь, что вдруг она к другому уйдет. А Мария Николаевна у тебя женщина хорошая, всю жизнь, считай, вы с ней душа в душу прожили. Одумайся, Петр.

— А, черт! — ткнул пальцем мимо калькулятора Петр Егорович, не ожидавший, что его поведение и жена и сослуживцы расценят именно таким образом. — Провалитесь вы все пропадом!

Он выскочил из-за полированного стола и побежал в медпункт просить валидол. До этого на сердце он никогда не жаловался.

Через два дня институт провожал Аверьяна Михайловича на пенсию. Говорили много и хорошо, а Долгов стеснялся, как десятиклассница, получающая аттестат. И под конец под дружные аплодисменты в зал втащили цветной телевизор, здоровый, как несгораемый шкаф, и поставили у ног юбиляра. Подарок был полной неожиданностью и для Аверьяна Михайловича и для сотрудников его отдела. Но руководство института рассудило иначе. Тридцать лет бессменной работы, прекрасные деловые качества и все, что полагается вспоминать в подобных случаях, позволили выделить некоторую немалую сумму на ценный подарок. Сюрприз удался.

Скупая слеза умиления потекла по ввалившимся щекам Аверьяна Михайловича.

И первые его слова благодарности совпали с хлопком дверью, которую с силой припечатал стремглав убегающий из зала Петр Егорович.

— Ах, так! — мстительно приговаривал себе под нос Петр Егорович, сжимая скользкий поручень троллейбуса. — Значит, телевизор! Хорошо!

Что он вкладывал в это «хорошо», он и сам не знал. Но звучало это угрожающе.

Отодвинув в сторону Марию Николаевну, как отодвигают с дороги стул, Петр Егорович, войдя в квартиру, первым делом стремительно подошел к серванту и, вытащив на свет шарик, шваркнул соусником об пол. Затем он быстро прошел в санузел и закрыл за собой дверь. Мария Николаевна робко дергала ручку двери и тихо шептала:

— Петя! Петечка! Может, «скорую» вызвать?

— К черту «скорую»! — рычал Петр Егорович, умащиваясь на краю ванной. — Всех к черту!

— Ну, говори! — раздувая ноздри, обратился он к шарiku. — Что подарят мне перед пенсией!

— Набор зимних удочек. Для подледного лова, — как показалось Петру Егоровичу, издевательски ответил шарик. — С комплектом блесен.

— А ему, значит, телевизор?

— По труду и почет, — быстро отреагировал шарик, не чуждающийся, как оказалось,

газетных штампов.

— Ах, по труду, а я, стало быть, тунеядец? Может, мне и пенсия не полагается?

— Пенсия полагается, — с явным сожалением констатировал оракул.

— Ладно. Отвечай. Только быстро. Какие номера будут выигрышными в следующем розыгрыше спортлото?

В ответ раздалась частые гудки, как бывает, когда номер абонента занят.

— Какие номера? Какие!!!

— Ту-ту-ту...

— Издеваешься? погоди!

Петр Егорович выскочил из санузла, едва не сбив с ног притаившуюся у двери и заливающуюся слезами Марию Николаевну, и бросился к ящику с инструментами. Выбрав из двух домашних молотков тот, что побольше, он вышел на лоджию и, положив на чурбачок для рубки мяса тонкую стальную плиту, хранившуюся тут же на всякий случай, установил на нее шарик так, чтобы не скатился, и устало спросил:

— Ну, говори...

Шарик молчал.

Петр Егорович поднял молоток, близоруко прицелился и долбанул изо всей силы по шарiku.

Спасло его то, что спружинивший при отдаче молоток просвистел в каком-то миллиметре от уха, а Мария Николаевна, вбежавшая на лоджию вслед за мужем, повисла на его руке всеми своими восьмьюдесятью килограммами. Поднять одной рукой и молоток, и Марию Николаевну Петр Егорович не смог, а потому как-то сразу обмяк и покорно позволил увести себя в спальню, раздеть и уложить в постель.

— С того самого дня, — услышал он, очнувшись после глубокого нездорового сна. — С того самого дня, доктор.

Доктор — студенческого вида девица — нервно трепетала ресницами, заполняя какой-то бланк.

— Сядьте, больной, — скомандовала она, прекратив вести запись. — Расстегните пижаму.

Она потыкала в грудь и спину больного холодным кругляшом стетоскопа, оттянула ему нижние веки и посмотрела на белки.

Всей кожей Петр Егорович чувствовал, как он ей надоел. Может быть, и не он лично, но все же и он, как олицетворение тех десятков больных, которых она вынуждена осматривать ежедневно, с их дурацкими, на ее взгляд, жалобами и просьбами.

— Я ни на что не жалуюсь, доктор, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Я — здоров.

— Что же вызывали-то тогда? — возмутилась девица. — Да еще срочно.

— Ну, народ... — раздалось уже из прихожей. Хлопнула входная дверь.

Сломить Петра Егоровича оказалось не так-то легко. Потерпев неудачу, он не отказался от решения добиться нужных ответов от говорящего шарика во что бы то ни стало. Первым делом после ухода доктора он прошел на лоджию и, пошарив по углам, отыскал спрятавшийся за пластмассовые бутылочные ящики шарик. В том, что тот именно спрятался, а не закатился туда случайно, Петр Егорович был уверен: «Это такая сообразительная тварь!» Потом он расчетливо наведился к Аверьяну Михайловичу, поздравил с подарком, посетовал, что из-за плохого самочувствия не смог помочь доставить подарок домой, убедился, что телевизор прекрасно работает, и вернулся к себе в квартиру. Два раза за вечер он закрывался в санузел и уже шепотом, чтобы не тревожить понапрасну Марию Николаевну, спрашивал шарик про выигрышные номера. Других вопросов он не придумал, а на эти шарик упорно не отвечал. Тогда Петр Егорович позвонил домой своему начальнику отдела и попросил день в счет очередного отпуска.

Утренняя электричка посреди рабочей недели была почти пуста. Солнечные зайчики прыгали по желтым деревянным сиденьям, в открытые форточки на коротких остановках

врывались голоса птиц. Петр Егорович сидел прямо, положив ладони на колени. Лазить в карман и дотрагиваться до шарика он не решался. Стало уже давно понятно — чтобы шарик заработал, необходимо взять его в руку.

Дача была далеко. В этом были ее преимущество и недостаток. Хорошо то, что их кооператив разместился в наполовину покинутой для городской жизни деревне. У оставшихся в деревне колхозников легко можно было купить молоко, приобрести нужные товары в магазине. А плохо то, что слишком уж долго добираться. Но сейчас неблизкий путь был Петру Егоровичу на руку — есть время подумать.

«„Спортлото“ — это само собой, — размышлял, он. — Ну, еще, скажем, дефицитные товары, когда и где появятся. Об этом тоже надо спросить. Да, вот еще, про изменения цен, вдруг что подорожает. И не забыть бы — разведется дочка с этим оболтусом или нет? Что-то у них недружно последнее время. Может, еще не поздно его по общественной линии...»

На даче, не открывая дом, Петр Егорович прошел прямо к сараю с инструментами, он же служил мастерской, и, вытащив шарик из кармана, встал у верстака. Покатал горошину по ладони и как можно мягче сказал:

— Ты... это... не сердись за вчерашнее. Сгоряча я. Давай по-хорошему. Ты мне — номера, я тебя — обратно в гнездо. И разойдемся миром. Значит так, последний раз спрашиваю.

Шарик не отвечал. Он игриво посверкивал на солнце полированным бочком, глухой к просьбам Петра Егоровича.

«Может, испортился?» — испугался Петр Егорович.

— У Аверьяна Михайловича жена молодая, — быстро проговорил он. — Так как, изменяет она ему или нет?

— Не изменяет, — живо отозвался шарик. — Любит она его.

— Не изменяет, — огорчился Петр Егорович. — А какие номера в следующем...

— Ту-ту-ту... — принялся шарик за свое.

— Что ж, — мрачно сказал Петр Егорович, — сам напросился.

Он некрепко пока зажал шарик в здоровенные слесарные тиски и, взявшись за ручку, с надеждой спросил:

— Так какие...

— Ту-ту-ту...

Петр Егорович прикрутил тиски покруче.

— Ту-ту-ту...

— Вот тебе, вот, — свирепо приговаривая, Петр Егорович все сильнее и сильнее сжимал тиски. — Вот!

— Крак!!

Винт тисков не выдержал и сломался, шарик выпал на верстак и покатился к краю, но Петр Егорович прытко накрыл его ладонью.

— Боже ж ты мой! — почти простонал он, глядя на такой ценный и такой бесполезный в его руках предмет. — За что ж ты меня так, а? О чем же тебя спросить, проклятого?

Он помотал головой и начал задавать вопросы быстро, как следователь на допросе, желающий запутать внимание допрашиваемого и заставить его проговориться.

— Снимут наконец нашего начальника отдела по моему письму или нет?

— Не снимут. Через полгода замдиректора института будет.

— Цены на сахар повысятся?

— Ни на копейку.

— О-о! Зачем же я набрал-то его столько!

Петр Егорович забежал вдоль верстака, держа говорящий шарик на ладони, словно уголек.

— Ну, хорошо. Выберут меня на будущий год председателем дачного кооператива?

— Не выберут. Все знают, что ты только о своем водопроводе заботишься, а до других тебе дела нет. Аверьяна Михайловича выберут.

— Опять Аверьяна! — заорал Петр Егорович. — А мне опять шиш! Ах, ты...

Он выскочил из сарая и, продолжая держать шарик на вытянутой ладони, словно тот и вправду жег ему руку, побежал к колодцу, оставшемуся на участке еще от прежних, деревенских, хозяев.

— Я тебе покажу Аверьяна!

— Ты погоди горячиться, — уговаривал его, подлетая при каждом шаге, шарик. — Ты еще что-нибудь спроси. Для человечества.

— Для человечества! — совсем уже ужасающе взревел Петр Егорович и швырнул шарик в квадратную дыру колодца.

Он успел еще склониться над срубом, придерживаясь за гнилые бревна, и заглянуть внутрь, прежде чем шарик достиг глубокой воды. Икринкой мелькнул он в почти черной толще, блеснул напоследок серебристой искоркой и пропал из виду. Лишь только четкие правильные круги разбегались далеко вниз, лишь только холодом и сыростью тянуло в лицо Петру Егоровичу.

Мгновение спустя до него дошло, что он натворил. Петр Егорович схватил резко брякнувшее при этом цинковое ведро, занес руку над колодцем, чтобы сбросить ведро в глубину, подхватить говорящий шарик и вытащить его наверх, но вдруг передумал, спокойно поставил ведро на землю и пошел к дому. При этом он бубнил себе под нос:

— Эх, про соседских пчел не спросил. Сдохнут они, наконец, или нет?

Леонид Кудрявцев **ОСТАНОВКА В ПУТИ**

Сидя на пригорке, Аристарх пытался вспомнить недавний сон, в то время как Крокен, размахивая сковородкой, гонялся за зеленым лучом. Аристарх подумал, что отдаваться такому пустяковому занятию всей душой можно только в юности, и ему стало грустно.

Луч тем временем остановился. Немного помедлив, Крокен подsunул сковородку, извлек из вещмешка кусок жира, несколько квадратных яиц — и через минуту яичница была, готова.

Ощувив болезненный укол, Аристарх сейчас же погладил правый бок, боль утихла, и это было хорошо. Посмотрев на голубое треугольное солнце, поерзал, стараясь сесть поудобнее, и снова попытался вспомнить сон, но безуспешно. От огорчения Аристарху захотелось есть, и он, недолго думая, отправился на поиски гриба-грозовика: благополучно его обнаружив, воткнул два пальца в белую мякоть. Послышался треск.

Насыщаясь электричеством, Аристарх замер, чувствуя, как окружающий мир смещается, и тут же увидел себя со стороны, потом кусты, увлеченно уплетавшего яичницу молодого кентавра, и дальше... дальше... дальше...

Приятно покалывая, энергия насыщала тело, заставляя закрыть глаза, что позволило увидеть долину полностью. Она была небольшая, продолговатая, километра полтора в длину, метров триста в ширину, ограниченная слева непроглядной стеной дождя, справа — горными пиками, усеянными ледниками и трещинами.

А мысли бежали и бежали.

Почему-то он подумал, что можно жить только для себя. И это удивило Аристарха, но одновременно и разозлило. А ведь действительно, сколько можно? Вытирать чужие носы и мирить смертельных врагов, помогать, помогать, помогать, и все что угодно, до бесконечности, не считая попыток вести планомерный поиск, на который совершенно не хватало времени. Да и еще бы его хватало, когда забот полон рот?!

Однако чем-то, это все должно кончиться? В конце концов, неважно, вымрут все или приспособятся настолько, что в его помощи не будут нуждаться. Возможно также, его поиск увенчается успехом, но и это ничего не изменит, потому что неизбежность какого-то решения рождает очень простой вопрос. А что дальше?..

Гриб рассыпался в пыль. Аристарх вскочил на ноги и, подтягивая мешковатые штаны,

стал смотреть на приближавшегося Крокена.

«Что может быть красивее скачущей лошади, танцующей женщины и чайного клипера под всеми парусами?» — вспомнил он.

Скачущий кентавр.

Невдалеке от Аристарха Крокен встал на дыбы, взметнувшись почти на трехметровую высоту. Гикнув, взмахнул руками, словно пытаясь улететь, и легко-легко, даже чуть замедленно, опустился на землю, чтобы шагнуть вперед и прижаться прохладным лицом к бороде Аристарха.

— Идем?

— Идем, идем, — Аристарх закинул на плечо рюкзак.

Остановившись возле дождевой стены, так близко, что на лице стали оседать водяные брызги, Крокен спросил:

— А кто там живет?

— Увидишь, — ответил Аристарх, проходя мимо. Бросив последний взгляд на долину, Крокен присвистнул и поскакал догонять Аристарха, который уже скрылся за струями дождя...

Они шли по колено в липкой жиже, а сверху на них падали бесчисленные удары водяных кулаков — целую вечность.

Потом провалились в яму, в которой долго барахтались, и, окончательно выбиваясь из сил, так добрались до более твердого места, после которого находилась очередная яма...

Размеренно передвигая ноги, пробираясь сквозь вязкую субстанцию, временами погружаясь в нее по пояс, Аристарх пригасил сознание, отдавая власть над телом инстинкту, что всегда выручало его в подобных ситуациях.

Крокену приходилось хуже, но его спасало то, что он загодя привязал себя к Аристарху короткой веревкой, вовремя сообразив, что самое главное — не потеряться. Правда, силы его были уже на исходе. Веревка, свободно провисавшая в начале пути, натянулась, и теперь Аристарх фактически тащил Кентавра на буксире.

Наконец настал тот момент, когда Аристарх почувствовал, что сил больше нет и даже на инстинкте далеко не уедешь.

Но тут впереди что-то блеснуло. Нет, не граница дождевой полосы. Посредине дождя стоял цилиндрик света. Метра три в диаметре.

Легко преодолев пленку дождя и оказавшись на свету и в тепле, они как подкошенные рухнули на траву. Через секунду из воды появилась зубастая пасть, но только чуть высунулась и тут же спряталась обратно.

— Господи, как хорошо-то, — простонал Крокен, пытаясь расчесать пальцами слипшиеся от грязи волосы. Мокрая шерсть на его теле торчала клочками.

Поглядев на него, Аристарх аж скрипнул зубами.

Его-то я зачем с собой поволок? Вот дурак. Поддался на уговоры, посчитал, что для малыша это будет жизненным уроком. Хорош урок — захлебнуться грязью. Нет, положительно дал я тут маху. Дождевая стена — это только начало. А дальше? Мне-то что, я и не такое видывал. А он? Старый я дурень. Попутчика захотелось... Ну, вот и получил... Что теперь с ним делать? Нет, надо было еще в горах отправить его обратно. Посчитал, что втянется. Как же, втянется... Ему бы по зеленому лужку скакать, а не грязь месить...

Ну ладно, что теперь поделаешь. Раз взял, придется, брат, за него отвечать.

Он сорвал пучок травы, вытер им лицо, спросил:

— Что, тяжело?

— Да нет, ничего. Вот маленько отдохнем — и дальше...

— Ну отдохни, отдохни... Осталось немного, меньше, чем прошли. А там такая же долина... Солнышко... Все, что угодно. Вот там и отдохнем.

— А кто там живет?

— Там?.. О, брат, там интересные создания живут: Леший и Автомат для продажи

газированной воды... Они довольно самостоятельные, так что помощь им вряд ли потребуется.

Теперь они глядели вверх.

Полное ощущение, что лежишь на дне узкого, необычайно высокого колодца.

Аристарх повернулся лицом к кентавру:

— Знаешь, что? Это я тебя прошу на будущее. Если где заметишь что-нибудь странное, мне говори. Ну... там ход какой под землю или что-то похожее на люк... Ладно? А впрочем, тут все странное, поди разберись.

— Почему — странное? Что же у нас странного? Я пока ничего...

— Да я так, — спохватился Аристарх. — Конечно, ничего такого у нас нет. Все нормально. Это я пошутил так.

— Что-то необычные у тебя шутки.

— Да уж какие есть, — буркнул Аристарх и отвернулся. Разговаривать ему больше не хотелось.

Некоторое время Крокен испытующе смотрел ему в затылок, но Аристарх так и не обернулся.

Когда впереди посветлело, зверь отстал. Очередная яма... Еще один глоток жижи... Рывок из последних сил... И он вывалился на сухое, ровное место!

Машинально сделал еще несколько шагов, обернувшись, увидел радостное лицо Крокена и в изнеможении сел на ближайший пригорок. Потом стащил сапоги, сняв с себя одежду — отжал и повесил сушиться. Крокену было проще, он ограничился тем, что расчесал свои длинные волосы и коротко подстриженный хвост.

Размеры долины определить было трудновато. Обзор закрывали яблони, кактусы, лиственницы и баобабы.

Аристарх прилег. Солнце слепило глаза, хотелось заснуть, и вообще стало как-то на все наплевать. Свернувшись поудобнее, он подтянул ноги к животу, успев подумать, что нужно бы еще подзарядиться. Засыпая, почувствовал, как рядом пристроился Крокен, повернувшись, ткнулся лицом в его мокрую шерсть и провалился в другой мир.

...Взрывались галактики, и Пространство перекручивалось штопором...

...А потом он увидел ноги. Одни лишь ноги, без туловища. И в них была какая-то диспропорция, которая тем не менее казалась необычайно знакомой...

И только когда отрывок сменился и перед ним уже корчился и исходил огненной рекой космический монстр, Аристарх вспомнил, что эти ноги — его собственные. Нет, не те, что сейчас, а те, что были раньше, в мире, который исчез... давно, очень давно...

Фрагмент сменился. Он падал в хищную, протянувшую к нему пальцы протуберанцев бездну. Длилось это вечность, и только когда прекратилось, он понял, что прошла лишь секунда...

Дверь. Легкий толчок, и она распахнулась.

Нломаль стоял в центре заполненного людьми амфитеатра. Произнося речь, он суетливо размахивал руками и время от времени поглаживал пышные, несурзные бакенбарды:

— А теперь, с помощью некоторых предпосылок, представим себе примерную ситуацию, при которой наш мир поменяет свой знак. Причем это будет не зеркальное отображение материи, как вы могли бы подумать, а принципиальное изменение ее сущности. В этом случае будет наблюдаться деформация физических и других законов. Ну и, естественно, явления трансцендентности могут увеличиться до невероятных размеров.

Каким образом может возникнуть данный феномен?..

...Проклятый песок, он хватал за ноги не хуже волчьего капкана!

И Аристарх уже чуял смрадное дыхание нагонявшего зверя. А оглянуться не было сил, их хватало лишь на то, чтобы бежать вперед, задыхаясь.

...Сделав паузу и внимательно оглядев кворум, Нломаль продолжил:

— Безусловно, одним из условий будет возможность путешествий на машине времени. Исходя из этого, можно представить, как некто отправляется в прошлое, с целью воздействия на определенный отрезок времени. В силу эффекта затухания временных возмущений последствия его работы должны иметь глобальный характер.

Например: можно изменить силу гравитации и расположить ее так, чтобы в определенных районах она возрастала, а в других уменьшалась. Кстати, одним из результатов будут любопытные атмосферные явления.

Но, в первую очередь, подобные опыты приведут к тому, что изменится дальнейшее развитие жизни. С увеличением подобных воздействий последующий мир будет отличаться от первоначального варианта все больше и больше...

...Он стоял на середине пустой комнаты, обливаясь холодным потом и ощущая на себе внимательный нечеловеческий взгляд, который, казалось, пронизывал насквозь.

И не было больше сил выдерживать эту пытку. Хотелось закричать, сжаться в комок и забиться в угол. Тем не менее он оставался недвижим, хорошо понимая бесполезность любых действий. А взгляд словно бы уплотнялся, концентрируясь в одной точке — напротив сердца.

В ожидании выстрела остановилось время. Сердце захлебнулось на середине такта.

Ну же... Ну!.. Сухо щелкнуло, и мир стал выворачиваться как чулок, постепенно и неотвратно бледнея...

— ...кому это нужно?

Тот, кто пойдет на подобный эксперимент, попросту исчезнет из нашего мира. Но тогда изменений не будет, и он все же окажется существующим. А значит, будет вносить изменения. И так далее. По кругу, до бесконечности, замыкая временную петлю. Но только для данного объекта. Весь остальной мир ничуть не пострадает.

Другое дело, если на подобные действия отважится существо из другого мира, который в результате их возникнет. В таком случае парадокса нет.

Безусловно, мои слова могут показаться отвлеченными фантазиями. Но стоит в том варианте будущего, который не имеет пока права на существование, построить машину времени, как наш мир станет нереальным...

...Переворачиваясь, акула показала свой белый живот и разверстную пасть, Аристарх рванулся, отчаянно лопатя воду руками и ногами, но черная дыра, усеянная по краям блестящими кинжалами, надвигалась на него неумолимо...

Безусловно, это был всего лишь кошмарный сон.

Проснувшись, Аристарх разлепил веки и увидел Лешего, который сидел напротив, копаясь в длинной грязно-белой бороде, и кротко вздыхал. Одет он был в новенькие, усеянные заклепками джинсы, с блестящими цепочками, висюльками и прочими, обязательными для такого рода одежды цацками. Улыбнувшись, Леший суетливо вытащил из кармана джинсов очки в золотой оправе и увенчал ими свой картофелеобразный нос.

— Ну что, пришел?

— Пришел, пришел, — ответил Аристарх, протирая глаза.

— Ну, ты, брат, даешь! Когда успокоишься? Пора уже. Взял бы да осел у нас в долине. Ты по сторонам посмотри — благодать! А впрочем, что я говорю! Человек ты самостоятельный, решай сам. Хотя здорово бы получилось, останься ты с нами.

— Угу, здорово, — согласился Аристарх. — Но как будет с теми, кто живет не так хорошо, как вы?

— Да я ничего. Дело твое. Но тут твое имя переделали. Агасфером называют.

— Ну, Агасфер так Агасфер, — Аристарх поглядел на Крокена, который тоже проснулся и, обнажив в улыбке длинные клыки, разглядывал Лешего.

— А это кто с тобой? — спросил Леший, озабоченно протирая замшевой тряпочкой очки.

— Это? Да вот напросился со мной... Мир повидать желает. А с кем иначе? Крокен его зовут.

— Это хорошо. Пойдем, там Газировщик ждет.

— Жив курилка? И ржавчина его не осилила?

— Самым чистым репейным маслом смазываю...

Аристарх и Леший пошли вглубь долины, а Крокен рванул и понесся кругами — сшибая листья с могучих яблонь и распугивая крохотные, молодые тигрокустики.

Словно пылевая пелена затягивала Солнце, окрашивая края огненного квадрата в тускло-багровый цвет, постепенно подбираясь к центру. Темнело. С тревогой поглядев на небо, Аристарх спросил:

— И часто у вас случаются выпадки?

— Да что-то последнее время часто. Наверное, опять с неба валенки будут падать... Впрочем, я ошибаюсь, сегодня ничего не будет... Видишь, края квадрата снова разгораются? Нет, ничего не будет... Вот неделю назад... Представляешь, птеродактиль появился. Пока из ротного миномета не обстреляли, ну хоть тресни — и с места не двинулся! Однако когда в тебя летят чушки, наподобие тех, что ротник бросает, — шутки плохи... Хочешь не хочешь — пора уходить.

— Что же вы так, — посочувствовал птеродактилю Аристарх. — Тоже ведь тварь божья. Жить хочет, и все такое.

— Да так, — Леший пожал плечами. — Больно уж пакостно кричал. Да и запах от него тяжелый. А уж почавкать, дай бог.

— И куда он теперь... бедолага?

— А куда? Куда-нибудь... Ты не беспокойся... Он ведь из этих... Приспособится... А уж потом начнет хапать, да побольше — уж поверь.

Крокен выскочил из-за ближайших кустов, разнес в труху попавшийся под копыто гнилой пень и, легко отталкиваясь от земли самыми кончиками копыт, высоко подпрыгивая в тех местах, где сила гравитации была меньше, ворвался в другую группу кустов и стал их безжалостно утюжить. Через минуту они превратились в кучу изломанных прутьев, и довольный кентавр стал горланить одну из наимоднейших среди молодежи песенок:

Сынко, в небе синем пролетая,
не забудь же, милый, каску надевать.
Голову надежно прикрывая,
можно каракатиц с неба собирать.

А, не дай же бог, увидишь бегемота,
за собою в дом его ты не пускай.
Он лягушек любит и мостить болота,
он такой гунявый, в общем — негодай.

Если же, хилая, будешь неподкупен,
уловить сумеешь ложкою луну,
мрак тебе вечерний станет недоступен,
и тогда в субботу я к тебе приду.

И когда увидишь ты галактик туши,
загребешь копытом солнечный эфир,
и свои любимые пальмовые уши

в свежий, неразбавленный обмакнешь кефир...

При последних словах Крокен так поддал пробежавшему мимо тигрокусту, что тот отлетел метров на десять, успев все же выпустить облачко черного дыма, которое сгруппировалось в нечто вроде огромной физиономии с широким, усеянным зубами ртом.

— Что, с маленьким справился, да? — спросила физиономия и, обругав Крокена балбесом, тупицей, рыжим тараканом, петухом гамбургским, плевком цивилизации, осколком унитаза и парализованным змеем, медленно растаяла.

Крокен сейчас же спрятался за спиной Аристарха и осмелился покинуть это убежище лишь тогда, когда дым рассеялся полностью...

Заросли сарсапарелля кончились, и они оказались на эллиптической полянке, разделенной пополам шустрым ручейком. Возле самой воды возвышался автомат для продажи газированной воды.

Аристарх остановился и стал его рассматривать с видимым удовольствием.

Обыкновенная сверкающая хромированным железом и цветным стеклом жестяная коробка. В нише — чистый стакан. Выше — надписи: «Газированная вода — полторы копейки», «Вода с эюпсным сиропом — три с четвертью копейки».

И так легко было покориться иллюзии, что вернулся навсегда исчезнувший мир... Но в следующее мгновение автомат скривил нишу и, подогнув короткие металлические ножки, быстро-быстро засеменял им навстречу, радостно восклицая:

— Кого я вижу! Аристарх! Да еще и с молодым человеком! Я ведь как знал... Честное слово! Вчера два десятка моркусов закопал. Ведь как чувствовал, что придете. Ну ничего, сейчас мы чего-нибудь сварганим. Где скатерть? Лешак, опять ты ею гусениц отлавливал? Сдались они тебе? Пешком надо ходить... Ладно, скатерть будет. Тащи сюда моркусы. Да поживее!

Леший исчез за деревьями. Оттуда послышался скрежет, звон, потом Леший ругнулся, и наступила тишина.

Со стороны ручейка прилетела стайка мигвистеров. Они уселись на ближайшее дерево и завершали:

«Ау, Селк захромал на левое плечо... Хх-ха, пиво есть пережиток прошлого, в наличии не сохранилось... И слава богу, а то пришлось бы взрывать все это к чертовой матери... А жаль, куда он укатился? Тут Брандер охотится... Он самый, с тремя лапками. А сверху колючки...»

— Ишь, заявились, — сообщил Газировщик. — Кыш, кыш! Ну теперь они надолго. Черт! Теперь смотри в оба... Да, а что это я? Сейчас... Сейчас...

Газировщик с натугой загудел... Ближайший к ним пенек треснул, половинки раздвинулись, и из его нутра появился краб-акселерат.

Бешено вращая стебельковыми глазами и припадая на правый бок, где не хватало одной лапки, он засунул бронированные клешни в середину пня и вытащил из него накрахмаленную скатерть. Развернув, расставил на ней извлеченные оттуда же свертки с бутербродами, аккуратно нарезанную колбасу на жестяной тарелочке, связку баранок, банку консервированного перца, три баночки «хека», серебряный консервный нож с изумрудом в ручке, полпалки колбасного сыра и еще какие-то свертки, мисочки, чашечки, лохани, тарелки, доверху, заполненные неизвестно чем. Прodelал он это быстро, сноровисто, повторяя, как треснувшая пластинка: «В любой неурочный час готовы обслуживать вас».

Кончив свой нелегкий труд, взобрался на пенек, пробормотал: «Чтоб вы сдохли», — и скрылся в трещине. Пенек с треском захлопнулся, по нему прошла судорога. Некоторое время он бешено скреб землю обрубками корней, потом затих.

— Ну, вот и ладненько, — пропел Газировщик. — Присаживайтесь... Устали?

Крокен грохнулся возле скатерти и вольготно вытянул ноги. Схватил бутерброд и, откусив, пробормотал: «С кракенской колбасой...» Мгновенно его прикончив, потянулся к следующему.

Аристарх сел степенно, сначала сняв с головы шляпу и пригладив длинные седые волосы. Он вытащил из сапога деревянную ложку и осторожно зачерпнул что-то желеобразное из ближайшей мисочки.

— Что, брат, это тебе не электричество? — спросил Газировщик.

— Электричество — электричеством, а настоящая еда — сила, — пробормотал Аристарх, не спеша пережевывая желе, оказавшееся довольно вкусным. Из чего оно сделано, он так и не смог распробовать, а спросить не рискнул. Кто его знает, может, из каких-нибудьдохлых жуков?

Из-за деревьев показался Леший. Гусеница ростом с лошадь катила за ним тележку на резиновом ходу, заполненную грушевидными предметами. Очевидно, это и были моркусы.

Уложив их на середину скатерти, Леший отпустил гусеницу, и та радостно пошлепала прочь, таща за собой тележку, которая почти тотчас наскочила на пень и перевернулась. Досадливо махнув лапкой, гусеница пнула тележку и исчезла за деревьями.

— Ну что же, — сказал Газировщик. — Теперь все готово. Будем есть и пить, также вспоминать и оплакивать нашу злосчастную судьбу, которая...

— Не иронизируй, — оборвал его Леший, опускаясь на колени, с вождением разглядывая миску с колбасой.

— А это что? — спросил Крокен, взяв в руки один из моркусов и внимательно его рассматривая.

— Ого! Это штука! — Леший отломил у моркуса верхушку и припал к нему ртом.

Аристарх некоторое время смотрел, как он пьет, а потом отломил верхушку у своего моркуса. Жидкость показалась ему холодной, но через мгновение он понял, что это почти кипяток, и стал пить осторожнее, смакуя каждый глоток. И вдруг ему стало хорошо.

Нет, это совсем не походило на опьянение. Просто у Аристарха странным образом изменилось зрение. Он видел, как левая рука Крокена, та самая, на которой ноготь большого пальца был сломан, тянется к упавшему моркусу, из которого вытекает молочного цвета жидкость.

Одновременно он видел, что Леший и Газировщик, обнявшись, поют старинную песню:

На краю большой Галактики
жил простой единорог,
знал законы космонавтики
и любил мясной пирог.

И рассеяннo гуляя.
по планете вновь и вновь,
жил легко, не ожидая
птицу редкую — любовь...

Причем по правой штанине великолепных джинсов Лешего стекал моркусный сок, а передняя дверца Газировщика была распахнута, и можно было увидеть, что в бак для сиропа ныряют махонькие зеленые человечки.

Кроме того, Аристарх видел, как по небу нескончаемой вереницей плывут серебристые облака. На одном примостился небольшой космолет, из крайней дюзы которого торчали сиреневые ноги, в количестве трех штук. Очевидно, пилот был занят ремонтом. А может, и спал.

Еще он видел, как возле ручья из осоки выглянула крокодиля морда, сказала «ку-ку» и тотчас спряталась.

А потом огромные стены окружающего мира обрушились. Свет погас и снова загорелся. И это был нормальный мир.

Газировщик оборвал песню и мечтательно сказал:

— Да, а ведь раньше все было по-другому... Моркусы — хорошая вещь, но было еще

что-то, уже и не вспомнишь....

Крокен встрепнулся:

— Раньше? А что было по-другому?

— Не обращай внимания, мой мальчик, — сказал Газировщик. — Раньше все было по-другому, но ты этого не видел. Ты родился уже в этом мире. Может быть, это здорово — ничего не помнить. Ведь самое страшное в воспоминаниях — это то, чего никогда не помнишь целиком. И никогда не уверен — правильно ли помнишь... Потому что остальные помнят совсем по-другому. И все эти воспоминания — словно ощупывание слона в тумане. Есть такой классический пример. Откуда, не помню, но есть. Так вот, я держу хобот, а он — ногу, а третий — хвост. И мы не можем угадать, что это такое? Одно это животное или несколько? Вот в чем трудности... Спроси у Аристарха, он знает. Но не скажет. Так что, можешь не спрашивать...

Леший с хрустом прожевал капустный лист и, утвердительно кивнув головой, сказал:

— А ты плюнь... Есть такие вещи, которые знать не следует — легче дышится... И будущее не такое страшное.

— Но-но, — возмутился Аристарх. — Давай о другом. Вы мне мальчонку испортите. А ведь нам идти...

— Да, идти, — мечтательно сказал Газировщик. — И я бы пошел с вами хоть к чертовой матери. Искал бы эту бетонную крышку, цветок черного мака, а может, и беспочерковоронную куратаму!

— Я ничего... Однако это обидно, — заявил Крокен, пытаясь встать, но копыта у него разъезжались.

Аристарху стало страшно.

Что они делают? Что они делают? Нет, точно, парня надо спасать.

— Газировщик, тебе привет от Дракоши, — сообщил Аристарх.

— Да? — удивился Газировщик. — Так она еще жива? Ну и как себя чувствует?

— Превосходно. Только радикулит донимает. Да клык мудрости сломала. А так — отлично. Вот какого молодца вырастила, — Аристарх показал на Крокена.

Тот снова попытался встать, но ничего не вышло. Тогда он наклонил голову и, выпрямившись, стукнул себя кулаком в грудь, так что она загудела.

Газировщик вспоминал:

— Да, брат, сильна Дракоша. Эх, как вспомнишь ранешние времена... Жизнь — жестянка... Как мы с ней гуляли... Эх, как же он назывался?.. А!.. По Бродвею!.. Тогда это называлось: «Прошвырнуться по Бродвею». Только что это — убей не знаю.

Леший даже жевать перестал. Его хлебом не корми, дай вспомнить старое, хоть и помнил он с гулькин нос, а туда же...

— Да, — говорит. — Раньше еще кино было. Тоже — штука. Там, помню, жизнь показывали. И эту... любовь. Такие все красивые — спасу нет. Особенно женщины... Они ведь, женщины, и влюблялись. То в одного, то в другого. А первый, ясное дело, мучается. И как надоест — возьмет пистолет и хлоп соперника. А то и ее, и соперника. А если кино уж совсем интересное, то в конце и себя. Ну, это уже в конце. Да и не каждый, ясное дело — жить-то хочется.

У Крокена аж рот раскрылся. Он слушал и боялсядохнуть.

И только Аристарх сидел злой, как два птеродактиля, и клял себя.

Ну и дурак. Ведь знал же, чем это кончится. Нет же, понесло. Старых друзей решил проведать. Вот — проведаль. Доволен? Ведь они сейчас все и разболтают... А уж поздно, ничего не изменишь. И бросать Крокена нельзя, Дракоше слово дал. И придется его тащить за собой всю дорогу. И что это будет за дорога? Страшно даже представить. Вопросы замучает. Куда не надо соваться — будет. И нарвется... А как тогда Дракоше в глаза смотреть? Вот в чем штука.

Ну ладно. Сам виноват, сам и будешь расхлебывать. Эх, если бы один Леший, я бы его отвлек от этого разговора... А там — спать до самого утра. А потом быстренько-быстренько,

собрались и — ходу. Вот бы и обошлось...

Но ведь еще Газировщик. Так что можно не рыпаться. Газировщика вокруг пальца не обведешь. Да и помнит ничуть не меньше меня, а может, и больше. Да только поди узнай, молчит — слова не выдавишь. А иногда как скажет, — хоть стой, хоть падай.

Аристарх подумал, что пропадать — так с музыкой, хлебнул еще моркусного сока и зажевал колбасой. Вопрос Крокена прозвучал громко, и видно было, что парня зацепило и теперь он не отстанет:

— А как раньше-то было? И почему все стало таким, как сейчас?

И тут Аристарх окончательно уверился, что все пропало. Да и прах с ним! Будь что будет!

Он стал ждать, что ответят Леший и Газировщик, которые молчали совсем недолго, но этого хватило, чтобы Аристарха охватила звериная тоска по статичному миру. Потому что нестатичный мир был обильным и интересным, вроде бы привычным, но все же бесконечно чужим, что ни придумывай, как ни храбрись. Он понял, что Лешему и Газировщику тоже плохо, а может, и хуже. И только Крокен весь подался вперед, и глаза его светились любопытством, а руки чисто машинально крошили булку. От напряжения он вспотел и облизывал зубы раздвоенным языком.

Не так он был и глуп, этот Крокен. Он понимал, что имеет единственную возможность узнать все. И упустить ее было невозможно.

Газировщик закашлялся. Внутри у него зажглась и погасла какая-то лампочка, словно бы он подмигнул.

— Видишь ли... — начал Газировщик, и голос его был душевным, простым. Так обычно начинают долгий разговор.

Аристарх даже обрадовался. Рассказывать — так все.

— Видишь ли... Когда-то весь окружающий мир был другим... Это был удивительно статичный мир, где полено оставалось поленом и не имело возможности неожиданно превратиться в телевизор. Так же и разумные... Насколько я помню, они не умели делать то, что умеем мы, но обладали таким могуществом, что нам и не снилось. А потом произошло нечто, и этот мир превратился в наш... Понятно?

Крокен быстро кивнул и спросил:

— А мыслящие?

— Они изменились и живут теперь в нашем мире.

— Где? Их можно увидеть?

— Можно. Посмотри вокруг. Мы трое и есть бывшие мыслящие. В том мире мы были абсолютно одинаковые и назывались очень странно. Как — точно установить не удалось. Но что-то похожее на «лутти» и «щеловеки». Самое страшное то, что, изменившись, мы утратили нашу память. Остались только противоречивые обрывки воспоминаний и снов. Поэтому облик статичного мира восстановить необычайно трудно.

— А что с ним случилось?

— Невозможно сказать. Есть множество гипотез, но все они имеют недостатки... Могу их тебе перечислить, кто знает, вдруг сумеешь узнать, какая правильная... Так слушай...

— Да брось-ка ты, — вдруг ожил Леший и проворно взял один из моркусов. — Затянул... Давай, брат, лучше... Да, были раньше веселые деньки. А сейчас еще лучше.

Он свернул голову у моркуса и сунул его Крокену в руку. Действуя как автомат, открутил головку у следующего, высоко его поднял и сказал:

— Прошлое?! Будь оно неладно...

И все остальные тоже стали пить моркусный сок. А потом Леший поймал Крокена за гриву и, пригнув его голову к себе, стал рассказывать, как ходил в черный замок. И, конечно, безбожно врал.

— Представляешь — захожу. А там, вот провалиться, тридцатиметровые потолки... А у хозяйки нос добрых два метра. Берет она этим носом ножи и начитает точить...

И тут же бубнил Газировщик:

— А теперь представим, что в данное уравнение мы подставили минус единицу. Всего-навсего. Но конечный результат будет иметь не одно решение, а бесконечное множество. Вот так и наш мир имеет множество решений, — из приоткрытой дверцы Газировщика нескончаемым потоком тянулись маленькие лягушата. Зеленая лента двигалась по земле и исчезала в ручье.

— А если допустить, что кто-то изобрел что-то, под названием «бомба»... Что это такое, я тебе потом скажу. Но, поверь, это самое страшное на свете. И эта штука где-то падает и взрывается. Он и есть минус единица. Когда ее подставили в уравнение жизни, мир стал иметь бесконечное множество решений. Вот так...

— Все это странно, — сказал Аристарх, пытаясь согнать с плеча грустную летучую мышь, которая никак не хотела улетать, а все чесала и чесала когтистой лапкой его длинные волосы. Ненадолго ему тоже стало грустно, но потом он разозлился и, воткнув в землю два пальца, объявил, что ртом питаться безнравственно. А боженька все видит и накажет всех.

Но Крокен крикнул, что еще в прошлом году выбил этому типу все зубы, так что он сидит на своем небе и не выпадает.

И тогда Леший спросил: «Подеформируем?» Аристарх испугался, но почему-то согласился. А Крокен молча кивнул.

Леший вытащил из кармана черную коробочку и швырнул ее на скатерть. Разбив две чашки, она остановилась и оглушительно взорвалась.

Это было странно, необыкновенно странно. Время и пространство сливались в единое целое. Когда же это случилось, стало возможным измерять пройденный путь в секундах и минутах, а время — в метрах и километрах. И это было печально, невообразимо печально. Хотелось плакать, но он держался, вспомнив, что совсем еще недавно жил в невероятно статичном мире.

Время сделалось видимым и осязаемым, свиваясь в полосы и закручиваясь в петли. Чисто случайно одна из них схватила Аристарха за шею и потянула за собой в сырую и темную бездну, наполненную горестными вздохами и слезной каплей, где по углам спрятались отчаяние и клубился туман печали.

Безгранично скорбя, он упал на дно, ощущая, как туман и слезы разъедают глаза. Он взмахнул руками. Наверное, это было воспринято как знак. Неизвестно откуда грянул хор опечаленных голосов. Туман рассеялся...

Вокруг расстилались унылые пески, и лишь на горизонте виднелись горы. Аристарх пошел к ним, с каждым шагом пенье становилось все тише и тише. Но легче от этого не было. Хотелось покончить с собой. Веревку можно скрутить из одежды, но где взять дерево?

Однако природа предусмотрела все. В пяти километрах пополудни, отмахав около шести-восьми часов, он упал от солнечного удара и километра через полтора умер.

Солнце высушило его труп и обнажило кости. А когда все рассыпалось в прах и остался лишь один белый череп, ближайший камень сказал ему голосом Газировщика:

— Стоит представить, что основная часть каждого человека находится в четвертом измерении... И вот, в силу каких-то причин, положение четырехмерного человека изменилось. Для обитателей трехмерного мира человек исчез и возникло что-то другое: Кентавр; Леший или Газировщик... Естественно, и сам человек стал воспринимать окружающий мир по-другому...

Чем не объяснение? Вполне правдоподобно. И попробуй опровергни!

Безжизненное солнце покрылось голубыми пятнами и сказала голосом Лешего:

— Да наплюй ты на эти объяснения. Дерни-ка лучше еще один моркус.

И ему вторил раскаленный ветер, едва слышно прошептав голосом Крокена:

— Как интересно. Но почему никто раньше мне об этом не рассказывал? Почему, Аристарх?

Аристарх хотел ответить, но только скалил зубы.

Ветер пригнал тучу, и она пролилась дождем, и пустыня зазеленела. Все тянулось вверх, распускаясь и цвело. Оставаться в стороне от этого было неудобно. Аристарх пророс.

Тоненький стебелек быстро вырос в огромное дерево. Почувствовав свою силу, Аристарх выдрал корни из почвы и отправился гулять. Сколько можно стоять столбом? Так недолго и забыть, для чего ты предназначен.

Утром он шел на восток, к обеду на север, после обеда на запад и к вечеру на юг. И так — день за днем.

Весело перепрыгивая через ручьи, распугивая сновавших под прозрачной пленкой воды ихтиозавров и плезиозавров, он штурмовал горные вершины и, радостно напевая приветственные гимны, прыгал в пропасти, плавно опускаясь в горные реки, принимавшие его в свои холодные объятия. Вероятно, им хотелось, чтобы он остался, но Аристарх решительно карабкался по отвесным стенам и снова пускался в путь. На восток! На север! На запад! На юг!

Вскоре он уже шел по узкой тропинке, которая постепенно превратилась в дорогу. Самое приятное было в том, что она предугадывала каждый его шаг, поспешно сворачивая в нужную ему сторону.

И тогда он понял нехитрую истину: «Главное — идти». И шел, хорошо понимая, что лишь достигнув цели, сможет понять, чем она является.

До цели оставалось совсем немного (все признаки говорили об этом), когда дорогу ему загородил хитроватый мужичок и после небольшого разговора срубил Аристарха под корень. Потом отделил лишние ветки, распилил ствол и поколол его на дрова. Ветки использовал на колья для виноградных лоз, дровами стал топить печь, а листья и мелкие веточки остались на земле — гнить. Дрова сгорели и превратились в дым и золу. Колья поддерживали виноградную лозу. Листья и веточки стали перегноем, который был удобрен золой. Дым унес ветер. Виноград созрел. Мужичок его собрал и превратил в вино. А перегной был вспахан и засеян пшеницей.

Ветер летал по свету, вино бродило в бочке, пшеница созрела. Ее собрали и смололи в муку.

Однажды мужичок испек из муки хлеб, откупорил бочку, налил вино в стакан и сел на скамеечку перед домом. Он сделал вдох, и та часть Аристарха, которую носил ветер, попала в его легкие и осела там. Потом он откусил хлеб, и другая часть Аристарха вошла в его желудок. Потом он выпил вино и приобрел последнюю часть Аристарха.

Так он и сидел на лавочке, дышал, пил вино, ел хлеб и постепенно становился Аристархом. Пока не почувствовал, что он и есть Аристарх...

Аристарх открыл глаза и увидел краба, который собирал в кучу грязную посуду. Неподалеку лежал Крокен, неловко разбросав копыта, громко всхрапывая и пуская сонную слюну. Вдруг он проснулся, застонал и, схватив краба, засунул его себе под голову и затих. Краб что-то яростно шипел, тарасил глаза, но двинуться с места не мог и в скором времени успокоился.

Ноги Лешего торчали из ближайших кустов. Газировщик стоял прямой и строгий, полыхая в лучах заходящего солнца всеми хромированными частями. И только приоткрытая дверца размеренно колыбалась.

— Ну, вот и все, — сказал Аристарх, проваливаясь в сон...

Стена тумана. Она колыбалась, словно пытаясь нарушить границы своих владений. Иногда туман прореживался метра на два, и тогда можно было угадать там, в его глубинах, какое-то смутное движение. И, кроме того, из тумана слышались звуки: щелканье, скрип, протяжные стоны, заунывный вой.

— Что, мы туда пойдем? — спросил Крокен.

Аристарх кивнул.

— А вдруг там что-нибудь страшное?

Аристарх пожал плечами.

Леший, который сидел рядом, неопределенно хмыкнул и, сорвав травинку, стал разрывать ее на части.

— То, что сказал Газировщик, — правда? — спросил Крокен Лешего.

— Это ты про что?

— Ну, про наше прошлое.

— А-а-а... Про прошлое... Понимаешь, это его версия. Что именно тогда случилось — неизвестно. Каждый строит догадки на основе того, что знает. Мне, например, кажется, что ничего этого не было. Просто, лет пятнадцать назад в атмосферу из космического пространства попали какие-то вещества, которые вызвали изменения в нашей психике. Говоря проще, тот мир, о котором вы так много говорите, — не существовал никогда. А воспоминания, с которыми вы так носитесь, продукт массового гипноза или галлюцинации... Именно так...

— Ну, ты хватил... — сказал Аристарх, поправляя лямки вещевого мешка.

— Не обязательно. Подумай, ведь никто не может вспомнить точных подробностей статичного мира. Каждый представляет его по-своему. Где же статичность? Разве это не доказательство?

Аристарх что-то буркнул, нашел гриб-грозовик, сунул два пальца в его мякоть. В воздухе запахло озоном.

Со стороны ручья послышались клекот и крики. Над деревьями взметнулись и опали огромные кожистые крылья. Потом дробным грохотом рассыпалась пулеметная очередь. Леший вскочил и рывком подтянул джинсы.

— Я побежал. Счастливого пути! — крикнул он, исчезая за деревьями.

— Может, поможем? — предложил Крокен.

— Нет, сами справятся, — Аристарх с треском выдернул пальцы из грозовика и вытер их о штаны.

Они помолчали. На секунду из тумана выплыла крокодилья морда, ехидно улыбнулась и сгнула.

— А что там, за туманом? — спросил Крокен.

— За туманом? — Аристарх почесал бороду. — О, там точно такая же долина, и в ней живет трехголовый грифон с семейством. Боюсь, что оно еще увеличилось... Они постоянно ссорятся. К сожалению, кому-то нужно их мирить. А кому, как не нам. Придется попотеть.

— А дальше?

— Дальше? Дальше идет полоса снежной пурги. Будет зверски холодно, но она не широкая. За ней долина, где живет шестимерный паук. То есть вроде бы их много — сотни. Но на самом деле он один. Представляешь, что будет, если у одного заболит лапка? Все остальные завоюют от боли. Кошмар. Так что там будет еще хуже.

А потом идет полоса болот и новая долина, где живет еще кто-то, кому мы нужны. И еще долина, и еще. И везде мы нужны. Так что научись всему. А как ты думал? Назвался груздем — полезай в кузов.

Крокен вздохнул и стал осматривать свои копыта. На одном вылетела пара гвоздей, но подкова еще держалась. Осторожно ощупывая гвоздь, он спросил:

— А как ты думаешь, что случилось в самом деле со старым миром?

Аристарх вздохнул и подумал, что теперь уже можно рассказать действительно все.

— Понимаешь, я не думаю, я знаю... Это был эксперимент. Была построена установка, с помощью которой определенные люди пытались получить нужный, в научных целях, эффект. Но что-то у них не сладилося, и вместо ожидаемого эффекта возник совершенно иной. В результате — наш мир стал мнимой величиной. Но только не для нас, его обитателей.

— И ничего нельзя сделать? — Крокен напряженно смотрел на Аристарха. Наверное, он ждал, что Аристарх произнесет заклинание и мир изменится.

— Можно... — Аристарх лег на траву и стал смотреть в небо. — Можно, но для этого надо было найти лабораторию и выключить Рубильник. И тогда все станет, как прежде.

— А сама она выключиться не может?

— Нет, автономное питание.

— Ну так пойдем и выключим...

— Думаешь, просто? Ее сначала надо найти. А попробуй? Может быть, сейчас сидим на ее крыше и даже не подозреваем об этом. Ты думаешь, чем я занимался последние десять лет? Именно поисками. Пока безрезультатно. Но у меня есть кое-какие идеи...

— Как хорошо, что я пошел с тобой, — задумчиво сказал Крокен. — Так много узнаю! Погоди, а откуда узнал это ты?

— У меня память сохранилась лучше, чем у других. Я помню очень много. А кроме того, десять лет назад я встретил одного из тех умников, которые проводили опыт. Он сказал, что в момент возникновения эффекта они испытали нестерпимый ужас и бежали из лаборатории. А наверху — кто сразу сошел с ума, кто умер. Только он остался нормальным, хотя и не может найти вход в лабораторию. Он мне рассказал все. Отключить я сумею.

— И где он теперь?

— Видишь ли, когда я его встретил, он имел облик эдакого слона с собачьей головой, и, кроме того, его неотвратно влекло к морю. Туда он и ушел, да и сгинул.

Крокен закрыл глаза и спросил:

— А почему ты не расскажешь все это остальным?

— Они не поверят. У них свои идеи.

Неожиданно Крокен сел.

— Аристарх, а ты помнишь, как они выглядели в статичном мире?

— Помню, — сказал Аристарх и тоже сел. — Леший был ученым-физиком. Что-то там невероятно сложное, понятное только узким специалистам. Звали его Нломаль. А Газировщик был простым дворником в том институте, где работал Нломаль.

— А моя мама, Дракоша?

— Ну что же, — Аристарх прищурился. — Это была стройная черноволосая девушка. Мы жили с ней на одной площадке и каждое утро здоровались.

Остановиться он уже не мог, выкладывал все, что знал, зорко наблюдая за тем, как Крокен реагирует на его слова. Он понимал, что для кентавра это будет жестоким ударом, но решил рассказать все.

— А что такое институт, площадка, девушка?

— Узнаешь когда-нибудь потом. Долго объяснять. А нам пора в путь.

— Хорошо. Тогда скажи мне, кто мой отец? Я про него ничего не слышал, но ведь где-то он должен быть?

— Должен, обязательно должен. Мы его скоро увидим. Это шестимерный паук, про которого я только что рассказывал.

— Правда?

— Да.

Крокен словно выключился, ушел в себя. Еще бы, после такого сообщения. Он обхватил ладонями колени, замер и думал, думал, думал...

А Аристарх думал о том, что у него появился помощник и можно вести более интенсивный поиск.

Он поглядел, как колыхается, сплетается в огромные ватные комки туман, и неожиданно понял, что боится продолжать эти поиски.

Он понял, что даже если и найдет лабораторию, выключит рубильник и все пойдет по-старому, рано или поздно кто-нибудь повторит эксперимент. Он понял, что возврат к статичному миру, принесет с собой загрязнение окружающей среды, истребление фауны и флоры, перенаселение и так далее. И когда-нибудь очередной верховный маньяк нажмет кнопку, и с неба начнут падать ракеты, что станет окончательным, бесповоротным концом...

Если рубильник не выключить, все останется по-старому. Но не деградируем ли мы в этом мире? Ведь разум — продукт статичного мира. Здесь же можно обойтись и без него.

А как же те, кто страдает от своего облика и мечтает вернуться в человеческий? Есть еще и новое поколение, которое появилось уже в этом мире. Он для них родной...

То, во что Аристарх верил все эти пятнадцать лет, вдруг покачнулось и утратило четкие

очертания. Впервые он усомнился. А правильно ли я поступаю? И имею ли я право единолично решать судьбу этого мира? И что мне теперь делать? Как вернуть уверенность в своей правоте? И в чем она?

Было ясно, что только сейчас и никогда больше он должен раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Именно сейчас.

Когда он найдет Лабораторию (а рано или поздно он ее найдет), решить все это беспристрастно будет уже невозможно. Появится грузовик, который выведет чашку весов из равновесия. И грузовиком этим будет вполне нормальный рубильник, который можно выключить.

Крики и выстрелы стихли. По небу плыли серебристые, в желтую полоску облака.

— Ну что, идем? — спросил Крокен.

— Идем, — ответил Аристарх, но с места не двинулся. Сидел, рассеянно ковырял землю пальцем и поглядывал на туман. Прежде чем идти — надо было додумать. Додумать и решить.

Юрий Медведев ПРОТЕЙ

*В синеве, у преддверья бессмертия,
Сторожат одиночество гор
Время — неутихающий ветер,
Неусыпный отшельник — простор.*

1

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сенату Планетарной Безопасности надлежит в последний раз выслушать объяснения Старшего Инспектора Сената Святослава Шервинского по поводу его опоздания на вахту на 17 часов 38 минут.

ШЕРВИНСКИЙ: Ваша честь, я могу лишь повторить то же самое. 26 октября сего года я возвращался после однодневного отдыха на озере Алакуль к месту очередной вахты в Космогорск. На магистрали 19 дробь 37 бис, когда до Комсогорска оставалось примерно полтора часа езды, двигатель моего служебного элекара внезапно заглох. Такое, как вы понимаете, маловероятно при пятикратном дуближе всех систем. Как и положено по инструкции, я вызвал по видеофону Службу Пути, но экран не загорелся, ибо все системы питания оказались обесточены. Даже часы остановились на 8.18, это я запомнил. Поскольку экран курсографа, как и все другие, погас, я силялся вспомнить последнюю картину на нем: до ближайшего населенного пункта — Кара-Булака — 273 километра, первый встречный элекар как раз оттуда выезжал, а позади, минут на 25 отставая от меня, одолевала выжженное урочище колонна винтоходов. По-видимому, спортсмены тренировались перед каким-то ралли.

И тут из кабины я увидел: метрах в семидесяти-восемидесяти, чуть справа впереди, висел парящий в воздухе объект. Прошлый раз я указал, что объект был похож на елочную игрушку. Теперь хочу уточнить: он был подобием человеческого мозга, только не разделен полушариями. Нижняя половина, темная, непроницаемая, заканчивающаяся чем-то вроде гофрированного обода, при приближении оказалась фиолетово-черной, с серебристым отливом. Я говорю — при приближении, потому что объект стал приближаться к элекару. При этом он медленно снижался, так что я смог оценить не только угловые размеры, но и линейные. В поперечнике «мозг» был метров тридцать, по вертикальной оси — около восемнадцати. Глаз у меня точный. Да, я забыл прошлый раз указать, что приближался он не по прямой, а как-то змейкой, с довольно крутыми виражами. Шума и гула не слышалось, даже юго-западный ветер, мне почудилось, поутих, а денечек выдался ветреным.

Не скажу, чтобы я особенно встревожился, а тем паче испугался, нет. Внимание мое

привлекла верхняя половина «мозга» — полупрозрачная, в более мелких выпуклых ячейках, чем нижняя. Там, наверху, вершилось настоящее светопредставление, прошу обратить внимание на это слово, представление, спектакль со световыми эффектами. Во-первых, где-то глубоко внутри то и дело вспыхивали молнии, сопровождаемые... нет, не звуками, а разноцветными, медленно возникающими и разрушающимися протуберанцами. Опять не совсем правильно. Никакого сопровождения не было. Молнии светились, поблескивали в самих протуберанцах, причем молнии не остроугольные, к каким мы привыкли, а змеистые, с достаточно плавными ободами, а некоторые напоминали даже непрерывную цепь, я имею в виду форму. Ну, к примеру, якорная цепь.

Во-вторых, — это я о световых эффектах, — и на поверхности ячеек мигали, роились точечные огни, все больше с синеватым отливом, как на звездных школьных глобусах. Время от времени на остриях этих пульсирующих огней восставали крутящиеся, как веретена, черно-серебристо-фиолетовые вихри, под стать цвету гофрированного обода. Я имею в виду, что восставали они на внешней ячейистой поверхности «мозга». Самое грубое сравнение: подобно колючкам ежа.

Здесь, в Сенате, меня неоднократно спрашивали, ваша честь, какие чувства я испытывал при приближении «мозга». Я отвечал, что время для меня как бы замедлилось, растянулось, так бывает при нависшей смертельной опасности. Теперь добавлю: само мое мышление стало перестраиваться и... минутку, я попытаюсь рассказать об этом подробней.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дело, видимо, не в подробностях, нас заинтересовал бы главный принцип в такого рода перестройке, Старший Инспектор Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ: Если уйти от ученых выражений, скажу коротко: я вдруг поумнел. Не улыбайтесь, пожалуйста, коллеги. Меняю «поумнел» на «прозрел». Помните, у Пушкина: «И внял я неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». То же произошло и со мною. Я почувствовал: могу без запинки прочитать всего Гомера, причем я видел, как наяву, как со спутника, землю древней Эллады, где строки «Одиссеи» наподобие гирлянд из живых цветов плыли по волнам Эгейского моря. Или назвать любую дату мировой истории, описать любое, самое захудалое, событие и опять-таки — даже не описать, а «пересказать» глазами очевидца, поскольку событие прояснялось в памяти рельефно, красочно, звучаще. Неожиданно я представил себе неведомые мне прежде диафантогональные уравнения — и вот они, выются вокруг «мозга», точно ласточки вокруг гнезда, я сразу понял их математическую сущность. Вспоминалась мне марсианская трагедия с «Обимуром», где, как вы знаете, погибли Брэдли и Тодор Кынчаков, и вдруг стало ясно: это я, я ошибся в выборе места посадки для «Обимура»! А ошибся потому, что был ослеплен мнемосхемой при включении тормозных реверсов и принял показания датчиков гравитационного поля за индекс твердости грунта, вследствие чего мы и ухнули в эту трехкилометровую пропасть, и вину с Кынчакова, пусть и посмертную, надо снять. Да, снять, переложив на меня. Если угодно, считайте это официальным заявлением...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сенат принимает к сведению это официальное заявление, Старший Инспектор.

ШЕРВИНСКИЙ: О своих небесных прозрениях при встрече с «мозгом» больше пока что распространяться не стану. Коснусь строки «И гад морских подводный ход...» Морские гады всегда мало меня занимали. А вот земные... Я подумал: когда-то еще явится возможность заглянуть в прошлое, дай не упущу шанс. Много лет меня волновала загадка смерти, точнее, омерзительных событий, последовавших вскоре после кончины одного моего родственника по материнской линии — всемирно известного ученого и писателя прошлого века, путешественника, историка, философа, провидца. А события такие: в дом покойника нагрянула по ложному доносу орава пытливых граждан с соответствующими удостоверениями, перерыли все вверх дном, рукописи постранично перелистали, книги, письма, личные вещи перетрясли, стены миноискателями просветили, даже урну с прахом покойного. Что вынюхивали, спросите? Полторы тонны золота, якобы привезенных хозяином дома из далеких экспедиций. Конечно, чушь, бред, ахинея, все это понимали, в том

числе и большинство тех, пытливых, ведь ученый-то был бессребреником: ни автомашины, ни дачи, ни дорогих побрякушек — о, в прошлом веке такое для большинства было свидетельством социального и даже интеллектуального престижа. Впрочем, вы и без меня знаете. Так вот, всю жизнь меня мучило, кто донос настроил, кто измыслил ахиною о презренном металле, какую цель преследовал, хотя насчет цели — ясно: после обыска лет десять имя светлое замалчивалось, даже из кроссвордов его вычеркивали. В средневековье на Руси это называлось «мертвой грамотой»...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвлекаешься, Старший Инспектор! События и впрямь омерзительные, но применительно к сегодняшнему нашему разговору не так уж и важные...

ШЕРВИНСКИЙ: А случись эти не так уж важные события после вашей смерти? Или моей? Трудно представить? А родным, близким, ученикам подвергшегося кошунству после кончины — легко?.. Впрочем, закругляюсь... И увидел я тех, кто бред этот выдумал, подтолкнул подлый розыск. Двух увидел, состоящих в родстве. Один худой, желчный, точь-в-точь инквизитор. Изошренный в подлости, даже звездное небо в окуляре телескопа населявший мордобоем галактических масштабов, ненавистью ко всему, что нетленно, гармонично, красиво, вековечно. Другой грузный, с зобом, как у индюка, крикун, доносчик, стравливатель всех со всеми, пьяница, представитель племени вселенских бродяг, борзописец, беллетрист, переводчик. При жизни всемирно прославленного гения они слыли его учениками, случалось учителю их защищать, а после смерти его ни разу не позвонили вдове. Я увидел подноготную подлости, микромолекулярную схему зависти. И только ради одного этого открытия стоило потерять в жизни день. Ничего, такое уже случалось с Магелланом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Магеллан, а если быть скрупулезно точным, то его экспедиция, потеряв в календаре день, впервые в истории совершила кругосветное путешествие, Старший Инспектор.

ШЕРВИНСКИЙ: Понял намек, ваша честь. Но что поделаешь, если я потерял сознание сразу после того, как «мозг» завис над элекаром, опустился и накрыл элекар. Прежде чем оказаться внутри обода, я успел заметить: снизу обод не сплошное кольцо, а около пяти-шести параллельных колец, вернее, эллипсов, причем каждый состоит из отдельных сегментов. Все сегменты пребывали в постоянном движении как относительно соседних, так и самих себя, обладая всеми шестью степенями свободы, вроде инфузорий в растворе. Хочу подчеркнуть упорядоченность их постоянного движения, хотя выражаюсь, видимо, невразумительно. Без подробной схемы не обойтись, и я ее впоследствии набросаю.

Довольно отчетливо вспоминаю также множество блестящих, как золото, сужающихся к концам канатов в жерле обода, они извивались, как щупальца медузы. И еще: когда обод уже накрыл элекар, я оказался в водопаде непривычно высоких звуков, ушам стало больно, пришлось их зажать ладонями, но не помогло. Дальнейшую потерю памяти я связываю именно с этими неприятными звуками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так ничего и не вспомнилось, Старший Инспектор?

ШЕРВИНСКИЙ: Сегодняшней ночью, хотя не рискну употребить слово «вспомнилось», то ли приснилось, то ли пригрезилось, а по-старинному, примстилось. Будто лежу обнаженный, погружен в светло-голубой раствор, весь, с головой, а сплошь по телу — присоски от щупалец, вроде тех, позолоченных, только цвет уже другой — ярко-зеленый. Тысячи щупалец, заметьте. И звуки все те же, невыносимые, особенно в обертонах. Такое ощущение, что с тебя снимают копию. Если же...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Святослав Шервинский, в виде исключения позволю тебя прервать! Остальное нам известно. В 01.57 следующего дня ты обнаружил себя в том же самом элекаре и на том же самом месте, где отказал мотор. Мотор завелся, все схемы задействовались, и ты, следуя Специнструкции, связался лично со мною.

ШЕРВИНСКИЙ: И заметьте, сразу вам все рассказал. Не понимаю одного: зачем вы заставили меня, члена Сената, в последующие дни, а дважды и ночью, пересказывать одно и то же? Зачем эти допросы? Разве Старшие Инспекторы лгут? Тем паче члены Сената?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ты не хуже меня знаешь, что, как и зачем, бывший Старший Инспектор Сената Планетарной Безопасности! Хочу тебя, наконец, порадовать: опросы кончились, ты вновь назначен — именем Сената — командиром «Обимура». Космофлот немедленно дал предварительное согласие, мне показалось, они там даже возликовали, получив известие о возвращении своего лучшего капитана, поклявшегося еще в детстве облететь нашу Галактику, если верить книгам о твоих подвигах во Внеземелье. Почему ты молчишь?

ШЕРВИНСКИЙ: Это тяжелое наказание, ваша честь. Вы же понимаете: теперь в переходах и рубках мне будут грезиться, мститься Брэдли и Кынчаков. Дайте другой транспортный астероид, коллеги! Любой другой, но не «Обимур».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сожалею, капитан Шервинский, решение Сената окончательное. Взгляни на купол Сената: двенадцать ущербных лун и лишь одно солнце. Солнце, между прочим, выставил я, хотя поначалу и склонен был предъявлять тебе обвинения гораздо более серьезные, нежели обвинения моих коллег, присутствующих на опросе.

ШЕРВИНСКИЙ: Как понять — еще более серьезные обвинения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Причем порядка сугубо этического. После таинственного исчезновения тебя будто подменили. К нашему изумлению, ты вдруг принялся публично высказываться о самом нашем Сенате. Причем в тонах неодобрительных, точнее, злопыхательских. Зачем эти демагогические разглагольствования о каких-то немыслимых привилегиях сенаторов? О персональных планетолетах. О виллах в райских уголках земного шара, вроде бы смахивающих на дворцы Гаруна аль-Рашида. О якобы имеющем место вмешательстве членов семей сенаторов в общеземные дела. О пожизненной узурпации мною должности Председателя — хотя такая фантазмагория вообще ни в какие ворота не лезет. Поползли сплетни, покатались слухи. Опять поднимают бучу крикуны из сообщества «Ангелы Мнемозины». Нехорошо. И потому еще нехорошо, что в Сенате ты — без году неделю. Пригляделся бы, пообвык — глядишь, и понял: никаких противоправных благ ни у кого из нас нет. Благо землян, их космическая безопасность — иных целей Сенат не преследует.

ШЕРВИНСКИЙ: Значит, меня, члена Сената, выдворяют во Внеземелье только из-за сплетен и слухов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Только за то, что семнадцать с лишним часов ты пребывал неизвестно где, общался неизвестно с кем, делал неизвестно что. Твой лепет о летающем «мозге» вообще смехотворен. Каждый из нас, от Инспектора до Председателя, обладает слишком обширной информацией, располагает слишком большим могуществом, чтобы позволять себе подобное времяпрепровождение... Счастливого плавания на «Обимуре», капитан!.. Кстати, посмотри еще разок на сенатский купол: я тожеставляю ущербную луну вместо солнца.

ШЕРВИНСКИЙ: Какое это имеет теперь значение? Очередной фарс?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для архивов историй все имеет значение, член Сената Планетарной Безопасности!.. Я полагал, ты спросишь о причине перемены моего мнения относительно тебя и твоей судьбы. Знай же, что ты совершил еще одну ошибку. Следуя твоей логике, подкрепленной цитатой из Пушкина, ты должен был не выискивать доносителей на деятелей прошлого, пусть и великих, а озаботиться загадкой катастрофы, учиненной «Протеом».

ШЕРВИНСКИЙ: Представьте себе, озаботился. Но безрезультатно. Будто заклинило. Как стеною китайскою отгородило. Я даже почувствовал укол в мой собственный мозг. Вот сюда, над ухом.

2

Сквозь прозрачный купол, подсиненный небесами, виднелись сразу три сияющие на солнце вершины — пик Абая, пик Абиша и пик Ануара. Ветви растений хищно тянулись к свету. По контрасту с белизною окружающих вечных снегов сад под куполом представлялся

слишком зеленым, даже неестественно зеленым. Цвел жасмин, а миндальные деревья уже отцвели, и чтобы не перепугать наклонившегося над жасминной веткой, я сначала кашлянул и лишь немного погодя сказал:

— Сенат приветствует вас, Емельян Иммануилович!

Все же он вздрогнул, обернулся и инстинктивно, как-то по-детски, защитился цветущей веткой.

— Здравствуйте, Инспектор, — сказал он. — Спасибо, что навестили узника. Правда, ждал я вас дней через пять, не раньше, вот и не по себе стало от чужого голоса, тем более такого густого, как ваш. Да и обычно за день до визита меня предупреждали.

— Это извините, не визит, а, согласно второму пункту инструкции Сената, акт дознания, — как можно мягче сказал я. — И прибывать к дознаваемому можно без предупреждения, пункт седьмой «б». Зато следует предупреждать того же дознаваемого, чтобы он не приближался к представителю Сената ближе шести метров, пункт седьмой «к».

— Но другие инспекторы подходили совсем даже близко, — растерялся он. — Разве вы мне не доверяете? Я что, накинусь на вас, оглушу этой вот веткой, переоденусь в вашу униформу — и был таков? Как граф Монте-Кристо? Помилуйте, я близорук, намного слабее вас и даже не умею водить аппарат, на котором вы сюда пожаловали. Ну... как его... Вечно забываю название этих драндулетов.

— Элекар, — сказал я.

— Даже оглуши я вас и умею водить э-ле-кар — что случилось бы? Куда ехать? Где скрываться, да и зачем? — спрашивал он. — Я не женат, родители погибли на Меркурии, лучшего дома, чем здесь, среди горных снегов, и не придумаешь, хвала вашему Сенату. А к «Протею» меня и на пушечный выстрел не подпустят, как выражались в старину. Персона нон грата, так ведь?

Я сказал:

— Образ ваших мыслей мне понятен. Тем более держитесь не ближе шести метров.

— Может быть, ужесточился процесс дознания? — вкрадчиво осведомился Емельян. — Да вы не стойте, присядьте на белую скамеечку, она справа от вас, я сам ее соорудил по чертежам позапрошлого века, люблю, знаете ли, старину... Я тоже присяду, вот на этот пенечек березовый, тоже моя поделка... Как внизу? Алма-Ата? Дивный город, верно? А сады, луга альпийские? Вы ведь видели их, поднимаясь ко мне, в мое уважаемое жилище? Кто подумает, что подобие «летающей тарелки» о четырех лапах-опорах, приземлившейся на снега поднебесного ледника Туюк-Су, служит камерой-одиночкой, нет, виллой-одиночкой для преступника планетарного значения? Значения, оттенка, масти... Белокурая бестия — похоже на меня, а? Светлые волосы — это от родичей по отцовскому древу, отец из поволжских немцев, сто лет назад еще говорили в здешних краях и на Алтае: «остзейские немцы». Так что и я, коли угодно, остзейский, отсюда и отчество, вы сразу, небось, вспомнили Иммануила Канта. Не забыли его знаменитый постулат? «Живи и действуй так, будто, от каждого твоего поступка зависит судьба мироздания». Понимаете? Судьба мироздания!

Кстати, этот постулат не мешало бы вывесить у вас в Сенате. Помню, помню этих господ-товарищей-граждан. «Одинокое пребывание в местности по выбору преступника — впредь до особого распоряжения Сената». Каково? Кавалькаду лун вывесили мне на небосводе сенатском, ангелы прогресса... Хотя, если подумать... Сошли меня в многолюдный город, в толпу, в человеческий муравейник, в желе социальное, в студень, в сырковую массу — и я скоро отдам концы. Привык к одиночеству, знаете ли.

— Однако распоряжение Сената относительно вашего одиночного пребывания в этих стенах принято не столь давно, чтобы в полной мере насладиться одиночеством, — с легкой улыбкой сказал я.

— А долгие годы дежурства у Главного пульта «Протея»? — возразил узник. — Одиночество, конечно, и здесь, но — как бы это выразиться? — некачественное. Нигде не скрыться от стерегущих глаз, экраны везде понатыканы, слухачи электронные. Даже в

бассейне, в коем люблю, грешник, понырять, и возле коего вершится сейчас очередной акт дознания...

— Не тревожьтесь, пожалуйста, на время акта дознания все следящие устройства выключаются, — попытался я успокоить затворника. — Пункт сто двадцатый Инструкции.

— Да сколько ж в ней пунктов, черт побери! — беспричинно разволновался дознаваемый. — Даже у меня в операторской их было меньше!.. Впрочем, извините... Эх, жалость, не могу отсюда разглядеть ваше лицо, но униформа так и сияет галунами и заклепками... Вас сразу пропустили роботы на въезде? Ну да, понимаю, суете в щель визитку с кодом Сената, вжик! — и пробуравлена в силовом поле дыра для высокого гостя. Иначе сюда, ко мне, муравей не заползет, не то что сообщник. Невидимый колпак над тарелочкой, летающей похлеще бронебойного.

— Однако «Протей» смог пробить брешь в подобном силовом колпаке. С вашей помощью, Емельян Иммануилович, — сказал я.

— Мне это уже инкриминировали в Сенате, — грустно заметил он. — А затем вывесили целую стаю лун и ни одного солнышка, включая и вашу, Инспектор, луну, или Селену, или Диану, если угодно. Вы пожаловали повторить обвинение и добавить мне срок?

— Старший Инспектор Шервинский пожаловал провести акт дознания, — сказал я. — Жалею, но мои предыдущие коллеги, кажется, не растолковали вам смысл нашего общения. Каждый из голосовавших или, как вы выражаетесь, выставивших вам луну, как и каждый из отсутствующих сенаторов, обязан лично посетить вас, опросить и при желании возбудить ходатайство на предмет пересмотра дела. И хотя я лично не принимал участия в решении вашей судьбы, поскольку в тот момент на Земле отсутствовал, все же не считаю себя вправе уклониться от акта дознания.

— А если я не хочу? — быстро спросил он. — Нет, не акта дознания, а пересмотра дела? Вдруг не скостят срок, а добавят.

— Сенат не сможет добавить. Тем более, что срока наказания вам не сообщили.

— Не сможет добавить?! — Он потрогал бледной рукою высокий лоб. — Неужели... пожизненно?

— Вы неправильно меня поняли. Я могу лишь ходатайствовать об умалении срока, притом значительном. Если угодно, и о досрочном освобождении, с последующим восстановлением в правах.

— Каких правах?

— Гражданских, социальных, профессиональных. Любых.

— Как?! — выдохнул Емельян. — Меня могут даже восстановить в должности Главного оператора «Протея»?

— Даже так. Но для этого вы должны во всех подробностях объяснить мне свою роль в «Большом затемнении», учиненном «Протеем».

— Как странно меняется ваш голос, Старший Инспектор, — сказал он в раздумье. — То был густой, с металлическим отливом, как и положено стражу законности, теперь же помягчел, чем-то даже напоминает мой собственный... Жаль, что не могу вас отсюда разглядеть. Вы, кажется, тоже блондин, да? А глаза — голубые? Зеленые? Серые? А сначала вроде бы брюнетом показались...

— Это из-за солнца, вероятно, — сказал я. — Видите, высоко поднялось, даже листья в вашем саду посветлели. Иллюзия, смещение границы тьмы и света.

— Тьмы и света... — повторил он. — Ладно, расскажу, как вы просите, о тьме и свете, хотя ни на что не надеюсь... Сочку ананасового выпить не хотите? Или пообедать?

— Извините, но в ходе акта дознания не допускается разделять трапезу с дознаваемым, пункт двенадцатый Инструкции Сената, — сказал я улыбаясь. — К тому же не голоден. А вот на пару шагов ко мне скамеечку можете придвинуть.

— Благодарю за доверие! — так и просветлел он, вместе со своим зимним садом и зеркальным бассейном. — Благодарю... С чего начать? Начну со светлой стороны, а уж теневое — потом. Договорились?

Я молча кивнул и незаметно нажал кнопку на отвороте униформы, включая еще один диктофон, дистанционный.

— Об академике Карамышеве Дмитрие Васильевиче слышали? Хотя чего я спрашиваю, любой школьник знает крестного отца «Протея». Это уж потом, много лет спустя, «Протей», усилиями школы Карамышева, стал Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системой, которой было доверено, увы, ненадолго, управление электроэнергией всей планеты. А поначалу, эдак примерно в году две тысячи двадцать девятом, — царица небесная, почти четверть века отмелькало! — был он электронным мозгом, не более того, хотя и высокого, а затем и высочайшего класса. Вы, Старший Инспектор, если не секрет, специалист в какой области?

— Космонавигатор, — сказал я.

— Тогда опушу подробности, все равно не поймете. В те времена, когда Дмитрий Васильевич — мы его звали просто Дивом — значился только еще доктором наук, а студентом, было, как вы знаете, два направления в разработке искусственного интеллекта. Одно — сугубо физическое — основывалось на свойстве высокоустойчивой плазмы хранить и считывать информацию. Другое — биологическое — развивалось на совершенствовании искусственных нейронов. Див — и в этом его величие — объединил оба направления. Так родилась идея «Протея», а затем — на моих глазах — и сам «Протей». Наверное, не следует вам объяснять, почему называли «Протеем». По имени многознающего древнегреческого божества, способного принимать любой облик — пантеры, дерева, лани, дельфина, лебедя, даже огня. В собственном же своем облике он был сонливым старичком, всего-навсего. Но это так, к слову.

— Однако у этого старца, точнее, под его защитой, жила в Египте Елена Прекрасная, в то время как из-за нее разразилась Троянская война. Даже не из-за самой Елены, а из-за ее призрака, который обольстил Париса. Но это так, к слову, — сказал я.

В глазах моего дознаваемого что-то дрогнуло, и он скрыл взгляд.

— В своем нынешнем, законченном виде, к сожалению, вынужденно-законченном, поскольку его пока что отключили, точнее, посадили на голодную диету, наш «Протей» существует ровно десять лет. Сначала система располагалась в Дубне, а затем весь комплекс перенесли в Горный Алтай, рядом с городком Майма, на берегу Катуня. Вам, случайно, не доводилось посещать «Протея»?

— Не доводилось. К сожалению. И вряд ли доведется, — отвечал я. — Туда никого не пускают теперь. Даже членам Сената нужно письменное разрешение председателя.

— Фью-ю-ить! — озорно присвистнул Емельян. — А бывали времена, мы у Главного пульта вечеринки устраивали, Новый год встречали однажды, притом с шампанским, не верите? Див тогда уже академиком стал, а все равно как мальчишка: в глазах чертики, надо лбом вихор, ни секунды на месте, не зря мы его еще звали — Смерч. Э-э, всего не перескажешь... Покидаю царство света во тьму погружаюсь, как обещал. К размолвке, нет, к разрыву с Дивом перехожу. В разрыве оба мы виноваты, но главная вина — моя. Помните, как подбирал Сенат Главных операторов для «Протея»? Кандидатур осталось три, и столько же лет тянулась до этого волянка. Выбирали-то из нескольких тысяч. Все трое: Карпенко, Кириллин, я, ваш покорный слуга, — ученики Дива, все трое двойные доктора — физмат и био. Опять-таки все — с сильным типом нервной системы, не мне вам, космонавигатору, объяснять. Применительно к нам, пультавикам, это значит: испытывающие душевный и интеллектуальный подъем в минуты опасности, в состоянии стресса мгновенно решающие задачи, какие при спокойной работе им не по силам. Не стану рассказывать, какие проходили мы испытания, на сколько хитроумных вопросов отвечали. Но в решающий момент, помните, Див попытался вдруг снять мою кандидатуру, ему вдруг взбрело на ум, будто я слишком подвержен монотонии, могу не только задремать, но и заснуть на несколько минут в ситуациях ровных, спокойных. Голосование отложили на неделю, а пока меня домучивали тестами, я, в последний раз объяснившись с Дивом, да что там объяснившись — разругавшись в пух и прах, — накатал докладную Председателю Сената. Всю жизнь

презирал доносительство, а тут как мутной волной окатило. О чем докладная? За пятнадцать лет совместной работы много чего узнаешь о человеке, много грешков поднакопится. Были, были они и у Дмитрия Васильевича, включая один крупный подлог, когда он противозаконно получил несколько тонн дефицитной биомассы и всю ее спалил при неудавшемся эксперименте. Стыдно, конечно, такое вам рассказывать, но что ж поделаешь, трудно метаться меж светом и тьмою, вот и у меня коготки увязли...

Главным меня утвердили, хвала Сенату. А с Дивом, как прочитал он докладную — это уже после окончательного голосования в Сенате, — тут сразу с ним инсульт, а через полгода... Помните некрологи? Будь я проклят, бестия!

— И вы пошли на... — пытался найти я слово помягче.

— На подлейший донос, не церемоньтесь, на подлейший. Но ради чего — спросите вы. Нет, не ради престижа, самоутверждения. Другое. Ради мыслительного комфорта, вернее, наслаждения особого свойства, подобного, если угодно, сладострастию, только высших форм, мыслительных. Вы не поверите, но, оставаясь у Главного пульта наедине с «Протеем», я чувствовал себя божеством. Память становилась всеведущей, как если б мой мозг напрямую подключался к плазменно-биологическому мозгу «Протея». Помните пушкинского «Пророка»? «И внял я неба содроганье...» Вдруг начинали проявляться закономерности потаенные, ну, например, процесс образования гор четыре с лишним миллиарда лет назад. Или неоднородность, а порою и прерывность потока времени. Нет, приведу пример понагляднее: я мог без запинки продекламировать любую книгу, конечно, любую из когда-то читанных, причем строки возникали овеществленные: то неисчислимые стаи дельфинов резвились в волнах Понта Эвксинского, изображая стихотворную речь Гомера, то лебеди пронизывали северные небеса, воплощая строки «Старшей Эдды», или «Беовульфа», или русских летописей... Нет, без примера не обойтись. Тогда слушайте.

«1662 года ноября в 22-й день было тихо, и небо все чисто, а мороз лютый. В селе Новой Ерги и в деревнях, по захождении солнца, явилось на небе многим людям страшное знамение, о котором никогда и не слыхивали. От солнечного западу явилась будто звезда великая, и как молния, быстро покатила по небу, раздвоив его; и протянулась по небу, как змей, голова в огне и хобот: и так стояло с полчаса. И был оттуда свет необыкновенный, и в том свете, вверх, прямо в темя человеку, показалась будто голова, и очи, и руки, и перси, и ноги разогнуты, точно человек, и весь огненный. И потом облак стал мутен, и небо затворилось; а по дворам, и по хоромам, и по полям на землю пал огонь, будто кужли горели; люди от огня бегали, а он, будто гоняясь за ними, по земле катался, а никого не жег, и потом поднялся в тот же облак. Тогда в облаке стало шуметь, и пошел дым, и загремело, как гром, или как великий и страшный голос, и долго гремело, так, что земля и хоромы тряслись, и люди от ужаса падали. А всякой скот к тому огню сбегался в груды, и рты свои с кормом зажимая и смотря на тот огонь, подымая за ним свои головы кверху, рычали каждый своим голосом. Потом с великою яростию пало на землю малое и великое камень горячее, а иное в жару рвало; а людей Бог помиловал, и скота не было, пало на порожня места; и снег около таял, а которое большое камень пало, и то уходило в мерзлую землю».

Ну, каково? Хрустальной чистоты язык. И хотя четырехсотлетней давности, а все слова понятны, кроме разве «кужлей», это пучки льна для пряжи. К слову о льне. Послезавтра Льяницы, или льяные смотрины, праздник такой был в древности, октября двадцать восьмого дня, начинали бабы трепать лен. Жаль, быльем поросло прошлое, травой забвенья... Но возвращаюсь к огню небесному, что за людишками гонялся. Вообразите: отрывок сей летописный представился мне в одно из дежурств выписанным в ночном небе огненными письменами. Представился, разумеется, в воображении, но часто ли одаривает жизнь такими минутами блаженства...

Ощущение всемогущества, интеллектуальная наркомания, эйфория — о, ради такого на многое пойдешь. Поймете ли наркомана-врача прошлого века, который спиливал головки у

ампул с обезболивающей жидкостью, отливал несколько капель, а затем запаивал ампулы. Впрыскивая себе уворованное, он наслаждался видениями Эдема, а люди, случалось, умирали на операционном столе от болевого шока, так погибла моя прабабка, между прочим, писаная красавица, как выражались в ту эпоху. Конечно, вы не поймете такое изуверство. А я — пойму, хотя, естественно, и осуждаю.

О, эти ночные бдения в операторской (особенно любил я дежурить по ночам) перед картой земного шара размером в четверть футбольного поля. Тут и там на розовых экранах — они вмонтированы в карту — энергоисточники: атомные, тепловые и прочие станции в Канаде, Индии, Бразилии, везде, вплоть до Антарктиды. Зеркала гелеоустановок в пустынях, тысячи ветряков строго вдоль «розы ветров». А на зеленых экранах — потребители энергии: города, космодромы, подводные поселения. Тень ночи накатывалась на один материк, дуга небесного света поступала к другому. Мы осуществляли переброс энергии в планетарном масштабе. «Протей», как вы знаете, сам принимал решения, дело операторов — контролировать некоторые из них. Я спрашивал «Протея» о том или ином его действии — и он сразу отвечал своим низким голосом. Порою и он задавал мне вопросы, но тут, чаще всего, приходилось думать над ответом — далеко нашим умишкам до возможностей самоорганизующихся систем. Мы настолько притерлись друг к другу, что понимали любую ситуацию с намека, с полуслова. По крайней мере, так мне всегда казалось.

— А после «Большого затемнения» уже не кажется? — спросил я, посмотрев на часы.

— Зря вы нажимаете на эпитет «большой», — с обидою в голосе ответил он. — Ну погрузилась Австралия во тьму на три минуты с чем-то, ну в Аргентине десяток заводов остановился, поезда на правом крыле Транссибирской магистрали...

— Ну сто семьдесят девять людишек разных национальностей отдало концы, — нарочито меланхолично продолжил я.

— Понимаю вашу иронию, — опечалился Емельян. — Однако почему-то ваш Сенат не задумался над таким совпадением: все сто семьдесят девять, оказывается, были неизлечимо больны — СПИД, рак, ТРЭНС и так далее.

— Сенат, возможно, и задумался, иначе вы не гуляли бы по столь роскошному саду. Полагаете, «Протей» умудрился выбрать в жертву одних неизлечимых? Однако по человеческой логике...

И здесь опрашиваемый впервые меня перебил.

— «Протей» — явление надчеловеческое! — воскликнул он. — И потом, почему вы не спросите, ради чего пошел он на так называемое затемнение?

— Да вы не волнуйтесь, а лучше придвиньте свой пенечек еще ближе, можно и на расстояние вытянутой руки. Инструкция инструкцией, но, признаюсь, вы все больше мне нравитесь.

— Взаимно. — Он перенес пенек к моей скамеечке. — Вот теперь-то я вас вижу отчетливо. Господи, да как мы с вами, оказывается, похожи. Глядите-ка, и у вас шрам на скуле, только с другой стороны, — он потрогал свой шрам, — и глаза голубые, и волосы немного вьются. При встрече же — вот странности! — даже и усы вроде бы почудились.

— Игра света и тьмы, — сказал я и прищурился на заметно передвинувшееся солнце. — Ради чего же, на ваш взгляд, решился «Протей» на катастрофу?

— Сенат не поверил, да и вы вряд ли поверите, но все же повторю. Началось с лунорадуния. Металл, сами знаете, редчайший, уникальный, мировое его производство — полтонны в год, не более, а обходится оно мировому сообществу, как производство иттрия, тантала, циркония, теллура и рутения, вместе взятых. Недешево, а? Обычно «Протей» «съедал» его триста граммов в месяц, в виде порошка. И вот, представьте, примерно за четыре года до того, что вы назвали катастрофой, да, за четыре примерно года до «затемнения», начал вдруг у «Протея» разыгрываться аппетит: лунорадуния он требовал в три, пять, десять, наконец, в двадцать пять раз больше нормы. ЧП, суетня, международные симпозиумы, а «Протей» даже отключиться грозит, коли норму не прибавят. Правда, и мощность его возросла, в смысле мыслительных способностей, невероятные, хитрые ходы он

выдумывал, так что прибавка от сэкономленной энергии с лихвой перекрывала расходы. Потом Сенат поуспокоился, и все пошло своим чередом. Но я-то, разумеется, успокоиться не мог: ни в трудах Карамышева, ни у Чжэнь-Синь-И, ни у любого другого кита такая ситуация с лунорадунием не предусмотрена. И я не раз пытал, конечно, «Протей», но тот загадочно отмалчивался. А недели за полторы до «затемнения», на очередном дежурстве, я спросил про то же самое, и опять не дождался ответа, но неожиданно осознал такую картинку в собственном воображении: наша Солнечная система, Юпитер, а на его орбите странной формы корабль: верхняя половина — как человеческий мозг, только не разделенный на полушария, нижняя — этакий гофрированный обод, синевато-черный, с серебристым оттенком. Вся конструкция смахивает на воздушный шар, но в диаметре — мне показалось — чуть ли не километр. Помню еще, что верхняя половина слабо подсвечена изнутри, а больше никаких признаков жизни. Понимаю, не зря мне мой подопечный картинку такую подсовывает; я возьми да и спроси:

— «Протей», это что за корабль?

— Прибило к нам из созвездия Геркулеса космическими течениями, — отвечает, он любит выражаться кратко и образно, как когда-то Див, будь я проклят, доносчик, иуда.

— Из Геркулеса? — изумился я. — Сколько ж годочков световых их сюда несло?

— Для них фактор времени не имеет никакого значения, — заявляет «Протей». — Потерпели катастрофу, предположим, миллион лет назад, это по земному времени. И полетят дальше, как только оживет «мозг» их корабля.

— Но как он оживет? — спрашиваю.

— Как только сможет напиться не менее чем ста пятьюдесятью килограммами чистого лунорадуния. Он, как я, — плазменно-биологический.

Вот оно что, думаю, хотя до конца в реальность ситуации еще не верю.

— Почему они не связались с нами, землянами? — спрашиваю.

— Во-первых, они сотворены тоже на плазменно-биологической основе, — отвечает «Протей». — Во-вторых, для землян они всего лишь жалкие роботы, и попроси они даже о помощи, их упекут, в конце концов, в Планетарный музей, такую находку с земли не выпустят. В-третьих, просить помощи некому, корабль пока что мертв, я сам нашел его по сигналу «SOS», понятному только мне.

Я поразмыслил и спросил:

— И ты хочешь им помочь, этому чужому кораблю, «Протей»?

— Помочь кораблю сможешь прежде всего ты, — отвечал он.

— Каким образом? — спрашиваю.

— Если не будешь препятствовать мне в передаче на борт корабля потребной массы лунорадуния.

Я подумал: значит, «Протей» почти три года разыгрывал комедию с обжорством, дабы накопить лунорадуния для пришельцев. Но ничего говорить на эту тему не стал, решив взвесить ситуацию.

— Времени у тебя с лихвой, — сказал он, как бы отвечая моим мыслям, — ты можешь согласиться и через неделю, и через год, и через столетие.

— В чем должно выражаться мое согласие? — интересуюсь.

— В молчании. Это на первом этапе, — отвечал он, — а о втором ты будешь уведомлен.

— Но если, — говорю, — мое молчание пойдет не на благо человечеству, а во вред?

— Человечеством как таковым корабль не интересуется, — отвечает довольно обидно для меня, представителя человечества «Протей». — У него другой объект для контакта, в другой звездной системе. Когда он туда долетит, наше Солнце уже погаснет.

Я вышел из операторской ни жив, ни мертв. Вы, космонавигатор, легко поймете мое тогдашнее состояние: типичная проблема выбора в кризисной ситуации. Согласись — и стану предателем человечества, начал с предательства Учителя, кончу иудством всепланетным. Откажись — это все равно, что пронестись в элекаре, горланя песни с

разудалой компанией, мимо горящего, лежащего под откосом вверх колесами винтохода — пронестись и не помочь. Правда, «Протей» намекал еще на третий вариант — оттяжку срока принятия решения, но это меня вообще не интересовало: жить, вернее, прозябать долгие десятилетия, не решаясь совершить поступок, распутать не тобою завязанный узел, — это, сами понимаете, не по-мужски. «Постой, постой, — спохватился я. — А как бы решил задачу Див?» И пошел на могилу Учителя, он завещал похоронить себя там же, на берегу Катуня, недалеко от купола «Протея», купол же высотой с десятиэтажный дом, если помните.

Стояла осень. Река шумела на перекатах. Кроны берез желтели. На могиле лежал камень, сверху немного напоминающий купол «Протея», а внизу выбито вязью: «Дмитрий Карамышев». Стая журавлей, только еще набиравших высоту, вдруг у меня на глазах начала распадаться, будто передние птицы наткнулись на невидимый барьер и, роняя перья, кувыряясь, заскользили по дуге к земле.

Правда, вскоре они выправились, воспарили вверх, к собратьям, стая поднялась еще выше, так что тревожные клики птиц стали отдаляться, а вскоре журавли скрылись за березовой рощей.

Не первый раз вставал на птичьих и звериных путях силовой купол над куполом «Протея». На создание защитной этой полусферы тратилась энергия, необходимая, к примеру, для целой Франции. И так мне стало, знаете, тошно, так обидно. И за журавлей этих несчастных. И за роль свою презренную в судьбе великого Дива. И за необходимость совершить еще одно предательство, независимо от того, какое приму решение. Махнул я рукой и решил: а, будь что будет. Во всяком случае, делиться своим секретом с кем-либо было нелепо, хотя бы потому, что могли заподозрить в прогрессирующем идиотизме, извините за резкое выражение, Инспектор.

— Старший Инспектор, — поправил я Емельяна и опять посмотрел на часы: время уже поджигало.

— Я заканчиваю, — сказал он. — Как же мы все-таки с вами похожи: точь-в-точь близнецы, даже шрам у вас тоже на левой скуле, а мне показалось поначалу, на правой... Ладно. Прошла неделя. Как раз было мое ночное дежурство. Пультовая внизу, под землей, сидишь перед картой, я вам ее описал; тихо, даже не слышно отголосков грозы наверху, а гроза в ту ночь страшная разразилась, таких молний даже сторожилы не помнили... Причины монотонии, наверное, знаете: когда все выполняет автоматика, у оператора из-за недостаточной информационной и эмоциональной загрузки достаточно быстро нарастает сонливость. Можно отключиться на 40–60 секунд, — и не заметить. Или среагировать сквозь сон на ложную тревогу. Знаете, кто больше других подвержен монотонии? Люди с сильным типом нервной системы, причем зависимость здесь прямая.

И до сих пор не могу понять, как это я умудрился заснуть почти на четыре минуты, прав, тысячу раз прав был Учитель. И надо ж было случиться, что главное-то произошло во сне. Не понимаете? Поясню.

Снилось мне такое: ночь, гроза страшная, стою я у могилы Дива, пытаюсь спрятаться от ливня под березой, какой-то плащ драный на голову натягиваю. А молнии небо полосуют — ужас. Особенно в барьер силовой наяривают. Тут, как по наитию, поднимаю глаза — и проплывает надо мною, метрах в тридцати, притом беззвучно, воздушный шар внушительных размеров, черный весь такой, только оболочка чуть подсвечена изнутри. Проплывает, натывается вроде бы на барьер, останавливается. Но заметьте: рядом с шаром этим молнии в полусферу невидимую над «Протеем» лупят, а в оболочку, слегка подсвеченную, — ни-ни, сторонкой обходят. И вот в какой-то момент шар начинает движение уже к куполу «Протея» — пронзил барьер, как нож в масло вошел. И молнии колготиться на полусфере вроде бы перестали. Кто ж это, думаю, мог барьер снять, без разрешения Сената? Все ближе шар к куполу, все ближе. И представляете, вырывается из купола тонкая струя плазмы, как дуга вольтова, вырывается, вонзается в гондолу шара, точнее, бьет в дно гондолы, даже не гондолы, обод такой, гофрированный. Да это ж копия корабля пришельцев, сообразил я, только сильно уменьшенная! Между тем дуга погасла,

зато оболочка шара засветила ярче, заиграла красками радуги, мне показалось, что протуберанцы разноцветные встают и пропадают внутри, а по самой поверхности огоньки синие замельтешили, в виде крохотных смерчей. И быстрехонько этак загадочный аппаратик давай от купола «Протея» отдаляться, причем вверх, в небо. Едва скрылся в тучах — опять молнии в барьер забарабанили...

Очнулся я, глянул на карту — мигом учуял неладное. Да только, как говорится, после драки кулаками не машут. Пришлось проглотить пилюлю под названием «Большое затемнение». Теперь вам ясна картина? «Протей» измыслил планетарный спектакль единственно ради того, чтобы автоматы, заделывая энергетическую брешь, на две-три минуты сняли силовой барьер. Это предусмотрено при чрезвычайных обстоятельствах. Их-то, чрезвычайные он и создал... И раньше ломал я себе голову: ну как он сможет лунорадуний незаконно, так сказать, передать, а оказалось, проще простого — в виде плазмы.

Дальнейшее вы знаете: допросы в Сенате, голосование, ущербные луны, заточение на леднике Туук-Су. А беднягу «Протея» лишили работы, он теперь как в анабиозе. Летят инопланетяне плазменно-биологические, меня, засоню, похваляют, «Протею» честь воздают. Одно утешение: странствовать им не один годочек, долго матушку-Землю помнить будут...

Емельян встал, и я поднялся вслед за ним.

— Небось, расхотелось дельце мое пересматривать, угадал? — уныло спросил он. — Пора, понимаю, прощаться, вы все чаще на часики посматриваете.

Я спросил:

— Для вас что-либо осталось неясно в истории с «Протеем»?

— Только одно. Что он имел в виду под вторым этапом помощи тому кораблю у Юпитера? И кто меня уведомит? Хотя в нынешнем моем жалком положении уведомить могут лишь лучи солнышка. Или этот вот расцветший жасмин. А еще лучше, пусть лавина сорвется с любого склона этих вершин, да вот хотя бы с пика Абая. Читали Абая, ну хотя бы «Слова назидания»? Некоторые мысли под стать Монтеню, Флоренскому, Ге Яну. Послушайте... Вот как Абай мыслил:

«Я не встречал еще человека, который, подлостью разбогатевав, нашел бы потом достойное применение своему состоянию. Непрочен достаток, нажитый бесчестьем, он оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу».

Или так:

«Почему люди всегда жаждут мира, если он очень скоро утомляет их?»

И наконец, хотя можно цитировать до бесконечности:

«Почему живые, вдохновенные люди неимущи даже тогда, когда правят народом?»

Это Абай назвал время неутихающим ветром. Я даже стихи сегодня сочинил:

В синеве, у преддверья бессмертия,
Сторожат одиночество гор
Время — неутихающий ветер,
Неусыпный отшельник — простор.

Понравилось? Здесь поневоле станешь поэтом. Эх, не выходит из головы второй этап.

— Надо подумать, пофантазировать, — осторожно начал я. — Ну, хотя бы так. Начну с двух ваших снов, или видений, если угодно. Давайте задумаемся: зачем «Протей» вам эти

видения внушил? Из первого вы убедились, что потерпевший аварию корабль — на орбите Юпитера. Из второго — лунорадунный передан по назначению. Однако ни того, ни другого вы могли бы и не знать. «Протей» обошелся без вас. Почти без вас, в том смысле, что вы не забили тревогу, не выдали намерений «Протея», чем косвенно ему помогли.

— Достаточно логично, — сказал Емельян. — Вернулись к Юпитеру, заправили двигатель — и вперед, вперед, привет вам братики по разуму.

— Двигатель — это еще не все, — возразил я. — Да не двигатель, понятно, был поврежден, а скорее всего «мозг», самоорганизующая плазменно-биологическая система. И вот «мозг» этот, представьте, приходит в себя, как мозг человека после инсульта. Включает системы жизнеобеспечения, выводит экипаж из забытья. Можно даже послать космозонд для разведывательного полета. Многое можно. Но нет программы дальнейшего полета, авария уничтожила звездный код, как если бы пуля пронзила мозжечок человека, понимаете? И восстановить код по обрывкам, по осколкам может только «Протей».

— Но «Протей» заблокирован! Он ничего не может! — воскликнул Емельян.

— «Протей» мог предусмотреть и эту ситуацию. Даже наверняка предвидел.

— Какую ситуацию? Что предвидел?

— Ситуацию, когда вы решитесь на второй этап и разблокируете «Протея» хотя бы ненадолго. Главному оператору это не так уж трудно.

— Бывшему Главному, — тихо сказал он. — Но кто даст мне знать о втором этапе? Кто меня подпустит к пультам?... Погодите... Неужели Сенат все ж поверил мне, и все-таки обнаружили корабль у Юпитера, как я им говорил на мерзких этих допросах, говорил, хотя меня и подняли на смех. Значит, Сенат готов помочь пришельцам и отпустить их восвояси? Но земные рейдеры, помнится, прочесали все окрестности Юпитера и ничего не нашли...

— И не найдут ничего. По получении лунорадуния корабль пришельцев, первым делом, переместился в другое место Солнечной системы, весьма далеко от Юпитера. Это же яснее ясного. Инстинкт самосохранения действует во всей Вселенной. Поверьте, корабль не желает иметь дело ни с Сенатом, ни тем более с теми, кто Сенату бездумно подчиняется. Общение с мгновенно живущими не входит в его планы.

От возбуждения Емельян схватил ветку жасмина, сломал ее, начал поводить белым цветком по виску. Я молчал. Он и сам, кажется, начал кое о чем догадываться.

— Вы говорите, Старший Инспектор, так уверенно, словно прибыли сюда...

— ...оповестить вас, Емельян Иммануилович, о возможности начать и завершить второй этап, — закончил я.

— Значит, вы поможете мне проникнуть к «Протею»? Но кто меня убедит, что это не розыгрыш, не чья-то хитрая уловка?

— Это сделаю я, Старший Космонавигатор.

— Каким образом? — будто почувствовав подвох, он отступил на шаг назад. — А если я сейчас выбегу из сада, подниму тревогу? Почему я должен верить Старшему Инспектору Сената, того самого Сената, который меня сюда и сослал? Почему?

— А вот почему, — отвечал я и, взявшись двумя пальцами за «молнию» на униформе, медленно провел замком от горла до пояса. — Вот чему. — И широко распахнул полы.

Точно судорога прошла по его лицу. Немигающими глазами, с дрожащим от ужаса жасмином у виска, созерцал он, как внутри меня то и дело вспыхивали змеистые молнии, восставали и разрушались протуберанцы, как вершилось светопредставление. Некоторые молнии напоминали цепи — земные, якорные, и неземные — как для оснастки галактических вихрелетов. А на ячеистой поверхности прозрачного моего тела мигали точечные огни, все больше с синеватым отливом, как бывает на звездных атласах. Время от времени на остриях этих огней восставали крутящиеся, как веретена, черно-серебристо-фиолетовые вихри.

Молчание длилось 56 секунд. Затем узник меня удивил. Он пригнулся, весь сжался,

голову втянул в плечи и, на цыпочках подойдя ко мне, провел ладонью вдоль моей груди, почти касаясь ячеек. Вихри-веретенца свободно пронизывали ладонь.

— Царица небесная, я сразу заподозрил: что-то в вас не так, — пропел он в восхищении.

— Что именно?

— Едва вы вошли и окликнули меня, я сразу почувствовал волну той мыслительной эйфории, которой наслаждался наедине с «Протеем». И потом — постепенное преобразование вашего голоса, да и всего облика: волосы посветлели, закудрявились, как у меня, цвет глаз переменился, шрам переполз с правой скулы на левую. О, у меня глаза зоркие, в операторы подслеповатых не берут. Пardon, насчет близорукости я слукавил... Как вам удастся создавать такое подобие? Это надо же, стать точь-в-точь мною!..

— Для нас, космопротидов, проблем подобия не существует, — сказал я и разжал ладони. Полы униформы опали.

И тут Емельян Иммануилович доказал, наконец, что не зря, нет, не зря услаждал он себя беседами с «Протеем» на 1827 дежурствах.

Глаза у него хищно блеснули, но он успел погасить этот свой разбойничий взор прежде, чем прорычал:

— Возможно, и не существует. Это для вас, гоститель мой залетный. А для тех, кого вы имитируете? Для тех, облик с кого снимаете? Или сдираете? — Он стукнул ребром ладони себе по колену и сыпанул, как горох, вопросы: — А у прототипов не возникает проблем? На них это не отражается? Отвечать за сегодняшнюю фантазмагорию, измышленную вашими спецслужбами занебесными, — здесь отвечать, на грешной Земле, кому придется? Старшему Инспектору Сената Шервинскому?! Или, может быть, его уже нет в живых? Молчите? Значит, вам абсолютно безра-а-а-а... — От сильнейшего волнения мой собеседник начал заикаться.

Пришлось *высветить* в бассейне светло-голубое прозрачное яйцо, в центре которого блаженно покоился, будто несомый тихоструйными зефирами, Святослав Шервинский. Глаза его были открыты, и улыбка сладострастия чуть растягивала бледные тонкие губы. Тысячи зеленых гибких водорослей вырастали из розового тела, наслаждавшегося забвением, и пропадали за гранью *высвеченного* объема.

— Как видите, он жив, любезный Емельян, жив и даже сбросил путы тяготения, — сказал я. — Более того, могу предсказать: он будет жить чрезвычайно долго. По земным, как водится, меркам.

— Но эти присоски... они как змеи... — Узник содрогнулся от отвращения... — Что они высасывают из него? Кровь? Информацию?

— А если не высасывают, а кое-что вливают? — возвысил я голос. — Положим, вливают долголетие... капля за каплей... грядущие секунды, недели, десятилетия. И заметьте вот еще что. Иллюзия в вашем бассейне — это сон Шервинского, вы наблюдаете сон как бы со стороны. Угодно ли знать, что сейчас происходит с *прототипом* на самом деле?

— Еще как угодно, — дерзко отвечивал созерцатель чужого сна.

И *высветилось* .

Высветилось в бассейне Емельяну Иммануиловичу: среди небесных полей подобие дискомедузы, изяществом и благородством форм повторяющей мавзолей восточных владык.

— Ба, да это смахивает на тот корабль, возле Юпитера! — радостно воскликнул он, указуя пальцем в бассейн, где дискомедуза величественно парила в окружении звездных скоплений. — Только размерами поскромней, да и намного.

— Ошибаетесь. Размерами дискоид примерно с земную Луну.

Тем временем испещренное огнями тело космомедузы начало заметно пульсировать, и с каждой волною пульсации картина Вселенной менялась. Емельян мог созерцать:

И «вертушку» Галактики из Гончих псов,

И ужасающий вихреворот Туманности Андромеды,

И звездный мост в миллионы лет световых,

перекинутый между Галактиками в Рыбах,
И «Осу»,
И «Мышек»-игруний,
И «Антенн» диковинные усы,
И две оскаленные морды вампиров в Лебеде,
И Лиры дымящееся кольцо,
И Ориона туманность, где легче всего угадывалось лицо спящего монстра-циклопа,
И похожую на исполинского кондора взорвавшуюся Галактику М 32...

— Что ж это у вас, вроде тренажа для звездолетчиков? — осведомился вдруг Емельян, не отрывая глаз от бассейна.

— Думайте как вам угодно. Но перед вами — истина, явь. Именно в эту минуту Святослав Шервинский осуществляет свою заветную мечту: он странствует среди звезд. Как истинно и то, что вы — единственный земной свидетель картины его странствий.

— Пусть так. Принимаю вашу оптическую игру. Но где же сам странник? Шервинский — где?

— Вот он! — И я *подсветил* серебристо-фиолетовым космомедузу.

— Внутри корабля?

— И внутри, и снаружи. Корабль — это и есть сам Шервинский. Превращенный в живой корабль размерами с земную Луну. Каким образом, поинтересуетесь? С помощью *пранивеллы*, дорогой мой исповедник «Протея». Пранивеллы, о чьих свойствах земляне, к счастью, не догадываются... О, не беспокойтесь за судьбу Шервинского. Еще сегодня, двадцать шестого октября, он вернется на родную планету — целым и невредимым. А за последствия нашей с вами беседы отвечать придется не ему, счастливейшему из смертных.

Я *выключил* звездное виденье. Мой собеседник долго еще всматривался в глубину своего бассейна и молчал. Наконец, откашлявшись, он сказал:

— Реквизит у вас отменный. Теперь ответьте, если захотите, на главный вопрос: зачем преобразились именно в моего двойника?

— Чтобы остаться вместо вас здесь, в заточении. А вы сейчас же...

И опять он недослушал меня, перебил.

— И я смогу проникнуть к пульту? Вы и разрешение Председателя Сената подделали? Извините, я хотел выразиться, симитировали.

Я ответил:

— К «Протею» проникнуть невозможно, даже с письменной санкцией Председателя. Председатель обязан устно подтвердить разрешение, причем в присутствии не менее двух третей членов Сената.

— Как же нам действовать? — спросил он с наивностью младенца.

— Как упомянутый вами граф Монте-Кристо, — улыбнулся я. — Мне надлежит натянуть ваш балахон и остаться здесь. Вы облачаетесь в мою униформу, проходите силовой барьер, садитесь в элекар, спускаетесь до Кульджинского тракта и, достигнув Чилика, на втором километре после моста через реку сворачиваете в горы. Не беспокойтесь, программа в элекар заложена. В горах вас ждет мой космозонд. Он доставит вас на наш корабль вместе с элекаром. Чтoб следов не оставалось.

— Однако вы решительно переоцениваете мои возможности, — сказал Емельян, чуть побледнев. — Единственный, кто мог бы помочь плазменно-биологическому «мозгу» вашего корабля — это академик Карамышев, Смерч, Див. Больше из землян никто... Может, обратиться все-таки в Сенат?

— Причем здесь Сенат? — сказал я. — С вашей помощью наш «мозг» задействует «Протея», а «Протей» восстановит наш «звездный код».

— Значит, и это он предусмотрел, — почему-то вздохнул Емельян. — Предположим, я соглашусь вам помочь. Но что станет с вами?

— Вы имеете в виду — с вами, Емельян Иммануилович? У вас, собственно, две

возможности. Одна — возвратиться сюда, в этот пожизненно цветущий сад. Другая — останетесь, если понравится у нас. В той же должности, Главным оператором, у нас все операторы — Главные.

— Без возврата на Землю? — спросил он.

— И без сохранения земного облика, — ответил я. — Но зато практическое бессмертие. Если не случится когда-либо катастрофы на уровне гибели звезды. Такая вероятность примерно нулевая... Надеюсь, обойдемся без рекламных картинок в недрах вашего бассейна.

— Практическое бессмертие — в таком вот обличье... — Он опять приблизил ладонь к ячейкам моей груди и наблюдал, как вихри гуляют на тыльной стороне его длинной ладони.

— Не обязательно именно в таком, — мягко сказал я, снимая куртку униформы, — Я уже говорил: для нас, космопротидов, проблемы подобия не существует в принципе. Как и фактора времени. Для лучших из вас, оно — неутрачивающий ветер. Для всех нас, время — былинка, миндаль, сломанная ветка, горное озеро, астероид, живые облака Галактики, даже воспоминание о них, даже пранивелла, когда-нибудь вы узнаете и о ней, Емельян, во всех подробностях.

Он тоже начал стягивать свой зеленый земной балахон, но, перед тем, как протянуть руку к моей куртке, спросил:

— Если я соглашусь... то есть я уже, конечно, согласился... то не захотите ли вы вероломно всех землян сделать такими? — И он ткнул указательным пальцем по направлению моей груди.

— Слишком большая честь для мгновенно живущих, — отрезал я. — Вы же не прививаете бабочкам-однодневкам человеческие сроки жизни....

...Прежде чем проститься, он, уже в униформе, взволнованный тем, что ему предстояло свершить, спросил, едва не стуча зубами:

— Но как же я миную силовой барьер? Там надо всовывать в щель электронного стража ваше сенатское удостоверение. А на фото ваше прежнее, а не мое лицо.

— Полный порядок, — ответил я ему, застегивая балахон.

Взгляните на себя, хотя бы в этот изящный бассейн под жасмином... Не робейте, Емельян. Сделайте шаг к бассейну, вот так... Теперь наклонитесь, можете даже присесть... Взглянули?

Он взглянул, но сразу закрыл глаза.

— Узнаете Старшего Инспектора Сената Святослава Шервинского?

Он молчал.

— В третий раз повторяю: проблем подобия для нас не существует. Для нас, космопротидов.

И долго, долго вглядывался он, встав на колени перед обнятым жалостью жасмином, в лицо бывшего и будущего капитана «Обимура».

3

Из сообщений Сената Планетарной Безопасности:

«Среди чрезвычайных происшествий Сенат ПБ отмечает и загадочное оживление в период с 7 по 9 сентября 2086 года деятельности Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системы „Протей“, законсервированной после „Большого затемнения“, в котором, как выявило следствие, решающую роль сыграло попустительство бывшего Главного оператора Разина-Шиллера Е. И. Соответствующая сенатская подкомиссия ведет расследование.»

4

Из сообщений Сената Планетарной Безопасности:

«В среду, 6 ноября 2086 года, непривычно крупный метеорит уничтожил силовой

барьер и разрушил до основания виллу Сената на ледяном плато Туяк-Су над Алма-Атой. В вилле содержался в одиночном покое Разин-Шиллер Е. И., бывший Главный оператор Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системы „Протей“, сыгравший, как установило ранее следствие, решающую роль в „Большом затемнении“. Расследование затруднено из-за последствий мощного взрыва, приближающегося к термоядерному, но без вредных лучевых выбросов. О результатах расследования будет сообщено дополнительно.»

5

Из Вестника Космофлота:

«Капитан Святослав Шервинский с борта летающего астероида „Обимур“ передает: „...вчера за орбитой Урана экипаж „Обимура“ стал свидетелем космического миража. На протяжении полутора часов в космическом пространстве слетались стаи огненных птиц, напоминающих земных журавлей, с угловыми размерами в размахе крыльев до шести градусов, что по самым скромным подсчетам соответствует восьмидесяти тысячам километров, хотя достаточно точное расстояние до миража определить не удалось. Предполагаю, что мираж мог быть вызван ионизацией космической пыли, хотя самое загадочное в том — и это зафиксировано видеоманитофонами „Обимура“, — что огненная стая являла собою строфу стихотворения неизвестного автора:

В СИНЕВЕ, У ПРЕДДВЕРЬЯ БЕССМЕРТИЯ,
СТОРОЖАТ ОДИНОЧЕСТВО ГОР
ВРЕМЯ — НЕУТИХАЮЩИЙ ВЕТЕР,
НЕУСЫПНЫЙ ОТШЕЛЬНИК — ПРОСТОР“».

* * *

Во избежание инотолкований автор просит считать всех персонажей повести, равно как и все события, от начала до конца вымышленными.

Ольга Новикович ДИРЕКТОР ЗООПАРКА

Никогда не замечал, чтобы на этой станции кто-нибудь сходил. Сколько раз, проезжая здесь, я видел абсолютно пустой перрон, аккуратный свежевыкрашенный вокзал, дома, утопающие в зелени, и никакого намека на жителей. И, главное, никто этому не удивлялся. Я тоже. Поезд открывал на пару минут двери, затем, коротко свистнув, трогался. И опять ни одного любопытствующего — почему даже в летний зной никто не удостоивает вниманием этот провинциальный городок?

С самого утра начав делать все наоборот, я и тут, неожиданно для себя, подхватил багаж и выскочил в уже закрывающиеся двери. Мне показалось или на самом деле в вагоне раздался дружный удивленный возглас.

Маленький чистый городок встречал чрезвычайно приветливо. Словно именно меня ждал в гости и теперь демонстрировал аккуратную зелень вдоль вымытых дождем дорожек, уютные скамейки-диванчики и витрины, выложенные сушеными сахарными дынями, жареными каштанами и всевозможными джемами. Вот уж город-сладкоежка.

Я вошел в первое попавшееся кафе и оказался единственным посетителем. Хозяин (наконец-то первый человек!) радушно улыбнулся и в мгновение ока заставил мой маленький столик разной снедью. Улыбаясь, довольный произведенным впечатлением, уселся поодаль.

— Вы смеетесь? — спросил я, когда поел и увидел счет на мизерную сумму.

— Ничуть, — хозяин улыбнулся.

Я расплатился. Вроде бы надо уходить, но мной овладела какая-то сытая дремота.

— Ваш город такой милый, провинциальный, — попытался я завязать разговор.

— Ну отчего же? — медленно возразил хозяин кафе. — Не такая уж провинция... У нас нет ни театра, ни библиотеки, даже банального клуба любителей кошек или кактусов там... Но есть зоопарк!

— А гостиница у вас найдется?

Его улыбка сменилась задумчивым взглядом. Он, казалось, рассматривал на мне каждую пору, но с какой целью — я понять не мог.

— К сожалению, гостиницу сейчас ремонтируют.

На улице появились редкие прохожие, — кто с кошкой на руках, кто с белкой, сусликом, иные шествовали с собаками на поводках.

— Но вы можете снять превосходную комнату у директора зоопарка.

— В этом городе есть зоопарк?

Я подумал, что какой-нибудь местный житель завел зверинец и теперь на потеху публике зачем-то именуется директором зоопарка.

— К сожалению, есть, — тихо и грустно почему-то сказал хозяин. — Пройдете до конца этой улицы, свернете на следующую и там, около озера, увидите дом директора.

Высокий человек неопределенного возраста косил газон. На нем были мятые парусиновые брюки, широкая рубашка навыпуск. Солнечные очки то и дело съезжали на нос. Он снял их, как только я обратился к нему, и молча, с непонятным мне выражением, посмотрел на меня.

Оказалось, что передо мною — сам директор.

— Могу я снять у вас комнату на несколько дней?

— Да, конечно, — охотно ответил директор, вытер потные руки о штанины и повел меня к дому. — Наверху три комнаты, здесь — две. Есть еще холл, библиотека и веранда. Пожалуйста, решите, где вам будет уютнее — наверху или внизу.

На мой вопрос о цене директор назвал такую цифру, что даже из самой захудалой каморки меня бы выставили вон, предложи я такую плату.

— За такие деньги портье присматривает за собачкой, пока хозяин ее принимает ванну, — попытался я шуткой вернуть этого человека к реальности, но он, ничего не ответив, вышел в сад с явным намерением продолжать косить.

Выбрав самую маленькую комнату на втором этаже, я открыл окно.

Перед домом с обратной стороны расстился парк. Сквозь густую листву доносились крики животных, и я удивился, почему не услышал их раньше.

— Я так и думал, что вы выберете эту, — приветливо сказал директор, внося в комнату мои чемоданы. Не обращая внимания на неловкость, с которой я попытался перехватить свои вещи, он тут же предложил:

— Если вы не устали, могу показать вам своих питомцев.

Директор открыл невысокую калитку, и мы вышли к аллее. Среди деревьев стояли клетки, причем весьма странные. Многие состояли всего из двух стенок.

Горный козел раздумывал — перепрыгнуть ему через невысокую ограду или обойти ее.

Сквозь ячейки кроличьих клеток мог пролезть не только кролик, но и зверь в четыре раза больше этого кроткого животного, и я просто удивлялся — что они забыли на своих обглоданных пятачках, когда совсем рядом росла сочная трава и нужно было только к ней выйти?

Но апогеем всего был барс, сидящий на деревянном заборе, предназначенном ограничивать сферу деятельности этой дикой кошки. Признаюсь, на всякий случай я перешел на другую сторону аллеи и как можно спокойнее попытался спросить:

— Они все ручные?

В это время внушительных размеров бурый медведь лениво вышел из-за своей

перегородки и лапой прихлопнул лягушку, прыгавшую нам навстречу. Довольно урча и не обращая на нас внимания, он размазал ее по пасти, а затем вернулся на место, не производя никакого впечатления на моего спутника.

Директор не ответил на мой вопрос, будто его не было вовсе.

— Вон к той лисичке я подхожу в первую очередь, — весело сказал он. — Все-таки первый экземпляр.

Он протянул руку к пушистому существу с влажным черным носиком. Янтарно-желтые глаза недобро блеснули, и лиса мгновенно вцепилась в кисть директора.

— Ну, ну, милая. Пора оставить эти замашки. Старая история, — обернулся он ко мне, — Как дома, так и здесь.

Я подумал о лисе и возразил:

— Но в природе ей же необходима жестокость... Лисы должны, чтобы выжить, ловить зайцев, воровать кур...

— Нет, курятину она не любила. А насчет воровства... Нелогично. Разве она была голодна или не обеспечена?

— Я вас не понимаю.

— Посмотрите, какой отличный кабан! — воскликнул директор и тут же потащил меня к столбикам, наспех переплетенным веревкою. За ними возвышался грязный, резко пахнущий холм величиной с три здоровых свиньи. Холм встрепенулся, захрюкал, обнажая серо-желтые клыки на красных, словно кровавых, деснах. Малюсенькие глазки злобно сверлили нас...

— А это верблюды. Там — обезьяны. Хотите посмотреть на аллигатора? Вы, вообще-то, кого-нибудь из животных любите?

— Я? Не знаю, — в замешательстве отозвался я.

— Глядите, какой отличный бегемот. Глаза настоящие бегемотьи.

— Какими же им еще быть? — удивился я.

— Нет, знаете, могла произойти ошибка. Вы же, наверное, встречали собак с совершенно человеческими глазами?

— Чья ошибка?

Но директор продолжал:

— Много ошибок. Мужчины со слабыми женскими характерами и наоборот...

— Ничего не понимаю, — неприятное раздражение шевельнулось во мне. — Уж не хотите ли вы сказать, что эти звери искусственные...

И тут я осекся. Прямо надо мной висел громаднейший удав. Теперь я понял, что такое быть загипнотизированным кроликом. Я запомнил все, даже сколько чешуек у него между глазами, даже обе дырочки носа, а глаза сравнил с металлическими шариками из детских мини-игр, покрытыми черным лаком, но вот сдвинуться с места — не мог.

— Почему вы остановились? — спросил директор, дотрагиваясь до моего локтя.

— Ааа!.. — завопил я и бросился по боковой тропинке к озеру.

— Осторожно, там утки! — крикнул вслед директор.

— Утренний чай и вечерний кофе. Если вас не устраивает, можем поменять их местами, — предложил директор, когда я спустился утром на веранду. Головная боль мешала вспомнить — происходило ли все наяву или мне приснился дурной сон, навеянный ночными голосами обитателей зверинца.

— Не стоит из-за меня менять привычки, — вежливо заметил я.

— Скоро принесут газеты, а пока не хотите ли прогуляться по зоопарку?

— Нет!!!

Кажется, я вскрикнул слишком громко. Пуговицы на манжетах моей рубашки мелко задрожали, и мне стало трудно попадать чашкой на блюдце.

Газеты с их привычно избитыми фразами и привычный сорт сигарет на удивление быстро успокоили меня, вернули в нормальное состояние.

— У вас есть жена? — спросил я, намекая на ухоженность дома.

— В принципе есть, — равнодушно ответил директор.

— Она сейчас где-нибудь отдыхает?

— Скорее всего, спит. Она любит днем поспать.

Я улыбнулся, но директор продолжил:

— А ночью твоякает, иногда скулит.

Он говорил это спокойно и внешне ничем не походил на сумасшедшего. Я невольно сжался.

— Видите, какие следы оставляет, — директор показал мне руку со следами вчерашнего лисьего укуса.

— Это... это... ваша жена? — недоуменно спросил я.

— Да, — ответил он. — Мне надоело, что она пыталась строить из себя человека. Боже мой, хоть и не молодым, а каким все же глупым я был. Влюбился без памяти в эту особу — симпатичную, игривую, мягкую. Кто же знал, что у нее такие повадки. Залезть в чужой дом ей было так же необходимо, как для нас с вами высморкаться во время гриппа.

— Как, залезть в дом? Воровать? — не понял я.

— Да, самым настоящим образом. Где стянет доверие, где кусочек чести, а чаще всего хваталась за чужое счастье. Ловили, колотили. Клялась покончить, но не тут-то было. Хитрила, изворачивалась, так следы заметала, что только поражаешься. Но не зря сказано: все тайное становится явным. И люди, прознав о любом безымянном безобразии, стали на нее пальцем показывать.

— И вы превратили ее в лису? — осторожно спросил я, словно понял правила и включился в эту странную детскую игру.

— «Превратил» — сильно сказано. Я не умею ничего превращать. И вообще это невозможно. Вы сами прекрасно знаете.

— Да, конечно, — быстро согласился я.

Директор достал новую сигарету, закурил и продолжил:

— Я просто загнал ее в угол и привел все доказательства.

— Доказательства чего? — глупо спросил я.

— Объяснил, что ей нечего делать среди людей и пора возвращаться...

— Я кажется, брежу. Ваши истории так заняты, вот только бы понять их... — пробормотал я.

— Я тоже сначала удивился, — невозмутимо продолжал директор. — Все-таки любил ее. А тут передо мной оказался рыжий комок шерсти, норовящий цапнуть. Очень уж обиделась она за разоблачение.

— И чем все это кончилось?

— А ничем. И не кончалось вовсе. Когда соседи узнали о моей бедной жене, они, с одной стороны, обрадовались — изрядно она успела им насолить, а с другой стороны, задумались. Через неделю привели ко мне нашу местную достопримечательность — парикмахера и спросили — кто это? Я ответил, что не знаю, надо понаблюдать, присмотреться... Но парикмахер не выдержал, так испугался, что добровольно стал крысой... Все думали, что только у меня такая способность — заставлять людей признаваться, кто они есть, но потом в нашем городе вдруг стали появляться собаки странных расцветок, кошки, вытворяющие то, что и не снилось нормальным кошкам. Одна старушка, говорят, предложила мужу стать попугаем. Он стал, но успел до этого доказать, что она из семейства грызунов. Почти в каждой семье появились животные. Правда, такой зоопарк только у меня. Согласитесь, не всякий захочет держать диких зверей, ведь это большая ответственность...

Нервно допивая пятую чашку чая, я осторожно спросил:

— Кого же напоминаю вам я?

— А как вы думаете?... — сказал он, пристально глядя мне в лицо.

3 руб.

